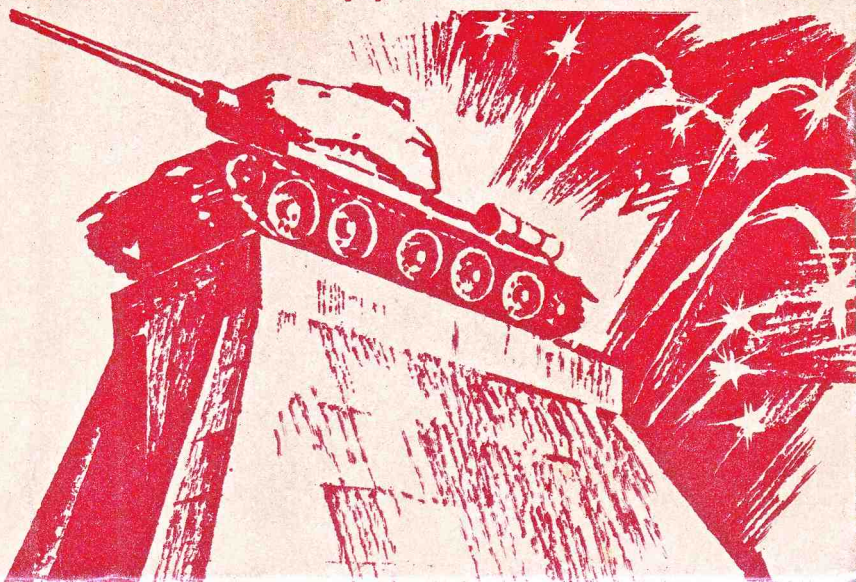

В. Кардашов

5 июля 1943

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ

63.3(2)722.12
К21

Рецензент
кандидат исторических наук,
полковник Г. А. Колтунов.

В книге использованы фотографии
Центрального государственного архива
кинофото документов СССР

К $\frac{0902020000-225}{078(02)-83}$ 010-83

Посвящается памяти подполковника
Семена Герасимовича Евтушенко,
погибшего на Курской дуге

Душная летняя ночь близится к концу: на востоке уже заалела бледная еще полоска зари. Кажется, что грядущий день на фронте будет таким же, как и предыдущие, — относительно спокойным. Но в 2 часа 20 минут тишина внезапно нарушается: советская артиллерия открывает ураганный огонь по вражеским войскам.

Штаб Центрального фронта в деревне Свобода; и представитель Ставки — маршал Жуков, и командующий фронтом — генерал армии Рокоссовский напряженно прислушиваются к канонаде: наконец началось то, чего они ждали три месяца. Гром орудий слышен отчетливо, ведь до врага по прямой немногим более 20 километров...

В 2 часа 30 минут Жукова вызывают к телефону. На проводе Верховный Главнокомандующий:

— Ну как? Начали?

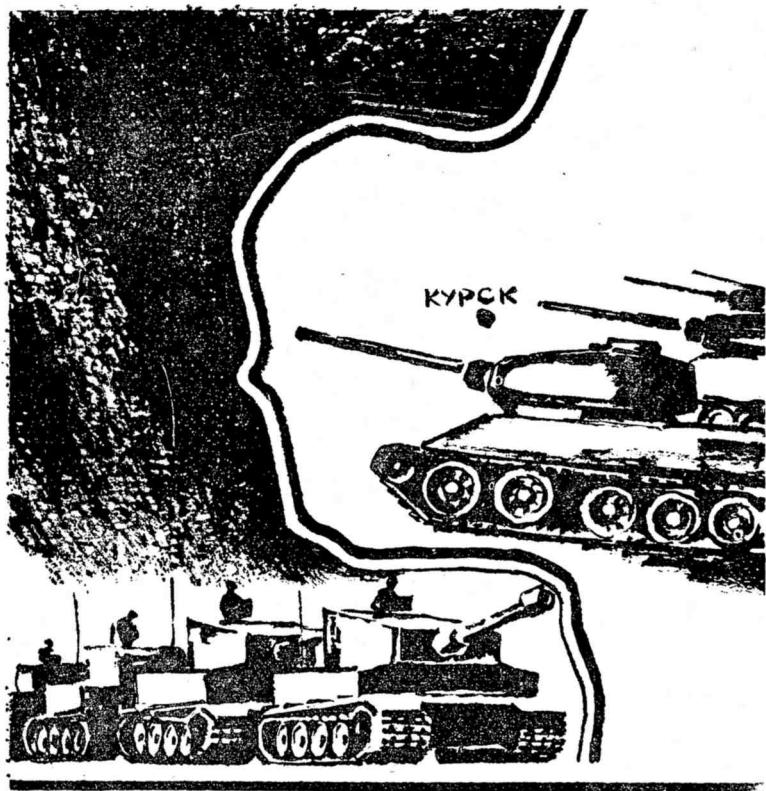
— Начали, товарищ Сталин.

— Как ведет себя противник?

— Пытается отвечать отдельными батареями.

— Хорошо, я еще позвоню...

Канонада продолжается. Небо тем временем светлеет. Начинается день 5 июля 1943 года.

Между величайшими сражениями

После Сталинграда

Перенесемся теперь на пять месяцев назад. Полдень 1 февраля 1943 года. Восточная Пруссия, Растенбург. В тиши густого, мрачного соснового леса, сквозь кроны которого едва проникает солнце, спряталась ставка Гитлера «Wolfschanze» — «Волчье логово», если угодно, можно перевести и как «Волчий окоп», — фюрер «третьего рейха» любит называть места своего постоянного пребывания с «тевтонской простотой». Здесь для свиты Гитлера построены деревянные дома, сам же он

предпочитает проживать в безопасном бетонном бункере. Апартаменты Гитлера невелики — три маленькие комнаты, голые бетонные стены, дешевая мебель, — в отличие от некоторых своих приближенных, например, Геринга; обожающего помпезность, фюрер демонстрирует скромность. На Нюрнбергском процессе генерал Йодль скажет: «Там было много заборов и много колючей проволоки. На всех дорогах, которые вели к ставке, были установлены заставы, а в центре находилась так называемая «зона безопасности № 1»... За исключением военных сводок, в эту святая святых из внешнего мира проникала только очень скудная информация»¹.

«Волчье логово» строго изолировано от внешнего мира, и это отмечал даже столь преданный Гитлеру Геббельс, занесший в дневник: «Просто трагично, что фюрер так отгораживается от действительности и ведет такой нездоровый образ жизни. Он не бывает больше на свежем воздухе, сидит в своем бункере, размышляет и принимает решения»².

Обычно в 12 часов дня в «Волчьем логове» начинается обсуждение военного положения. Оно может длиться и час, и два, и более (после перерыва на обед и отдыха). Обед заполнен пространными монологами Гитлера на любые темы. Каждое слово фюрера старательно записывается. Присутствующие либо ограничиваются поддакиванием, либо, в крайнем случае, рискуют откомментировать высказывания Гитлера. Но никто не осмеливается возражать, спорить. Придет время, кое-что из содержания этих «застольных бесед» в ставке Гитлера станет достоянием внешнего мира, и тогда все будут удивлены и поражены как убожеством и пошлостью, с которой фюрер брался решать любые вопросы, мучившие до того лучшие умы человечества, так и фантастичностью, свирепостью и каннибализмом его замыслов и планов. Монологи фюрера донесли до нас то, какую судьбу уготовили нацисты нашей великой стране. Еще 5 июля 1941 года фашистский диктатор вещал: «Тем, кто спрашивает меня, достаточно ли установить границу по Уралу, я отвечаю — в настоящее время достаточно провести границу там. Самое главное — уничтожить большевизм. В случае необходимости мы возобновим свое наступление, если возникнет новый центр сопротивления. Москва, центр доктрины, должна исчезнуть с поверхности земли, как только богатства из нее будут перевезены в безопасное место».

Через три недели, 27 июля, Гитлер дополнил: граница должна проходить «на двести — триста километров восточнее Урала... Русское пространство является нашей Индией». «У меня нет никаких сожалений, — разглагольствовал он, — в связи с предложением стереть с земли Киев, Москву или Санкт-Петербург».

Эти изуверские замыслы не остались лишь застольным бредом. До конца 1943 года нацисты усердно расписывали «Генеральный план Ост», согласно которому уничтожению подлежало более 100 миллионов советских людей. Глава имперского министерства по делам оккупированных восточных областей А. Розенберг еще в начале войны пояснял суть этого плана: «Дело заключается скорей всего в том, чтобы разгромить русских как народ».

В ставке фюрера обсуждение военных дел продолжалось и поздно вечером. После 22 часов Гитлер вновь собирает приближенных и говорит, говорит, говорит — далеко за полночь. Так шла жизнь в «Волчьем логове» до ноября 1944 года, до того момента, когда грохот орудий Красной Армии, ворвавшейся в Восточную Пруссию, заставил фашистского диктатора бежать в Берлин, чтобы там, и тоже в подземном бункере, закончить свою жизнь.

12 часов 17 минут 1 февраля 1943 года; в ставке Гитлера начинается очередное совещание. Стенографы занимают места, готовясь записывать каждое слово...

Заметим, что еще в сентябре 1942 года было приказано стенографировать все совещания в ставке. Было создано специальное «стенографическое бюро при ставке фюрера», состоявшее из бывших стенографистов рейхстага. Начальник этого бюро Кригер впоследствии, на Нюрнбергском процессе, показывал: «Гитлер пытался путем стенографических записей, с одной стороны, оградить себя от фальсифицированных или неполных докладов... Вследствие ложных, неточных докладов, особенно о планировании и итогах производства, а также о боевых характеристиках вооружения, самолетов и т. п., он еще до создания стенографической службы стал относиться к отдельным органам с явным недоверием... Ссылаясь на ложные или неточные доклады и цифровые данные, он неоднократно выражал сожаление, что не ввел еще раньше стенографирования всего... С другой стороны, Гитлер хотел путем стенографических записей

представить в распоряжение историографии документальные материалы о военном планировании и решениях и зафиксировать роль и ответственность отдельных лиц»³.

Несомненно, и тщеславное желание сохранить «для истории» свои деяния руководило фюрером, когда он приказал записывать каждое произнесенное в ставке им и окружающими слово. Но вот наступили предельные сроки, отведенные историей «третьему рейху», — апрель 1945 года. К тому времени Гитлер и его сообщники успели наговорить целую гору стенограмм: по одним данным, протоколы насчитывали около 100 тысяч, по другим — 200 тысяч страниц. 21 апреля 1945 года, когда советские танки прорвались на окраины Берлина, стенографисты вместе с ящиками, в которых помещались протоколы, на самолетах были отправлены в Баварские Альпы, в резиденцию Гитлера — Берхтесгаден. Теперь уже никто не думал об истории — нацисты старались прежде всего замести следы своих преступлений, поэтому в первых числах мая, уже после самоубийства Гитлера, Борман через своего референта, находившегося в Берхтесгадене, отдал приказ уничтожить стенограммы. Эсэсовцы-охранники отвезли ящики в лес, свалили бумаги в яму, полили их бензином и подожгли.

Но, зная, судьбе было угодно спасти хоть часть столь важных документов. Когда 5 мая в Берхтесгаден пришли американские войска, сотрудники стенографического бюро в полном составе сразу же явились к победителям и, желая заслужить их расположение, поспешили указать, где находятся стенограммы. Расторопный сержант Дж. Аллен из разведки 101-й американской дивизии с помощью стенографистов нашел в лесу то место, где дотлевали документы. С крайней осторожностью из пепла удалось вытащить протоколы или фрагменты протоколов примерно 50 совещаний. В 1962 году в ФРГ был опубликован том в 1000 страниц — их полный текст. Вышло так, что историки все же имеют возможность судить о происходившем в ставке Гитлера, но отнюдь не к вящей славе фашистского диктатора и его генералов.

Итак, перед нами стенограмма совещания 1 февраля 1943 года. Говорит генерал Курт Цейтцлер — начальник генерального штаба сухопутных войск:

— В общем выявляется, что охватывающий маневр противника на Дону распространяется теперь против

Ставка вермахта. Растенбург, 1943 г.

северного крыла. При этом наступает танковая группа из нескольких корпусов. Это вот здесь вверху, в этом районе Манштейн подтягивает 7-ю танковую дивизию. В этот же район он подводит также 3-ю и 4-ю танковые дивизии. 3-я танковая дивизия находится на марше через Ростов...

Речь шла о сражении, получившем у историков название Воронежско-Касторненской операции Красной Армии. В нем были разгромлены основные силы фашистской группы армий «Б». Гитлер и Цейтцлер долго обсуждали положение на южном участке фронта: оно было очень тяжелым для гитлеровской армии. Затем разговор с неизбежностью перешел на другую тему, ведь всего сутками ранее в Сталинграде в подвале разрушенного здания универмага капитулировал со своим штабом только что произведенный в генерал-фельдмаршалы Фридрих Паулюс. В «Волчьем логове» об этом уже знали из сообщения советского радио.

— Они сдались там по всем правилам, — говорил Гитлер. — Можно было бы поступить иначе: сплотиться, образовать круговую оборону, оставив последний патрон для себя. Если представить себе, что у одной женщины достаточно гордости, чтобы, услышав несколько оскорбительных слов, выйти, запереться у себя и немедленно застрелиться, то я не испытываю уважения к сол-

дату, который в страхе отступает перед этим и предпочитает сдаться в плен...

Разочарование фюрера, естественно, велико, ведь он и высшее звание дал Паулюсу только в расчете, что тот застрелится в безвыходном положении: еще не было случая, чтобы германский генерал-фельдмаршал сдавался в плен. Цейтцлер разделяет точку зрения Гитлера.

— Я тоже не могу этого постигнуть. Я все еще думаю, что, может, это не так, что он, возможно, лежит там тяжело раненный.

— Нет. Это так... — Гитлер не сомневается. — Они немедленно будут отправлены в Москву, предстанут перед ГПУ и их принудят отдать приказ, чтобы северная часть котла также сдалась в плен. Шмидт все подпишет. Кто не имеет мужества ступить на путь, на который в конце концов ступает каждый человек, тот не имеет также силы противостоять этому. Он попадает в душевный транс. У нас слишком много развивался интеллект и слишком мало твердость характера...

— Это нечто такое, что совершенно непостижимо, — поддакивает Цейтцлер.

— Но первое подозрение у меня еще раньше возникло. Это было в то время, когда он запрашивал, что ему теперь делать. Как он мог тогда вообще делать такой запрос? Следовательно, в будущем каждый раз, если какая-либо крепость будет осаждена и начальник гарнизона получит требования о капитуляции, он первым делом станет спрашивать: что ему теперь делать?..

— Тут нет никаких оправданий. Он обязан был раньше застрелиться, как только почувствовал, что нервы могут отказаться...

Гитлер настолько разгневался, что заявил:

— В эту войну никто больше не получит звание фельдмаршала. Все это будет сделано только после окончания войны. Не видав вечера, и хвалиться нечего.

Конечно, этого своего обещания, как и многих других, фюрер не сдержал: до конца войны, положение в которой ухудшалось с каждым месяцем, он произвел в генерал-фельдмаршалы еще семь генералов. Для темы же нашей книги особо важно отметить следующую сентенцию Гитлера на совещании 1 февраля 1943 года:

— Я могу сказать одно: возможность окончания войны на Востоке посредством наступления более не существует. Это мы должны ясно представлять себе⁴.

Цейтцлер и в этот раз произнес обычное «Jawóh!» — «конечно». Он никогда не перечил диктатору. Запомним же, однако, фразу Гитлера: не пройдет и нескольких недель, как он и его генералы снова начнут планировать на Восточном фронте наступление и будут возлагать на него огромные, но мало обоснованные надежды.

Красная Армия продолжала наступать. 8 февраля она освободила Курск, к полудню 16 февраля после упорных и жестоких боев — Харьков. Гитлеровское руководство объявило, что Германия отныне вступает в «тотальную войну», как будто до этого война не стоила Германии огромного напряжения людских и материальных ресурсов. 18 февраля в «Спортпаласе» мастер демагогии Йозеф Геббельс кричал перед многотысячной аудиторией:

— У нас две возможности: капитулировать или вступить в тотальную войну. Хотите ли вы капитуляции?

— Нет! Нет! — ревел зал, заполненный нацистскими фанатиками.

— Хотите ли вы тотальную войну?

— Да! Да! Да!..

В «Вольфшанце» тем временем генералы ломали головы: что делать дальше? Прежде всего надо было хотя бы задержать наступление Красной Армии: к 18 февраля соединения 6-й и 1-й гвардейской армий вышли на подступы к Днепропетровску и Запорожью. Если бы советским войскам удалось прорваться к Днепру и захватить там переправы, положение всего южного участка германского фронта стало бы катастрофическим. Враг стал подготавливать сильный контрудар.

Однако к середине февраля наступательные возможности Воронежского и Юго-Западного фронтов, вынесших длительные и тяжелые бои, были исчерпаны. В танковых корпусах оставалось очень мало исправных машин: в бригадах 3-й танковой армии, к примеру, они числились единицами. При отступлении гитлеровцы уничтожали мосты, все и всякие средства передвижения, поэтому доставка боеприпасов и горючего в войска Красной Армии, продвинувшиеся далеко вперед, была крайне затруднена, и они обеспечивались ими крайне недостаточно.

Начальник Генерального штаба Красной Армии, с 16 февраля 1943 года — Маршал Советского Союза, Александр Михайлович Василевский вспоминал об этих

днях: «Командующие Юго-Западным и Воронежским фронтами неправильно оценивали сложившуюся к середине февраля стратегическую обстановку на этом крыле советско-германского фронта: Начавшуюся в десятых числах февраля перегруппировку войск врага... они восприняли как начало отвода врагом его донбасской группировки за Днепр. Исходя из этой неправильной оценки, командующий Юго-Западным фронтом Н. Ф. Ватутин просил у Ставки разрешения на стремительное наступление всеми силами фронта, чтобы окончательно разгромить противника между Северским Донцом и Днепром и выйти на Днепр еще до начала весенней распутицы»⁵.

Ставка Верховного Главнокомандования, основываясь на информации фронтов, решила, несмотря на тяжелое состояние войск, продолжать наступление. Но 19 февраля гитлеровские войска нанесли мощный контрудар. Гитлер, находившийся с 15 февраля в штабе группы армий «Юг» в Полтаве, издал приказ, в котором призывал солдат и офицеров проявить «мужество, выдержку, ответственность», обещал прислать на южный участок фронта новые дивизии и самое современное оружие.

Фашистским войскам на участках прорывов удалось достичь крупного перевеса, особенно в технике. Советские войска начали отступать. Отходили они под непрерывными ударами врага и несли немалые потери. К исходу 3 марта войска Юго-Западного фронта заняли оборону по левому берегу Северского Донца, отбив неоднократные попытки противника форсировать реку.

Не следовало самообольщаться: враг был еще далеко не разбит и способен на ответные удары. Об этом с откровенной прямотой говорилось в приказе Верховного Главнокомандующего от 23 февраля 1943 года. В 25-ю годовщину создания Красной Армии И. В. Сталин, осветив ее успехи зимой 1942/43 года, подчеркивал: «Из этого, однако, не следует, что с гитлеровской армией покончено и Красной Армии остается лишь преследовать ее до западных границ нашей страны. Думать так — значит предаться неумному и вредному самообольщению. Думать так — значит переоценить свои силы, недооценить силы противника и впасть в авантюризм. Враг потерпел поражение, но он еще не побежден. Немецко-фашистская армия переживает кризис ввиду полученных от Красной Армии ударов, но это еще не

значит, что она не может оправиться. Борьба с немецкими захватчиками еще не кончена, — она только разворачивается и разгорается. Глупо было бы полагать, что немцы покинут без боя хотя бы километр нашей земли. Красной Армии предстоит суровая борьба против коварного, жестокого и пока еще сильного врага. Эта борьба потребует времени, жертв, напряжения наших сил и мобилизации всех наших возможностей»⁶.

4 марта немецко-фашистские войска нанесли удар по Воронежскому фронту из района юго-западнее Харькова. Сражение было чрезвычайно ожесточенным. Вечером 14 марта противник вновь захватил Харьков, 18 марта наши войска оставили Белгород. В последующие дни немецко-фашистские войска пытались наступать в северном направлении на Обоянь, но успеха не имели. Одновременно в феврале — марте войска Центрального и Брянского фронтов вели бои на орловско-брянском направлении. В результате этих сражений линия фронта в районе Курска образовала выступ, глубоко вдававшийся в расположение противника. Это и была Курская дуга.

С 25 марта на советско-германском фронте наступила стратегическая пауза.

Как помнит читатель, 1 февраля Гитлер рассуждал о невозможности окончания войны на Востоке при помощи наступления. Однако реальная практика германского командования уже в конце февраля — начале марта 1943 года показала, что именно при помощи наступления Гитлер и его генералы вознамерились, как и прежде, достичь победы над Красной Армией.

Выработка плана действий на лето 1943 года вызвала у германских генералов некоторые колебания и разногласия. Впрочем, все оставались едины в одном: главным, основным противником и в этом году будет Советский Союз. Тут для Гитлера возникало затруднение особого рода: самый близкий ему по духу союзник — Бенито Муссолини — предлагал достигнуть «политического урегулирования» с Россией. 25 марта он писал Гитлеру: «Я заявляю Вам, что русский эпизод мог бы быть теперь закончен. Если возможно, — а я думаю, что это так, — мы должны закончить его заключением сепаратного мира, или, если из этого ничего не получится, созданием оборонительной системы — внушительного восточного вала, который Россия никогда не смогла бы преодолеть... Учитывая размеры, которые остаются ее

величайшим преимуществом, мы не можем стереть Россию с лица земли. Ее территории настолько обширны, что их никогда нельзя завоевать и удержать»⁷.

Муссолини, делая подобное предложение, несомненно, руководствовался желанием гарантировать себе помощь Германии, если англо-американские войска высадятся в Италии: крушение фашистского режима в этом случае представлялось итальянскому диктатору неизбежным. Гитлер постарался успокоить дуче, заявив, что в ближайшее время он нанесет «решающий удар» на Востоке и, если англо-американские войска попробуют предпринять десант в Италии, то помощь Муссолини будет оказана в полном размере.

Уверенность Гитлера в том, что он сможет вскорости нанести «решающий удар» Красной Армии, основывалась, конечно, на успехах контрнаступления фашистских войск в феврале — марте и захвате ими Харькова и Белгорода. И сам Гитлер, и его генералы вообразили, что стратегическая инициатива находится по-прежнему в их руках, что кризис на советско-германском фронте ими уже преодолен и они будут наносить удары Красной Армии где и когда им заблагорассудится. К примеру, командующий группой армий «Юг» Эрих фон Манштейн в книге «Утерянные победы» безапелляционно утверждал, что в конце зимней кампании 1942/43 года «инициатива вновь перешла к немецкой стороне. Во всех зимних боях немецкие войска и их руководство вновь показали свои более высокие качества»⁸. Правда, хвастливые эти заявления Манштейн делал уже после войны, а в марте 1943 года, как мы сейчас увидим, у него имелись серьезные сомнения в успехе наступления вермахта, настолько серьезные, что он собирался строить оборонительный рубеж далеко в собственном тылу.

Было бы преувеличением сказать, что сталинградский урок в корне излечил фашистских генералов от столь свойственной им самоуверенности, но все же у них появилась тенденция более осторожно планировать новые военные операции на советско-германском фронте. Однако оптимистические настроения, прямо скажем, совершенно необоснованные, решительно возобладали, и фашистское командование вновь взяло курс на активные наступательные действия против Красной Армии.

Это неопровержимо доказывает оперативный приказ ставки вермахта № 5 от 13 марта 1943 года, имеющий подзаголовок: «Директива о ведении боевых действий

в ближайшие месяцы». Приказу предшествовало обсуждение обстановки в «Вольфшанце» 12 марта, протокол которого так же имеется в распоряжении историков.

Совершенно неожиданно для себя Цейтцлер обнаружил, что Манштейн, ярый сторонник наступательных действий на Востоке, в то же время втихомолку от начальства вознамерился строить оборонительные позиции глубоко в тылу группы армий «Юг», за Днепром. Карта с нанесенной оборонительной линией была положена на стол перед Гитлером.

— Мой фюрер, — докладывал Цейтцлер, — я занимался этим вопросом. Оказывается, существует «позиция ОКХ *»: Днепр и дальше.

После знакомства с картой Гитлер заявил:

— Этого я не знал.

— Я также не мог предполагать ничего подобного. Это нужно ликвидировать, — предложил Цейтцлер.

— Мне об этом никто не доложил ни слова!

Возмущение фюрера вполне понятно: он готовит новое «решительное» наступление, а командующий группой армий, которой отводится в этом наступлении важнейшая роль, на словах убежденный сторонник активных действий, в то же время планирует строительство мощного оборонительного рубежа далеко в тылу.

— Никто не доложил ни слова! — повторяет Гитлер.

— А вот и приказ об этом!..

— Он не существует, — заверяет Гитлер и тут же начинает вместе с Цейтцлером обсуждать... где строить оборонительные укрепления вдоль Днепра! Так в ставке Гитлера впервые зашла речь о создании «днепровского вала», который предполагалось противопоставить Красной Армии впоследствии, если она не только не будет повержена в ходе планируемого вермахтом наступления, а даже перейдет в атаку!

После обсуждения сроков восстановления разбитых Красной Армией дивизий Гитлер подытожил:

— Все совершенно ясно, Цейтцлер. Все это далеко не соответствует идеальной картине. Но мы должны быть твердыми. Я не могу допустить, чтобы прошел год, в течение которого я где-нибудь не нанес бы русским удара...⁹

В приказе № 5, отданном на следующий день, и были

* ОКХ — «оберкоммандо хеер» — верховное командование сухопутными войсками.

сформулированы основные идеи наступления гитлеровских войск в летней кампании 1943 года: «Следует ожидать, что русские после окончания зимы и весенней распутицы, создав запасы материальных средств и пополнив частично свои соединения людьми, возобновят наступление.

Поэтому наша задача состоит в том, чтобы по возможности упредить их в наступлении в отдельных местах с целью навязать им, хотя бы на одном из участков фронта, свою волю, как это в настоящее время уже имеет место на фронте группы армий «Юг».

На остальных участках фронта задача сводится к обескровливанию наступающего противника»¹⁰.

Далее в приказе определялись задачи для каждой группы армий. Группа армий «А» должна была сократить фронт на Кубанском плацдарме, с тем чтобы высвобожденные силы отдать группе армий «Юг». Кубанский плацдарм и Крым следовало удерживать любой ценой.

Наиболее важными были задачи группы армий «Юг». На северном ее фланге уже к середине апреля следовало сформировать сильную танковую армию, с тем чтобы ударом из района Харькова на север, во взаимодействии с войсками группы армий «Центр» уничтожить силы Красной Армии в районе Курского выступа. Группе армий «Центр» одновременно с созданием ударной группировки для наступления на Курской дуге предстояло «принять меры по дальнейшему улучшению обстановки». И, наконец, группе армий «Север», сосредоточив пока все силы на укреплении обороны, следовало готовиться к тому, чтобы в июле провести операцию против Ленинграда.

Таким образом, наступательные действия предполагалось открыть, как только кончится распутица (к середине апреля), на участке Курской дуги. В конце марта эта операция получила наименование «Цитадель».

Поскольку вскоре после издания приказа № 5 гитлеровским войскам удалось захватить Харьков и Белгород, а аппетит согласно французской поговорке приходит во время еды, 22 марта штаб сухопутных сил специальной директивой предписал Манштейну провести частную операцию под кодовым названием «Ястреб», нанеся удар через Северский Донец в районе Чугуева. Двумя днями позднее Гитлер приказал все той же группе армий «Юг» начать планировку еще более крупной операции — «Пантера», нацеленной на разгром советских войск юго-

восточнее Харькова. Осуществить ее предполагалось до наступления на Курской дуге.

Впоследствии и гитлеровские генералы, и западные историки стали утверждать, что наступление фашистских войск на Курской дуге предпринималось с заранее ограниченными целями. Однако разработка других операций, сопряженных с «Цитадели», доказывает, что в случае удачи гитлеровцы не ограничились бы действиями на Курской дуге. Зная безудержность авантюризма, свойственного Гитлеру и его генералам, можно не сомневаться: если бы успех сопутствовал им в операции «Цитадель», незамедлительно последовали бы и другие активные операции, может быть, попытка обойти Москву с юго-востока.

Но наступление гитлеровских войск в конце марта было остановлено, и фашистскому командованию пришлось отказаться от немедленного проведения операций «Ястреб» и «Пантера». Тем не менее предполагалось, что «Пантера» должна развернуться сразу же после разгрома советских войск в районе Курска.

В необходимости достичь такого разгрома Гитлер теперь уже не сомневался, и в этом его убеждали и поддерживали генералы, которые после войны станут валить вину за поражение на «дилетанта», «выскачку» Гитлера. Разработка плана «Цитадель» продолжалась, и 15 апреля Гитлер подписал оперативный приказ № 6 — основную директиву о намерениях вермахта на Восточном фронте. Рассмотрим ее подробнее.

«Я решил, — так Гитлер начинал директиву, — как только позволят условия погоды, провести наступление «Цитадель» — первое наступление в этом году». Обратим внимание — «первое наступление», значит, в случае успеха последуют и другие. Какое уж тут «наступление с ограниченными целями», да дальнейший текст приказа и не оставляет места для кривотолков.

«Этому наступлению придается решающее значение, — продолжал Гитлер. — Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года.

В связи с этим все подготовительные мероприятия необходимо провести с величайшей тщательностью и энергией. На направлении главных ударов должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, луч-

шие командиры и большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна стать факелом для всего мира».

Вот так, ни больше ни меньше — «факелом для всего мира»!

Цель наступления формулировалась в приказе так: «Сосредоточенным ударом, проведенным решительно и быстро силами одной ударной армии из района Белгорода и другой — из района южнее Орла, путем концентрического наступления окружить находящиеся в районе Курска войска противника и уничтожить их».

В директиве устанавливался и срок начала операции, причем очень близкий: «Сосредоточение сил обеих групп армий для наступления осуществить в глубине, вдали от исходных позиций, чтобы, начиная с 28.4, на шестой день после отдачи приказа главным командованием сухопутных войск, они могли начать наступление»¹¹. Итак, срок — начало мая. К 24 апреля командующие группами армий должны были представить свои планы наступления.

Возможность победы на Курской дуге для Гитлера и его окружения значила очень много, и по временам даже современные западные историки, в массе своей стремящиеся принизить значение победы Красной Армии в Курской битве, признают это. Так, американский историк М. Кейдин в книге «Тигры горят» пишет: «На карту было поставлено куда значительно больше, чем просто город Курск или продвижение по местности на север, юг и восток, а именно то, что никогда не отразилось бы на схемах и картах, — беспощадная расправа над русскими, и в этом заключалась суть немецкого плана: измотать, перемолоть, рассеять; убить и захватить... Позднее, если операция «Цитадель» пойдет так, как рассчитывал Гитлер, последует большое новое наступление на Москву. Позднее он претворит в жизнь свой совершенно секретный план «Песец», и германские вооруженные силы молниеносным ударом оккупируют Швецию. Позднее он... усилит войска в Италии, чтобы отбить вторжение союзников и сбросить их в море, ибо он знал, что приближается время этого вторжения. Направит мощные подкрепления на Атлантический вал, — может быть, достаточные, чтобы сломить хребет силам вторжения из Англии... Это было не только русской судьбой, которая дол-

жна была решиться под Курском, а судьба самой войны»¹².

Гитлер и его генералы, разрабатывавшие директивы для наступления, были уверены в успехе. Но по русской пословице: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить!»

В Ставке Верховного Главнокомандования

Все эти недели марта — апреля 1943 года Советское Верховное Главнокомандование, конечно же, не бездействовало.

Выработка плана предстоящей кампании на весну и лето 1943 года началась сразу же по завершении зимней кампании, в конце марта. Заместитель Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуков и начальник Генерального штаба А. М. Василевский, постоянно посещавшие различные фронты, оценивали обстановку, уточняли задачи и необходимые меры обороны, так как ожидалось продолжение наступательных действий врага. Однако пришла распутица и вместе с ней уверенность, что вермахт в ближайшие недели наступать не сможет: это было ясно каждому, кто хоть раз видел весеннюю распутицу в Южной России. Кстати, то, что было не по силам гитлеровским войскам, оказалось позднее возможным для советских солдат: именно в распутицу осенью 1943 года и весной 1944 года на Украине советские войска осуществили блестящие операции, характерные стремительными маневрами.

В начале апреля 1943 года Генеральный штаб указал фронтам: необходимо использовать время весенней распутицы, чтобы укрепить оборону и одновременно подготовить войска к наступательным операциям. В тылу формировались мощные резервы, накапливались техника, боеприпасы, горючее. Достаточно сказать, что уже в начале апреля в резерве Ставки имелось на укомплектовании шесть общевойсковых и две танковых армии, а также большое число отдельных соединений. Надо упомянуть, что фашистское командование, планировавшее огромную наступательную операцию, не имело даже и приблизительного представления о состоянии резервов противника, считая Красную Армию истощенной и неспособной на мощное наступление.

Советское Верховное Главнокомандование, распола-

гая столь значительными резервами, могло и намеревалось уже вскорости открыть широкие наступательные действия на юго-западном направлении. Но оно стремилось, как это и положено, разгадать намерения противника, следить за его действиями. 3 апреля Ставка в директиве указывала на необходимость «обязательно добиваться захвата пленных, чтобы постоянно следить за всеми изменениями в группировке противника и своевременно определять направления, на которых противник производит сосредоточения войск, и особенно своих танковых частей».

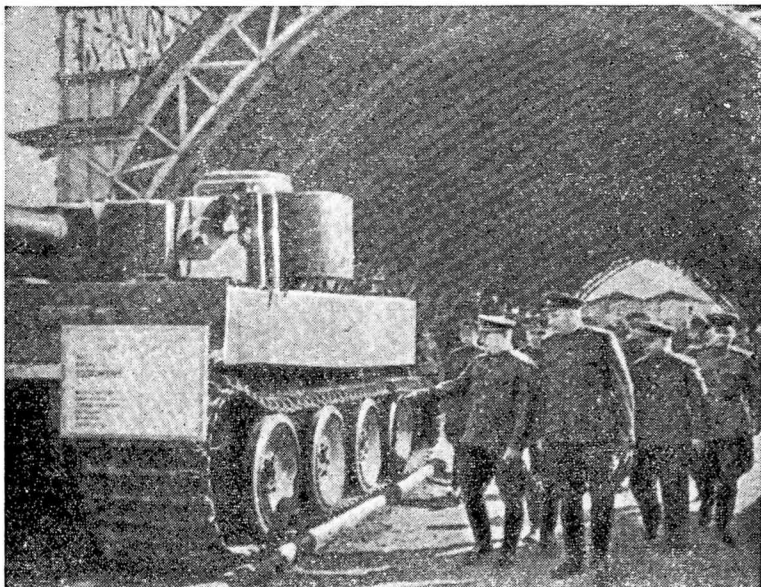
Перед Ставкой ВГК появилась дилемма: наступать или обороняться? Анализу подвергались различные варианты, и в нем участвовал достаточно широкий круг военачальников.

Г. К. Жуков в начале апреля продолжал оставаться на Курской дуге; 8 апреля в 5 часов 30 минут утра он, обсудив имевшиеся данные с командующим Центральным фронтом К. К. Рокоссовским и командующим Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутиным, направил в Москву обстоятельный доклад «Товарищу Васильеву» — так в тот период в целях соблюдения тайны именовали в документах Верховного Главнокомандующего. Доклад этот поразителен убедительностью аргументации и глубиной предвидения: «Докладываю свое мнение о возможных действиях противника весной и летом 1943 года и соображения о наших оборонительных боях на ближайший период.

1. Противник, понеся большие потери в зимней кампании 42/43 года, видимо, не сумеет создать к весне большие резервы для того, чтобы вновь предпринять наступление для захвата Кавказа и выхода на Волгу с целью глубокого обхода Москвы.

Ввиду ограниченности крупных резервов противник вынужден будет весной и в первой половине лета 1943 года развернуть свои наступательные действия на более узком фронте и решать задачу строго по этапам, имея основной целью кампании захват Москвы.

Поскольку нам уже известны общие намерения гитлеровского руководства, остается только восхищаться тем, как точно, обобщив обширные разведданные, Жуков сумел оценить замысел будущей операции «Цитадель». Мало того — здесь же он точно указывает участок огромного советско-германского фронта, на котором развернется летнее сражение 1943 года: «Исходя из нали-

На выставке трофейного оружия Справа налево: Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, маршал артиллерии Н. Н. Воронов и Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

чия в данный момент группировок против наших Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов, я считаю, что главные наступательные операции противник развернет против этих трех фронтов, с тем чтобы, разгромив наши войска на этом направлении, получить свободу маневра для обхода Москвы по кратчайшему направлению.

2. Видимо, на первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до 13—15 танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесет удар своей орловско-кромской группировкой в обход Курска с северо-востока и белгородско-харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока».

Можно подумать, что Жуков видел план операции «Цитадель», настолько точен он в своих предсказаниях, вплоть до количества танковых дивизий: в Курской битве гитлеровское командование смогло использовать ни больше ни меньше как 16 танковых и моторизованных

дивизий. Выходит, напрасно Гитлер и его генералы хранили тайну; их будущие действия, еще до появления приказа № 6 от 15 апреля, с неопровержимой логичностью предсказывались и анализировались советским полководцем.

Далее в докладе Жуков, перечислив возможные варианты действий противника, указывает и способ, при помощи которого немецкие генералы попытаются прорвать фронт: «5. Следует ожидать, что противник в этом году основную ставку при наступательных действиях будет делать на свои танковые дивизии и авиацию, так как его пехота сейчас значительно слабее подготовлена к наступательным действиям, чем в прошлом году».

Завершил доклад Жуков в столь свойственной ему определенной и решительной форме: «Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выведем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника»¹.

Можно было бы считать этот документ поразительным, если не знать, что Георгий Константинович Жуков — выдающийся советский полководец. Верховный Главнокомандующий очень уважал Жукова и ценил его мнение, но в таком сложном и важном деле, как определение способа действий в предстоящей кампании, мнения одного человека, даже и столь авторитетного, было недостаточно. Требовалось коллективное рассмотрение вопроса.

А. М. Василевский был на приеме у Верховного Главнокомандующего, когда поступил доклад Жукова. И. В. Сталин знал, что Генеральный штаб придерживается той же точки зрения, что и Жуков. Поэтому, прочитав доклад, он сказал:

— Надо посоветоваться с командующими войсками фронтов. Запросите их мнение. Генштаб должен подготовить специальное совещание, на котором мы обсудим план летней кампании.

Верховный позвонил на Центральный и Воронежский фронты, приказав к 12 апреля представить соображения командующих фронтами по оценке обстановки и по плану будущих действий.

На следующий день Василевский был уже на Воронежском фронте, где вместе с Жуковым еще раз обсудил

планы на будущее. Мнения их совпадали по всем вопросам.

Тем временем с фронтов в Ставку последовали доклады. 10 апреля начальник штаба Центрального фронта М. С. Малинин докладывал: «Цель и наиболее вероятные направления для наступления противника в весенне-летний период 1943 года:

а) Учитывая наличие сил и средств, а главное результаты наступательных операций 1941—1942 годов, в весенне-летний период 1943 года следует ожидать наступления противника лишь на курско-воронежском операционном направлении.

На других направлениях наступление врага вряд ли возможно».

О времени начала гитлеровскими войсками операции штаб Центрального фронта сообщал: «К перегруппировке и сосредоточению войск на вероятных для наступления направлениях, а также к созданию необходимых запасов противник может приступить после окончания весенней распутицы и весеннего половодья.

Следовательно, перехода противника в решительное наступление можно ожидать ориентировочно во второй половине мая 1943 года».

С Воронежского фронта 12 апреля поступил доклад с аналогичными оценками: «Намерение противника — нанести концентрические удары из района Белгорода на северо-восток и из района Орла на юго-восток, с тем чтобы окружить наши войска, находящиеся западнее линии Белгород — Курск... Для крупного наступления противник сейчас еще не готов. Начала наступления следует ожидать не ранее 20 апреля с. г., а вероятнее всего, в первых числах мая»².

Приведенные отрывки свидетельствуют, насколько деловито и точно, а главное — правильно судили советские военачальники и о противнике, и о будущих его действиях. Сравнивая документы советских полководцев этого периода и периода непосредственной подготовки к битве с документами, исходившими из штабов гитлеровских войск, видишь, что хваленые генералы вермахта и в 1943 году не могли отделаться от свойственного им пренебрежения к противнику, недооценки его сил и как следствие этого — авантюристичности решений.

Несомненно, прав советский историк Д. М. Проэктор, отмечавший органическую слабость германского военного руководства, ясно обнаруживавшуюся каждый раз, ко-

гда оно пыталось «оценивать войну в широких масштабах глобального или даже континентального порядка». В условиях, когда требовался особый размах мышления, гитлеровские генералы оказывались некомпетентными, им была неподвластна «та область военного руководства, которая лежит на граци стратегии, политики, экономики»³.

11 апреля Жуков возвратился в Москву. Весь следующий день он, Василевский и заместитель начальника Генштаба А. И. Антонов готовили материалы для доклада Сталину. Поздно вечером он принял их. Но прежде расскажем о том, как работал Верховный Главнокомандующий. Свидетельства об этом сохранились в воспоминаниях видных советских военачальников и государственных деятелей.

Служебный кабинет Сталина в Кремле был расположен на втором этаже здания бывшего Сената, в северном его углу, у Никольской башни. У посвященных место это называлось «уголок». Вход с крытого, старинного крыльца; в вестибюле — проверка пропусков. По широкой каменной лестнице, покрытой красной ковровой дорожкой, и длинному коридору посетители попадали в секретариат. Ожидающих в приемной почти никогда не было: регламент приема соблюдался неукоснительно.

Просторный кабинет со сводчатым потолком, три окна глядят на кремлевский двор, на Арсенал. Стены снизу, в рост человека, обшиты мореным дубом, мебель старая, темного цвета. Справа от двери — витрина с посмертной маской В. И. Ленина, слева — большие стоячие часы. Ковровая дорожка через весь кабинет ведет к письменному столу. На нем всегда много книг и бумаг, остро отточенных цветных карандашей. Пометки Сталин обычно делал синим карандашом, писал быстро, размашисто, но разборчиво. Читал он без очков. За столом кресло, по левую руку от него столик с разноцветными телефонами, над столом — картина: Ленин на трибуне.

На стене слева портреты Маркса и Энгельса, вдоль нее — стол, накрытый зеленым сукном, вокруг него стулья. Место Сталина во главе стола. Между окнами у противоположной стены книжный шкаф (Собрание сочинений В. И. Ленина, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Большая Советская Энциклопедия). В другом простенке помещался большой диван, обшитый черной кожей; два таких же кресла — перед письменным столом. В кабинете светло. Из кабинета дверь вела в со-

седнюю комнату, стены которой были увешаны картами; посредине комнаты стоял большой глобус.

Все современники, общавшиеся со Сталиным, единогласны: на первый взгляд внешность его не производила впечатления. Чуть ниже среднего роста, пропорционально сложенный человек, одетый очень просто. Цвет лица серый, без румянца. Волосы черные, с рыжинкой, за годы войны в них появилось много седины. Глаза — коричневые, взгляд очень пристальный, скорее пронзительный. Смеялся Сталин редко, но юмор и шутку понимал и ценил. Если Сталин в хорошем настроении, то глаза кажутся добрыми, если он улыбается, даже ласковыми, но вот если он сердится...

Г. К. Жуков, имевший время хорошо узнать Сталина, писал: «Трудно сказать, какая черта характера у него преобладала. Человек разносторонний и талантливый, И. В. Сталин не был ровным. Он обладал сильной волей, характером скрытным и порывистым. Обычно спокойный и рассудительный, временами он впадал в острое раздражение. Тогда ему изменяла объективность, он резко менялся на глазах, еще больше бледнел, взгляд становился тяжелым, жестким. Не много я знал смельчаков, которые могли выдержать сталинский гнев и отпарировать удар»⁴. Добавим, что сам Жуков и был одним из таких смельчаков.

В то же время Жуков, да и не только он, свидетельствовал, что Сталин «вовсе не был таким человеком, которому нельзя было ставить острые вопросы или спорить с ним, твердо отстаивая свою точку зрения... Верховный ко всем обращался одинаково — строго и официально. Он умел внимательно слушать, когда ему докладывали со знанием дела. Сам он был немногословен и многословия других не любил, часто останавливал разговорившего репликами — «короче!», «яснее!». Совещания открывал без вводных, вступительных слов. Говорил тихо, свободно, только по существу вопроса. Был лаконичен, формулировал мысли ясно»⁵.

Распорядок дня у Сталина был необычным: начинал работу он во второй половине дня и продолжал ее далеко за полночь, иногда и до утра. Работал много, особенно во время войны: по 12—15 часов в сутки. К такому распорядку приходилось приспособляться аппаратам Центрального Комитета партии, Совета Народных Комиссаров, Генерального штаба. Это, несомненно, изматывало людей.

На совещаниях у Сталина не велось стенограмм; он считал, что это стесняет выступающих. Решения по всем обсуждавшимся делам принимали сразу же, но лишь после всестороннего обсуждения и неременного участия специалистов. Мнение их выслушивалось самым внимательным образом и нередко оказывалось решающим. Когда вопрос был очень сложным и требовал дополнительной подготовки, на это давался строго определенный срок: два-три дня, не более.

Верхоглядства, легкомысленного отношения к делу Сталин не терпел и к тем, кто его проявлял, был безжалостен. Идти на доклад в Ставку с так называемыми «ориентировочными», а тем более преувеличенными данными было невозможно, даже рискованно. Ответов наугад он не признавал и всегда требовал исчерпывающей полноты и ясности.

Отсюда понятно, почему Жуков, Василевский и Антонов так старательно готовились к докладу Верховному Главнокомандующему 12 апреля 1943 года. Он всегда очень серьезно относился к такому делу, как разработка операции, а в этот раз был особенно придирчив. По взвешивании всех обстоятельств участники совещания сошлись во мнении: гитлеровцы любой ценой будут стремиться удержать фронт, не оставят без боя ни клочка захваченной земли. Наступать, однако, повсюду, от Финского залива до Новороссийска, они не смогут, сил для этого не хватит, но на одном стратегическом направлении, несомненно, сумеют собрать крупные людские и материальные резервы. Наиболее вероятный участок наступления — Курская дуга.

Уже в тот момент, в середине апреля, или в самое ближайшее время, Красная Армия могла бы начать наступление. Но возникал вопрос: стоит ли делать это, не лучше ли, обороняясь, выбить у противника танки, а затем обрушиться на него подготовленными резервами? Такой способ действий представлялся соблазнительным, но, по свидетельству А. М. Василевского, Верховный Главнокомандующий не скрывал беспокойства: выдержат ли наши войска удар крупных масс танков противника, не прорвут ли танки оборону? Остановить их, ликвидировать последствия прорыва, как это показали события 1941—1942 годов, было бы весьма трудно.

После всестороннего обсуждения решили все же не наступать, выжидать нападения фашистов. Таким образом, оборона наших войск была не вынужденной, а сугу-

бо преднамеренной. Красная Армия не теряла захваченной зимой инициативы, а избирала выгодный ей характер военных действий. Это был редчайший в военной истории случай — сильнейшая сторона преднамеренно переходила к обороне.

Надо подчеркнуть, что одновременно с планом обороны и последующего контрнаступления решено было предусмотреть и наступательные действия на тот случай, если фашистское командование не начнет активных действий под Курском в ближайшие недели, станет оттягивать их или же вообще откажется от наступления. Выбор момента для перехода в наступление советское командование в зависимости от обстановки оставляло за собой.

Как видим, уже в первой половине апреля, еще до того, как Гитлер и его генералы отдали директиву № 6, Советское Верховное Главнокомандование сумело понять замысел противника, угадать его намерения и принять необходимые меры к отражению наступления врага. Тем самым исчезал элемент внезапности, на который так рассчитывали организаторы операции «Цитадель»; противник лишался важного преимущества, а операция с самого начала обрекалась на провал.

Баланс сил — в нашу пользу!

Итак, обе стороны определили свои намерения, приняли решения. Теперь им предстояло готовиться к схватке. Какими же силами располагали противники к весне 1943 года? Тут нам никак не обойтись без цифр.

Зимой 1942/43 года армии Германии и ее сателлитов понесли на Восточном фронте огромные, невиданные до того потери: Красная Армия разгромила около 100 дивизий противника, то есть более 40 процентов всех его соединений на советско-германском фронте. Фашистский блок потерял в зимней кампании на советско-германском фронте до 1700 тысяч человек, 24 тысячи орудий, 4,3 тысячи самолетов, более 3,5 тысячи танков. Потери эти не шли ни в какое сравнение с потерями, понесенными Германией и ее союзниками за тот же срок в Европе и Африке.

Разумеется, главную часть своих вооруженных сил фашистская Германия держала на Востоке: из 273 дивизий и 4 бригад, имевшихся у нее на 1 апреля 1943 го-

да, 194 дивизии и 2 бригады, то есть более 70 процентов всех войск вермахта, действовали на советско-германском фронте. Дивизии эти, кстати, не отдыхали, как, к примеру, во Франции, а вели упорную, жестокую борьбу, истекая кровью. Кроме того, совместно с немецко-фашистскими войсками на Востоке действовали 32 дивизии и 8 бригад союзников Германии — Финляндии, Венгрии, Румынии, Италии.

Когда сопоставляешь подобные цифры, приходится только удивляться той наглости, с которой многие современные зарубежные историки и журналисты пытаются изображать события 1943 года на советско-германском фронте как нечто маловажное, второстепенное для судеб второй мировой войны. О Курской битве иные из них даже и не упоминают. Впрочем, воздействие буржуазной пропаганды на умы населения западных стран столь велико, что и вся Великая Отечественная война ныне представляется там «Неизвестной войной», как это явствует хотя бы из названия советского 20-серийного телефильма, прошедшего недавно на экранах США. Буржуазные пропагандисты, исполняя волю владельцев средств массовой информации — прессы, радио, кино, телевидения, различных Рокфеллеров, Ротшильдов, Лебов, Кунов, стремятся принизить, предать забвению подвиг советского народа в войне и всемерно возвеличить, раздуть роль англо-американских войск.

Но вот ведь что интересно: немецко-фашистское командование почему-то было уверено, что и в 1943 году англо-американские войска не откроют второй фронт в Европе. 19 мая на очередном совещании в ставке Гитлер так и утверждал: «На западе ничего не случится: в этом я полностью убежден». А раз так, значит, основные силы можно направить против Красной Армии. И вот на Восток следуют все новые и новые составы с техникой и людьми.

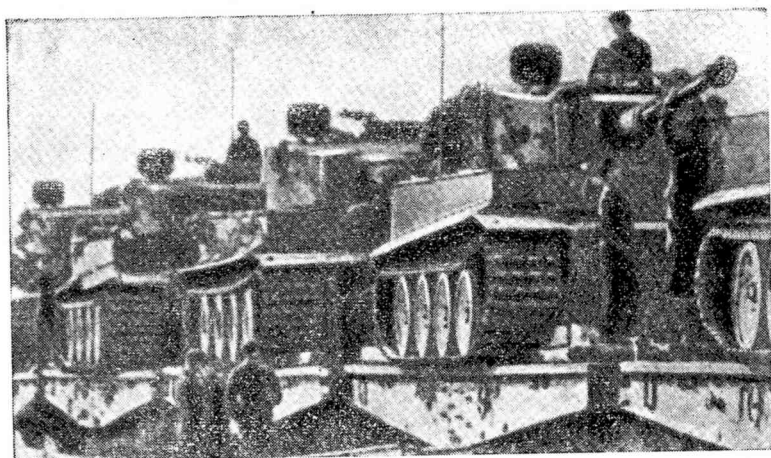
К июлю 1943 года две трети всех пехотных соединений вооруженных сил Германии находились на советско-германском фронте. В преддверии запланированного наступления фашистское командование беспокоила боевая подготовка пехоты. Этому был посвящен специальный приказ Гитлера от 22 июня 1943 года. Во вторую годовщину войны с СССР, войны, которую Гитлер когда-то намеревался завершить в 6—8 недель, он был вынужден признаться: «В последнее время на отдельных участках Восточного фронта наступательные и контрнаступатель-

ные действия проводятся не столь успешно, как ранее. Также в ходе оборонительных боев некоторые батальоны оставили те позиции, которые обороняли уже в течение длительного времени. В качестве оправдания утверждают: «Пехота стала не такой, как была прежде». С этими упадочническими настроениями не должен смиряться военачальник».

В очевидном противоречии со сказанным только что Гитлер сам давал объяснение этому неприятному, но реальному факту: «...На четвертый год войны по само собой разумеющимся причинам именно в пехоте, которая несет наиболее тяжелые жертвы и теряет своих лучших людей, проявляются известные недостатки в подготовке, резервах, деловых качествах младших командиров, затрудняется пополнение их рядов за счет молодежи. Устранение этих недостатков — обязанность военачальников всех степеней»¹.

Снижение боеспособности пехоты вермахта было налицо, что отмечали в тот период и советские военачальники. Отдавая распоряжение о поднятии боеспособности пехоты, Гитлер мог утешать себя и подчиненных сентенциями вроде следующих: «Немецкий пехотинец, как и прежде, во всем превосходит русского, и так будет всегда. Он более стоек, чем славянин»; «Эти недостатки в гораздо большей мере присущи пехоте врага, которую мы превосходим с самого начала и которая понесла несравнимо большие потери», но факт все же оставался фактом: начиная новую операцию, фашистское командование признавало недостаточность подготовки своей пехоты. Правда, на другие рода войск оно полагалось по-прежнему.

Особое внимание уделялось восстановлению мощи бронетанковых войск, положение в которых после Сталинграда оказалось весьма тяжелым. Гейнц Гудериан, «танковый гений» вермахта, удаленный Гитлером из армии после поражения под Москвой и возвращенный теперь на должность генерал-инспектора бронетанковых войск, в докладе от 9 марта 1943 года писал: «К сожалению, в настоящее время у нас нет уже ни одной полностью боеспособной танковой дивизии. Однако успех боевых действий как этого года, так и последующих лет зависит от того, удастся ли нам снова создать такие соединения. Если нам удастся разрешить эту задачу, то мы во взаимодействии с военно-воздушными силами и подводным морским флотом одержим победу. Если не

Переброска немецко-фашистских войск в район Курского выступа.

удастся, то наземная война станет затяжной и дорогостоящей»². Обратим внимание, что у Гудериана, и в этом документе, и в его послевоенных воспоминаниях, речь идет не о проигрыше войны фашистской Германией (а он после Сталинграда был неизбежен), но лишь о том, что война станет «затяжной и дорогостоящей». Такова была оценка ситуации одним из наиболее авторитетных генералов вермахта, таким близоруким было хваленое военное руководство фашистского вермахта!

На Восточный фронт в первую очередь направлялись новые боевые машины, последнее слово немецкой военной техники — «тигры», «пантеры», «фердинанды». Они имели мощное вооружение, сильную броневую защиту и совершенные прицелы, с ними фашистское командование связывало главную надежду на успех. Всего на советско-германском фронте к началу боевых действий находилось 20 танковых и 6 моторизованных дивизий (из 41 дивизии, имевшейся в вермахте), то есть более 63 процентов от общего числа.

Спешно пополнялись боевой техникой и личным составом авиационные соединения, также сильно пострадавшие в боях на Восточном фронте. В них стали поступать самолеты новых типов: истребитель-бомбардировщик «Фокке-Вульф-190», имевший четыре пушки, два пулемета и большую для того времени скорость —

610 км/ч, модифицированный истребитель «Мессершмитт-109», усовершенствованные бомбардировщики «Хейнкель-111», «Юнкерс-88» и штурмовик «Хеншель-129».

Гитлеровская авиация продолжала нести тяжелые потери на протяжении всех весенних месяцев 1943 года и не справлялась со своими задачами: не могла достичь превосходства над советской авиацией на востоке и надежно защитить города Германии на западе от налетов англо-американской авиации. Фашистское руководство пошло на сокращение строительства бомбардировщиков; зато выпуск истребителей и штурмовиков в 1943 году увеличился вдвое по сравнению с предыдущим годом. Однако и это не помогало.

Выход, хотя бы на время операции «Цитадель», можно было найти только в переброске авиационных соединений с Запада. Гитлеровское командование так и поступило. Это означало, во-первых, резкое ослабление фашистской авиации в боях над Средиземным морем, что облегчало действия англо-американских войск, готовившихся к высадке десанта в Сицилии, и, во-вторых, ослабление противовоздушной обороны в самой Германии. И здесь англо-американская авиация, делавшая основную ставку на массовые бомбардировки городов «третьего рейха», получала гораздо большую свободу действий.

Однако Гитлеру и его генералам казалось, что игра — победа над Красной Армией — стоила свеч, и к лету 1943 года из 4900 фашистских боевых самолетов до 2700 (то есть 55 процентов) находились на советско-германском фронте. Забегая вперед, скажем, что оттуда их подавляющему большинству не суждено было возвратиться, и не в последнюю очередь благодаря этому англо-американская авиация овладела в Европе господством в воздухе и располагала им до конца войны.

В результате огромных усилий гитлеровскому руководству удалось в значительной мере восполнить потери и залатать бреши. «Тотальная мобилизация» дала вермахту около двух миллионов человек, что позволило в первом полугодии 1943 года сформировать вновь и доукомплектовать 50 дивизий для сухопутных и военно-воздушных сил и четыре дивизии войск СС.

Разумеется, главные пополнения отправлялись на Восток: с апреля по июль личный состав вооруженных сил вермахта на советско-германском фронте возрос на

266 тысяч, количество орудий и минометов возросло на 5,4 тысячи, танков и штурмовых орудий — на 2,5 тысячи. Число самолетов почти не увеличилось: в воздухе на Востоке все время шли невиданные сражения, в них гитлеровская авиация несла огромные потери, которые едва удавалось восполнять.

Германия оставалась мощным противником, но все же гитлеровскому руководству не удалось довести общую численность своих вооруженных сил на Востоке до наивысшего уровня, достигнутого в середине ноября 1942 года, перед сталинградской катастрофой. Это обстоятельство было крайне неприятным для фашистской Германии, так как силы Красной Армии за тот же период выросли и численно и качественно.

Победы зимой 1942/43 года дались Красной Армии нелегко. Сокрушая врага, она сама с неизбежностью несла немалый урон в людях и технике. И все же, даже после тяжелых боев, к 1 апреля 1943 года Красная Армия существенно превосходила врага в людях и технике. Но не это было главным: в суровых боях был приобретен ценнейший опыт ведения боевых действий, советское военное искусство поднялось на новую ступень. Боевая выучка и моральная закалка советских воинов стали еще выше.

Шел к исходу второй год войны. Советскому читателю хорошо известно, каким невероятно тяжелым был для нашего народа первый период войны, какие испытания выпали на долю советских людей, будь то на фронте или в тылу.

Несмотря на временную потерю захваченных фашистскими войсками важных промышленных районов, несмотря на то, что эвакуированные на восток предприятия не сразу удавалось пустить на новом месте на полную мощность, рабочий класс нашей страны под руководством Коммунистической партии сумел уже в 1942 году произвести гораздо больше вооружения, чем промышленность Германии. Все познается в сравнении; так вот, в 1943 году в нашей стране было произведено тяжелых и средних танков в 1,4 раза больше, боевых самолетов в 1,3 раза, орудий 76-миллиметрового калибра и выше — на 63 процента, минометов — на 213 процентов больше, чем промышленностью фашистской Германии. Вдумаемся в эти цифры: имея в 3—4 раза меньше стали и добывая в 3—3,5 раза меньше угля, наша страна за годы войны дала Красной Армии боевой техники

Ксмсомольцы тыла — фронту.

в два раза больше, чем промышленность Германии! Иначе как подвигом это не назовешь!

1943 год был наиболее напряженным для страны в продовольственном отношении. Засуха весной и летом 1943 года в Поволжье, Западном Казахстане, на Северном Кавказе, длительные дожди в центральных областях РСФСР и ранняя зима в Сибири сильно отразились на урожае этого года. Но продовольствие требовалось стране, без него армия не могла сражаться.

Ценой невероятных усилий производство продукции сельского хозяйства в целом удалось удержать почти на уровне 1942 года. Но этого было мало, и осенью пришлось на время снизить нормы выдачи хлеба, и без того весьма скудные. Советские люди, понимая сложность

положения, ради победы готовы были нести и мужественно несли невзгоды и тяготы войны. И сегодня, когда мы говорим и пишем о Победе нашего народа в Великой Отечественной войне, мы должны в ноги поклониться тем труженикам тыла, в основном женщинам и подросткам, которые не только ковали на заводах оружие, но и возделывали поля, снабжали фронт продовольствием, отрывая кусок хлеба от себя и детей. Результат их самоотверженности известен и глубоко символичен: Красная Армия не голодала. Нескончаемым потоком шла на фронт техника, и оружие, которое страна вручала своим защитникам, было не хуже, а часто лучше, чем оружие врага.

Как мы уже знаем, фашистское командование основную надежду на успех возлагало на новые мощные танки, которые должны были проломить оборону советских войск. Советское командование предвидело это. 15 апреля ГКО принял специальное постановление «О мероприятиях по усилению противотанковой обороны», в котором предписывалось перевести ряд заводов на производство усовершенствованных противотанковых и танковых пушек, обеспечив одновременно производство подкалиберных снарядов. Сроки для такого важного дела ставились весьма жесткие, и в апреле производство новой продукции уже началось.

К сражению на Курской дуге в войсках уже имелась новая советская 57-мм противотанковая пушка — одна из лучших систем подобного калибра. Бойцы любовно называли ее «зверобоем»: она успешно пробивала броню «тигров» и «пантер». В начале 1943 года наша промышленность на основе танка КВ освоила тяжелую самоходно-артиллерийскую установку САУ-152, которая также весьма пригодилась на полях Курской битвы. Одновременно советские конструкторы создавали и другие новые орудия, усовершенствовали уже имевшиеся системы.

Развитию средств противотанковой обороны советское командование уделяло много внимания и не жалело здесь затрат и усилий. Характерный пример: заместитель командующего ВВС Красной Армии А. И. Никитин во второй половине апреля 1943 года доложил Верховному Главнокомандующему, что разработка и испытания новой противотанковой авиабомбы (ПТАБ) конструктора И. А. Ларионова наталкивается на ряд препятствий. В этот же день, в полночь, генерала вызвали

на заседание ГКО. Ему было предложено рассказать о противотанковой бомбе. Генерал начал доклад. Он говорил, что кумулятивная противотанковая авиационная бомба обладает большим поражающим действием, малыми весом (1,5—2,5 кг) и габаритами, не требует больших затрат на изготовление.

— Можете ли вы нарисовать бомбу? — прервал его Сталин.

Никитин нарисовал на листе из большого блокнота общую схему бомбы, кратко рассказал об ее устройстве (весьма простом) и действии.

— Вы считаете, что такая бомба нужна нашей авиации?

— Да, товарищ Сталин.

— Сколько же штук нам нужно?

Никитин немного посчитал в уме — к этому вопросу он, зная конкретный характер обсуждений в ГКО, подготовился:

— Миллион штук к середине мая!

— Почему именно миллион и к середине мая?

— Ранее середины мая немцы, видимо, не смогут наступать — дороги не просохнут. А миллион — не так уж и много; Ил-2 может брать до 300 таких бомб, значит, миллиона хватит на 3500 самолето-вылетов...

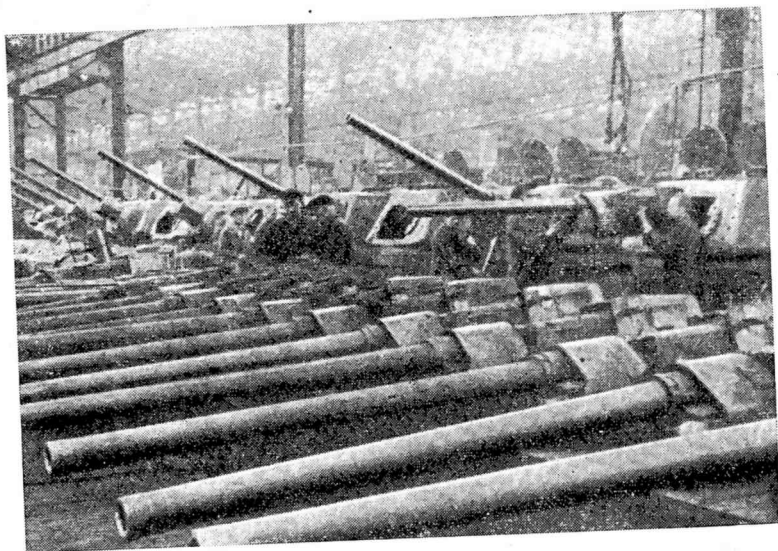
Сталин через секретаря А. Н. Поскребышева велел пригласить Б. Л. Ванникова. Пока нарком вооружения не прибыл, в ГКО обсуждались другие дела. Пришел Ванников, и Сталин сразу же его спросил:

— Знакомы ли вы с противотанковой бомбой? И можете ли вы для ВВС через месяц сделать миллион таких бомб?

Ванников ответил, что знает эту бомбу, но затрудняется дать точный ответ о возможности ее изготовления в массовом количестве и просит разрешения посоветоваться со своими помощниками. Разрешение, как и всегда в таких случаях, было дано. Возвратившись, Ванников доложил, что наркомат берется изготовить к 15 мая только 800 тысяч бомб.

— Хорошо, пусть будет так, остальные изготовите позднее, — завершил Сталин.

Тут же было принято соответствующее решение ГКО, и изготовление новых бомб началось. Когда первые десятки тысяч бомб были готовы, Никитин доложил Верховному, и тот велел направлять их на Воронежский и Центральный фронты. 17 июня при очередном докладе

На одном из танковых заводов Урала.

Сталин приказал организовать изучение ПТАБ с летным составом и подготовить инструкцию по ее применению.

— Инструкцию пришлите мне, я хочу ее прочитать!

23 июня при разговоре по телефону Сталин вновь интересовался, каким фронтам и сколько подано ПТАБ, и еще раз повторил запрещение применять их до его особого распоряжения³.

В боях на Курской дуге ПТАБ завоевала всеобщее признание...

Предвидя массовое столкновение танков в будущем сражении, советское командование готовило к нему свои бронетанковые войска. Советская промышленность продолжала наращивать производство основной боевой машины — танка Т-34. В первом квартале начался массовый выпуск самоходно-артиллерийских установок — к лету их было произведено 1350 штук. Быстрыми темпами шла разработка и освоение мощного тяжелого танка ИС-2 («Иосиф Сталин»). К сражению на Курской дуге этот танк еще не был готов, но, когда в конце 1943 года он появился на полях сражений, «тигры» и «пантеры» померкли перед ним; фашистским танкистам был отдан приказ не вступать в открытый бой с ИС-2.

К лету 1943 года выяснилось, что в предстоящем наступлении фашистские танки уже не могут рассчитывать на столь большую помощь от своей авиации, как в прошедших кампаниях: сила советской авиации непрерывно нарастала, улучшалось качество наших самолетов, увеличивались скорость, потолок и дальность их полета, маневренность, совершенствовалось вооружение. Новый советский истребитель Ла-5ФН по основным тактико-техническим показателям отличался в лучшую сторону от вражеских истребителей, в том числе и новейшего «Фокке-Вульф-190», на который гитлеровцы возлагали большие надежды. В мае был передан в серийное производство новый истребитель Як-9, вооруженный 37-миллиметровой пушкой. Но с первыми самолетами этой серии произошел случай, о котором подробно рассказывается в книге А. С. Яковлева «Цель жизни».

3 июня заместителей наркома авиастроения А. С. Яковлева и П. В. Дементьева вызвали в Ставку. В кабинете Сталина на столе они увидели потрескавшуюся обшивку крыльев Як-9.

— Что это такое? — довольно спокойно спросил Сталин.

Авиастроители уже знали, что это такое: в результате применения некачественных нитролаков и клеев полотняная оклейка крыла в полете отставала от фанеры. Меры к устранению дефекта уже принимались, но объяснить это Сталину оказалось нелегко. Когда Яковлев и Дементьев попытались объяснить, Верховный вскипел:

— Да знаете ли вы, что срывает крупнейшую операцию! Было уже до десятка случаев срыва обшивки в воздухе! Летчики летать боятся! Как вы могли допустить такое положение и почему не приняли мер раньше?

«Мы объяснили, — вспоминал Яковлев, — что в момент изготовления самолетов этот дефект обнаружить на заводе невозможно. Он обнаруживается лишь со временем, когда самолеты находятся не под крышей ангара, а на фронтовых аэродромах, под открытым небом.

— Значит, это выявилось на фронте только перед лицом противника?

— Да, это так.

— Да знаете ли вы, что так мог поступить только самый коварный враг?! Именно так и поступил бы, — выпустив на заводе годные самолеты, чтобы они на фронте оказались негодными!.. Вы знаете, что вывели из строя

истребительную авиацию? Вы знаете, какую услугу оказали Гитлеру?..

Трудно себе представить наше состояние в тот момент. Я чувствовал, что холодею. А Дементьев стоял весь красный и нервно теребил в руках кусок злополучной обшивки.

Несколько минут прошло в гробовом молчании. Наконец, Сталин, походив некоторое время в раздумье, несколько успокоился и по-деловому спросил:

— Что будем делать?

Дементьев заявил, что мы немедленно исправим все самолеты.

— Что значит немедленно? Какой срок?

Дементьев задумался на какое-то мгновение, переглянулся со мной:

— В течение двух недель...

Сталин никак не рассчитывал, что так быстро можно исправить машины. Откровенно говоря, я тоже удивился и подумал: обещание Дементьева временно отведет грозу, а что будет потом?

Срок был принят. Однако Сталин приказал военной прокуратуре немедленно расследовать обстоятельства дела, выяснить, каким образом некачественные нитролаки и клеи попали на авиационный завод, почему в лабораторных условиях как следует не проверили качество лаков»⁴.

Экстренные меры помогли, и в течение двух-трех недель удалось укрепить обшивку нескольких сот истребителей. Видимо, уже первые дни этой работы успокоили Верховного...

Истребитель Як-9 был хорошей машиной. Во второй половине года он был модернизирован и внедрен в производство как истребитель сопровождения Як-9д. В 1943 году были также улучшены тактико-технические данные пикирующего бомбардировщика Пе-2; промышленность освоила серийное производство двухместного самолета-штурмовика Ил-2. Словом, советская авиация продолжала набирать мощь, чего нельзя сказать об авиации противника.

Продолжалось начавшееся еще в 1942 году массовое производство автоматического стрелкового оружия: в 1943 году было произведено более двух миллионов пистолетов-пулеметов и почти 460 тысяч пулеметов всех видов. Создавались новые системы стрелкового вооружения, в том числе пулемет П. М. Горюнова с воздушным

охлаждением, а также несложный по устройству пистолет-пулемет А. И. Судаева (ППС).

Насыщение войск новыми видами техники, накопление боевого опыта позволяли все более совершенствовать армию. Здесь нет места рассказывать об этом подробно, скажем только, что все мероприятия были направлены на широкое применение и эффективное использование новейшей боевой техники, обеспечение воинских соединений и частей большей огневой и ударной мощью, высокой маневренностью.

Весной 1943 года по новому штату создаются танковые армии, однородные по составу, имеющие примерно одинаковую скорость передвижения и проходимость. Как правило, новые танковые армии состояли из двух танковых и механизированного корпуса. К лету 1943 года в Красной Армии имелись четыре такие армии, а в июле была сформирована пятая. Ударная мощь этих объединений была велика, в чем гитлеровцам предстояло наглядно убедиться.

Продолжалось формирование стрелковых корпусов, начатое еще в 1942 году; в начале апреля в действующей армии их было 34, а к июлю — уже 64. Создание стрелковых корпусов улучшало управление и взаимодействие пехоты с танками и артиллерией.

Большие реорганизационные преобразования произошли в артиллерии. Количество ее во всех армейских звеньях резко возрастало. 12 апреля ГКО постановил создать артиллерийские корпуса прорыва: 496 орудий, 216 минометов и 864 пусковые реактивные установки М-31 в каждом корпусе. Это была мощная огневая сила. Для отражения танковых атак гитлеровцев весной 1943 года создаются истребительно-противотанковые артиллерийские бригады, обладавшие высокой маневренностью.

Можно было бы еще долго перечислять изменения, улучшения, перестройки, происходившие в армии в первой половине 1943 года, накануне решительного столкновения. Но достаточно будет сказать: численность личного состава Советских Вооруженных Сил с апреля по июль возросла на 782 тысячи человек, орудий и минометов стало больше на 22 тысячи, танков и САУ — на 5223, боевых самолетов — на 4360. Если сопоставить эти цифры с приведенными выше данными о росте численности войск Германии на Восточном фронте, то ста-

нет очевидным, что превосходство, которым располагала Красная Армия в начале апреля, еще более возросло.

В итоге к началу июля 1943 года на советско-германском фронте сложилось соотношение сил, благоприятное для Красной Армии. Лучше всего о нем можно судить по таблице, приведенной в 7-м томе «Истории второй мировой войны»⁵:

Силы и средства	Красная Армия	Вермахт и войска союзников	Соотношение сил и средств
Личный состав действующей армии и флота (тыс. человек)	6612	5325	1,2 : 1
Орудия и минометы (тыс. штук)	105,0	54,3	1,9 : 1
Танки и самоходно-артиллерийские установки (штурмовые орудия)	10 199	5850	1,7 : 1
Боевые самолеты	10 252	2980	3,4 : 1

Из данных таблицы с очевидностью следует, что хотя фашистское командование путем «тотальной мобилизации» людских ресурсов и крайнего напряжения экономики и сумело сконцентрировать на Восточном фронте всю мощь своей военной машины, оно не достигло перевеса в соотношении сил и средств перед решающей битвой. Цифры эти, однако, известны нам теперь, много лет спустя после окончания войны, а в июле 1943 года фашистское командование полагало, что перевес сил у него, и достаточно уверенно смотрело в будущее.

Все, что могли, сконцентрировали гитлеровцы для наступления на Курской дуге: здесь, на сравнительно небольшом участке фронта, сосредоточивались 50 дивизий (среди них 16 танковых и моторизованных), 3 отдельных танковых батальона и 8 дивизионов штурмовых орудий, то есть 70 процентов танковых, до 30 процентов моторизованных и более пятой части пехотных дивизий от общего количества фашистских войск, имевшихся на советско-германском фронте. Личный состав этих соединений насчитывал свыше 900 тысяч человек, на их вооружении находилось до 10 тысяч орудий и минометов,

около 2700 танков и САУ и 2050 самолетов. Эти отборные войска, вооруженные наилучшей техникой, возглавляли опытные генералы, каждый из которых считался крупнейшим специалистом в своем деле.

Но, несмотря на такую концентрацию сил на относительно небольшом участке фронта, командованию вермахта не удалось достичь превосходства над советскими войсками даже на Курской дуге. Центральный и Воронежский фронты, противостоявшие здесь противнику, имели свыше 19 тысяч орудий и минометов, около 3,5 тысячи танков и САУ и 2200 самолетов. В их состав входило более 1 миллиона 300 тысяч человек. Следует, правда, сказать, что превосходство в числе танков, главной ударной силы в предстоящей битве, не было столь значительным: более 900 советских танков были легкими, в то время как гитлеровцы располагали значительно большим количеством тяжелых танков «тигров» и «пантер».

Но врагу противостояли не только войска Центрального и Воронежского фронтов; за их спиной изготовился как к обороне, так и к наступлению, Степной военный округ — 573 тысячи бойцов, более 7,4 тысячи орудий и минометов, полторы тысячи танков и САУ. Кто ведает, рискнул бы Гитлер начать наступление, знай он, с какими силами придется столкнуться фашистским войскам!

Впрочем, сомнение на этот счет можно высказывать чисто теоретически, так как на практике фашистский диктатор не мог отказаться от наступления: только попытка разгромить Красную Армию, пусть даже авантюристическая, давала ему шанс на изменение всего хода войны в лучшую для себя сторону. В этом столкновении Гитлер, подобно азартному игроку, поставил на карту все.

«Неудачи не должно быть!» — утверждал Гитлер

Характеризуя действия командования вермахта как авантюристические, мы имели в виду и то обстоятельство, что во время разработки плана операции «Цитадель» и позднее Гитлер и его генералы не имели реального представления о намерениях противника. В этом они разительно отличались от советских военачальников, которые сумели еще до отдачи Гитлером приказа № 6 в

основном определить и место предстоящего наступления вермахта, и характер удара. Совершенно очевидна самонадеянность гитлеровских генералов и недооценка ими противника, а это составные части авантюризма. Недооценивали они и того решающего фактора, что после Сталинградского сражения дух Красной Армии был на подъеме, воины верили в свою победу и были полны решимости нанести врагу сокрушительный удар.

В системе генерального штаба вермахта числился особый отдел «иностранные армии Востока», руководимый с весны 1942 года Рейнгардом Геленом, тем самым Геленом, который в послевоенное время длительный срок возглавлял западногерманскую шпионскую организацию — Федеральную разведывательную службу¹. Так вот, этот самый отдел «иностранных армий Востока» 23 марта 1943 года в документе под претенциозным названием «Общая оценка намерений противника на немецком Восточном фронте» докладывал своему начальству: «...является сомнительным, что противник вообще в состоянии предпринять решающее летнее наступление».

Как говорится: ничего себе оценка! Приходится только удивляться, как гитлеровские генералы и обслуживавшие их разведчики не извлекали практических уроков из собственных провалов. Ведь и в декабре 1941 года, непосредственно перед контр наступлением Красной Армии под Москвой, и в ноябре 1942 года, накануне разгрома под Сталинградом, гитлеровские разведчики поставляли своему начальству точно такие же презрительно-уничижительные сведения о противнике, опровергавшиеся в ближайшее время и с громким треском.

Успокаивая Гитлера и самих себя, фашистские генералы не скупилась на ложные оценки создавшегося на фронтах положения. Спустя несколько недель, 15 апреля, то есть в день отдачи приказа № 6, ОКХ, оценивая боевое состояние советских войск, планы и намерения командования Красной Армии, констатировал: «Существующая сейчас обстановка и действия противника не дают пока ясных данных для того, чтобы судить о будущих намерениях противника». Но советское командование уже имело достаточно «твердые суждения» о будущих действиях гитлеровских войск!

Через пять дней, 20 апреля, гитлеровский генераль-

ный штаб снова утверждал: «Вопрос об основном оперативном замысле советского командования (наступление или оборона) на летний период до сих пор еще остается не окончательно выясненным».

Правда, к концу апреля становилось все яснее, что застигнуть советские войска на Курской дуге врасплох вряд ли удастся. Отдел «иностранные армии Востока» приходит в это время к малоотрадному заключению: «Руководство красных сумело так провести ясно выраженную подготовку крупной наступательной операции против северного фланга группы армий «Юг» в направлении Днепра... что оно до ее начала свободно в своих решениях и путем сохранения достаточных оперативных резервов может не принимать окончательного решения о проведении этой операции до последней минуты точного определения срока немецкой атаки... После того как поступят новые... сведения, не исключено, что противник *разгадает* подготовку к наступлению... *сперва выждет* и будет все время усиливать свою готовность к обороне, имея в виду достижение *своих наступательных целей* при помощи *ответного удара*... Нужно считаться со все увеличивающимися силами противника и с тем, что противник достиг уже высокой готовности против возможных атак немцев»².

Как сам характер подобных оценок фашистской разведки, так и множественность вариантов, даваемых ею при попытке раскрыть намерение Советского Верховного Главнокомандования, не могли способствовать укреплению надежд на успех операции «Цитадель». Но отказаться от наступления Гитлер не мог: только разгром главного противника — Красной Армии мог гарантировать удачный исход всей войны. Если же «красных» разбить не удастся, если они, чего доброго, не только выдержат новое немецкое наступление, да еще и сами станут атаковать... Нет, об этом Гитлеру даже и думать не хотелось, настолько такая перспектива опрокидывала всякие мечты «о тысячелетнем третьем рейхе».

Поэтому, когда 3 мая в Мюнхене состоялось совещание, где был подробно рассмотрен план операции «Цитадель», никто из его участников не ставил под сомнение саму возможность и необходимость новой попытки сокрушить Красную Армию. Позднее Гудериан писал, что только он и министр вооружения и боеприпасов Шпеер имели оговорки к плану. Однако и их возражения не носили характера критики самого плана; нет, Гу-

дериан и Шпеер говорили лишь о трудностях обеспечения армии вооружением, в первую очередь новыми танками.

Все остальные участники совещания — начальник генерального штаба сухопутных войск Цейтцлер, командующие группами армий «Центр» и «Юг» Клюге и Манштейн, командующий 9-й армией Модель — были уверены в победе и связывали с ней далеко идущие планы. Правда, Модель, ссылаясь на «сильные подготовительные мероприятия» советских войск и наличие у них «нового эффективного противотанкового оружия», требовал увеличить в своих войсках количество танков и в особенности насытить их новыми типами боевых машин. Кроме того, он считал, что сумеет прорвать оборону советских войск только за шесть дней, а это находилось в вопиющем противоречии с основной идеей «Цитадели»: быстрее всего совершить прорыв советских позиций и путем окружения уничтожить защитников Курской дуги.

Споры на совещании 3 мая развернулись о том, когда же начинать операцию. Одни из участников считали, что наступать следует в самые ближайшие сроки, пока советские войска не создали сильную оборону. Другие предлагали атаковать лишь после того, как войска вермахта на Курской дуге будут до предела насыщены техникой, главным образом новыми танками. Поскольку сторонником последней точки зрения был Гитлер, она и возобладала на совещании. Но точный срок начала наступления установлен не был. Тем не менее Гитлер заявил: «Неудачи не должно быть!»

Прошло более недели, прежде чем определили начало операции — 12 июня. Но вскоре в Северной Африке последовало событие, сильно обеспокоившее Гитлера: 13 мая в Тунисе перед англо-американскими войсками капитулировала германо-итальянская армия. Вполне обоснованно Гитлер опасался краха фашистского режима в Италии: до крайности уставший от войны итальянский народ жаждал конца лишений, горя и страданий. Армия Италии, утратившая большую часть боеспособности, с каждой неделей теряла и остатки боевого духа, что было хорошо известно гитлеровскому командованию. Так, несколько позднее, 30 июня, военно-морской представитель Германии при итальянском штабе адмирал Ф. Руге сообщал: «Итальянские военно-морские силы для отражения возможной высадки против-

ника практически ничего не значат». И это при том, что итальянцы располагали 6 линкорами, 2 тяжелыми и 8 легкими крейсерами, 55 эсминцами и миноносцами!

Сразу же возникли сомнения: следует ли торопиться с «Цитаделью» или же целесообразнее отказаться от нее, чтобы высвободить силы для отражения возможной высадки англо-американских войск в Италии? Некоторое время Гитлер и его генералы колебались, но все же отдали предпочтение «Цитадели», что и немудрено: решающим для них был фронт на Востоке.

Да вот беда: новые танки, на которые так надеялось немецкое командование, прибывали на фронт гораздо медленнее и в меньших количествах, чем того хотелось бы. Гитлер решает перенести операцию «Цитадель» на конец июня, рассчитывая, что за это время удастся довооружить армию на Востоке, а в Италии обстановка прояснится.

Но чем же были так грозны новые танки, изготовлявшиеся в спешном порядке на заводах Германии?

Войну гитлеровский вермахт начинал, располагая в основном танками Т-III и Т-IV. Весили они, соответственно, 22,3 и 23,6 тонны, вооружены были 37- и 75-миллиметровыми пушками, двумя пулеметами, скорость движения — 55 и 40 километров в час, максимальная толщина лобовой брони — 40 мм. Немецкие конструкторы задумывали эти машины в расчете на использование их по хорошим дорогам и вдобавок в летнее время. Слабое бронирование машин говорило также о том, что конструкторы исходили из отсутствия у противника эффективных средств борьбы с танками. О том, что эти расчеты до поры до времени оправдывались, свидетельствуют сражения, выигранные вермахтом на Западе, в Польше и Франции.

Но в войне с СССР сразу же обнаружилась несостоятельность подобных расчетов, на которых во многом основывалась пресловутая теория молниеносной войны. Во-первых, выявилась недостаточная проходимость фашистских танков, во-вторых, в Красной Армии имелась хотя и недостаточная по численности в первый период войны, но все же хорошая противотанковая артиллерия, орудия которой успешно поражали фашистские танки. И, наконец, главное — в этой войне фашистским танкам противостояли гораздо более удачные конструкции советских танкостроителей — знаменитые Т-34 и КВ («Клим Ворошилов»).

Прибыли новые танки.

Вот их характеристики: вес, соответственно, 30 и более 40 тонн, скорость 55 и 35 километров в час, толщина лобовой брони у Т-34 45 — 52 мм, у КВ — 75 — 100 мм. Вооружены они были 76-миллиметровой длинноствольной пушкой, превосходившей по пробивной способности все зарубежные танковые орудия того времени. Кроме того, на этих танках впервые в мире были установлены мощные дизельные двигатели, надежные и экономичные, которыми немецкие танкостроители до конца войны так и не смогли снабдить свои танки. Танк Т-34 имел еще и уникальную форму корпуса и башни, в которых были использованы оптимальные углы наклона броневых листов. Танки Т-34 и КВ не только оказались лучшими во всем мире, но и на многие годы определили пути развития мирового танкостроения. Т-34 без радикальных конструкторских изменений прошел все испытания войны и верно служил нашей армии в последующем.

Превосходство новых советских танков над фашистскими было очевидным с первых месяцев войны. Вот послевоенные признания танковых специалистов. Гит-

леровский генерал Ф. Меллентин: «...У них был танк Т-34, намного превосходивший любой тип немецких танков. Не следует недооценивать также и тяжелых танков «Клим Ворошилов», действовавших на фронте в 1942 году. Затем русские модернизировали танк Т-34 и, наконец, в 1944 году построили массивный танк «Иосиф Сталин», который причинил много неприятностей нашим «тиграм». Русские конструкторы танков хорошо знали свое дело. Они сосредоточили все внимание на главном: мощи танковой пушки, броневой защите и проходимости»³.

А вот отрывок из статьи в западногерманском журнале «Зольдат унд техник» за 1965 год: «В июне 1940 года сошел с конвейера первый серийный советский танк Т-34. Этот танк, бесспорно, был подлинным шедевром в истории развития военной техники. К началу войны Советский Союз превзошел другие страны в танкостроении... От немецкого танка Т-III советский танк Т-34 выгодно отличался высокой подвижностью и проходимостью. Кроме того, запас его хода был в несколько раз больше, чем у танка Т-III, а вооружение и броня абсолютно превосходили немецкие. 37-миллиметровая пушка танка Т-III не представляла опасности для брони танка Т-34, в то время как 76-миллиметровая пушка танка Т-34 на всех дистанциях пробивала 30-миллиметровую броню танка Т-III... Еще больше танк Т-34 превосходил по своим боевым качествам танк Т-IV, 75-миллиметровая пушка которого не годилась для борьбы с Т-34». Подобные завистливо-восхищенные признания можно найти в книгах генералов Гудериана и Манштейна, жестоко битых на полях сражений советскими воинами.

К сожалению, танков Т-34 и КВ в войска до начала Великой Отечественной войны поступило немного, и личный состав не сумел освоить их полностью. Но, повторяем, уже в 1941 году превосходство советских танков было очевидным, а когда в 1942 году советская промышленность наладила их массовое производство на эвакуированных в восточные районы предприятий (в 1942 году было изготовлено 24,4 тысячи танков и САУ, в том числе более половины Т-34), положение фашистских бронетанковых войск стало вообще критическим.

С начала 1942 года германская промышленность почти прекратила выпуск легких танков и спешно модернизировала Т-III и Т-IV. На них была усилена броневая защита, танк Т-III получил 50-миллиметровую, а

танк Т-IV — 75-миллиметровую длинноствольную пушку. Но после этих изменений у танков увеличился вес, а следовательно, уменьшились маневренность и проходимость. Фашистские танки по-прежнему уступали Т-34.

Вот тогда-то в спешном порядке стали конструировать новые танки Т-V («пантера») и Т-VI («тигр»). Первые их образцы были выпущены еще в 1942 году.

Это было грозное оружие. «Тигр», весом до 60 тонн, располагал 88-миллиметровой пушкой, был защищен лобовой броней в 10 см и казался неуязвимым для противотанковой артиллерии. «Пантера», более маневренная, весом до 45 тонн, была вооружена 75-миллиметровой пушкой. Появилось в арсенале фашистских войск и новое самоходное орудие — «фердинанд» весом в 70 тонн, лобовой броней в 20 см и 88-миллиметровым орудием.

Но в погоне за сильной броней и вооружением немецкие конструкторы не достигли необходимого равновесия: рост размера и веса танков неизбежно сказывался на снижении маневренности и повышении их уязвимости. Подавляющего преимущества над советскими танками достичь не удалось.

Однако выяснилось это позднее, на полях сражений, а в мае — июне 1943 года новая танковая техника вселяла в гитлеровцев уверенность в успехе. Вот только производство этих танков оставляло желать лучшего: в первом квартале 1943 года удалось выпустить только 104 «тигра» и 77 «пантер». Ближе к лету производство их увеличилось, но все еще не в такой степени, чтобы можно было перевооружить новыми танками дивизии, предназначенные для наступления. Поэтому-то гитлеровское командование и медлило с началом «Цитадели».

Впрочем, были и другие причины промедления; недостаток новых танков, пожалуй, лишь казался самой существенной из них генералам вермахта. Уже упоминалось, что фашистскому командованию приходилось выжидать, как будут развиваться события в Италии. Нерешительность Гитлера укрепляли также определенные колебания, проявившиеся в штабе ОКВ* в связи с необходимостью определить, когда же начинать «Цитадель». В «Военном дневнике ОКВ» на этот счет записано следующее: «Если бы удалось быстро и энергично отразить вторжение, даже ценой сдачи территории в

* ОКВ — «оберкомmando вермахт» — верховное командование вооруженными силами Германии.

России, то в это лето можно было больше не опасаться дальнейших действий англосаксов, что отразилось бы и на русском театре военных действий. Поэтому оперативное руководство вооруженными силами стремилось теперь перебросить подвижные соединения с Восточного фронта в район верхней Италии, чтобы иметь возможность двинуть их оттуда в зависимости от обстановки на фронт вторжения в Италию, Францию или на Балканы. Других значительных резервов для этой цели не имелось в наличии»⁴.

Но высадки англо-американских войск пока не предвиделось, и весь июнь 1943 года на советско-германский фронт следовали эшелоны с техникой, прежде всего с танками, которые направлялись сюда прямо с заводов. Желание Гитлера как можно больше насытить свои войска новой техникой и как следствие этого — оттяжка начала наступления вызывались тем, что фашистское командование не рассчитывало теперь на внезапность. Оно, несомненно, знало в общих чертах о сосредоточении советских резервов на курском направлении, так же как и о строительстве мощных оборонительных укреплений.

Правда, сведения эти были до удивления приблизительными и неполными, однако Гитлер и Кейтель стали подумывать об атаке не с севера и юга, как предполагалось в замысле операции «Цитадель», а с запада, в центре дуги, чтобы «смять ее и расколоть». Но с этим не соглашались исполнители — Клюге и Манштейн. Подобная перемена, не без основания полагали они, потребовала бы изменений в подготовке наступления, нового стратегического сосредоточения войск, перемещения складов горючего и боеприпасов. Все это еще больше оттянуло бы срок атаки, не говоря уже о том, что перегруппировка сил не прошла бы незамеченной для советского командования.

Какие-то колебания одолевали Гитлера, что было не совсем ему свойственно. То же самое происходило и с его генералами! Один из них, Гудериан, инспектор танковых войск, в своих воспоминаниях приводит следующий разговор с Гитлером, происшедший 10 мая. «После окончания совещания я взял Гитлера под руку и попросил разрешения сказать ему откровенно несколько слов. Он согласился, и я начал убедительно просить его отказаться от наступления на Восточном фронте, так как ему должно быть видно, с какими трудностями мы должны

бороться уже сейчас. В настоящее время не стоит предпринимать крупные операции, от этого сильно пострадает оборона на западе. Я закончил вопросом:

— Почему вы хотите начать наступление на востоке именно в этом году?

Здесь в разговор вмешался Кейтель:

— Мы должны начать наступление из политических соображений.

Я возразил:

— Вы думаете, что люди знают, где находится Курск? Миру совершенно безразлично, находится Курск в наших руках или нет. Я повторяю свой вопрос: почему вообще вы хотите начать наступление на востоке именно в этом году?

Гитлер ответил на это буквально следующее:

— Вы совершенно правы. При мысли об этом наступлении у меня начинает болеть живот.

Я ответил:

— У вас правильная реакция на обстановку. Откажитесь от этой затеи.

Гитлер заверил, что в решении этого вопроса он никоим образом не чувствует себя связанным⁵.

И тем не менее Гитлер был связан по рукам и ногам обстановкой, он во что бы то ни стало должен был попытаться возвратить ускользнувшую от него стратегическую инициативу, иначе проигрыш войны был неизбежен. Гитлер не мог не наступать.

В ОКХ имелись сведения о том, что «русская оборонительная дуга под Курском прикрыта тремя глубокими рядами минных полей, вследствие чего местность непригодна для наступления танков» и что «русская пехота прошла длительную подготовку в тесном взаимодействии со своими танковыми подразделениями». Но все эти «мелочи» ничуть не меняли замыслов немецкого командования.

Решительно настроились на успех командующие группами армий. Поздно вечером 18 июня командующий группой армий «Центр» Клюге телеграфировал Цейтцлеру, прося передать его мнение фюреру, что он твердо стоит за «проведение наступления по плану «Цитадель» группировкой сил, установленной приказом и в основном уже созданной. Это решение, по моему мнению, — наилучшее. Оно вынудит противника попасть под удар наших клещей». Не менее оптимистично был

Перед операцией «Цитадель». Справа налево: Г. Клюге, В. Модель, Э. Манштейн.

настроен и командующий группой армий «Юг» Манштейн.

Уверенность господствовала и на более низком уровне. В журнале боевых действий 9-й армии 12 июня 1943 года была сделана такая запись: «Хотя противник вырос численно и значительно укрепил свои позиции... и опять способен провести наступление... при неоспоримом превосходстве немецкого командования, сухопутных войск и военно-воздушного флота мы имеем все шансы, чтобы нанести врагу сокрушительный удар».

Гитлер отбросил сомнения. На совещании 18 июня он сказал: «Несмотря на неоспоримые трудности, борьбу за Курскую дугу я встречаю с уверенностью. Еще никогда в русском походе немецкие войска не были лучше подготовлены и оснащены таким превосходным тяжелым оружием»⁶. Но и в этот день фашистский диктатор не назвал точно срок начала наступления. Лишь через неделю он был назначен на 5 июля.

Жребий был брошен. Гитлеровские генералы безоглядно шли еще на одну авантюру, шли, надеясь на успех. 1 июля в «Вольфшанце» собралось совещание генералов. Выступал только Гитлер, в иных докладах не-

обходимости не было: им казалось, что все готово, говорить больше не о чем, осталось только выполнить приказ и «разбить русских». Как всегда, фюрер был высокопарен:

— Россия ввиду понесенных громадных потерь и трудностей с продовольствием должна дрогнуть или впасть в агонию...

Генералы выслушивали Гитлера с почтением, они все еще верили в него. Лишь потом, после войны, в мемуарах они станут валить все грехи на диктатора, будут обвинять его в ошибках, приведших «третий рейх» к гибели, и тем самым попытаются снять вину с себя. Но сейчас они полны внимания и уверенности...

Гитлер счел необходимым перед началом операции издать специальный приказ по офицерскому корпусу войск, участвовавших в операции «Цитадель»:

«Мои командиры!

Я отдал приказ о первой наступательной битве этого года. На вас и подчиненных вам солдат возложена задача добиться во что бы то ни стало ее успешного проведения. Значение первой наступательной операции этого года исключительно велико». (Обратим внимание — «первой операции»; значит, Гитлер, в случае успеха рассчитывал на развитие наступательных операций на Востоке.)

«Эта начинающаяся новая немецкая операция, — продолжал он, — не только укрепит наш собственный народ, произведет впечатление на остальной мир, но и прежде всего придаст самому немецкому солдату новую веру. Укрепится вера наших союзников в конечную победу, а нейтральные государства будут вынуждены соблюдать осторожность и сдержанность». Как видим, политическое значение предстоящей битвы в глазах Гитлера было исключительно велико. Победа в ней должна была решить главную проблему, мучившую гитлеровское руководство: «Поражение, которое потерпит Россия в результате этого наступления, должно вырвать на ближайшее время инициативу у советского руководства, если вообще не окажет решающего воздействия на последующий ход событий». Данное высказывание интересно, во-первых, потому, что в нем признается происшедшая ранее потеря гитлеровским командованием стратегической инициативы, потеря, которую фашистские генералы отрицают в своих в послевоенных сочинениях, во-вторых, из него вытекает, что Гитлер не

уверен, окажет ли «решающее воздействие» на дальнейшую судьбу войны даже полная победа на Курской дуге.

Желая убедить своих офицеров в возможности такой победы, фюрер описывает мощь вермахта: «Армии, предназначенные для наступления, оснащены всеми видами вооружения, которые оказались в состоянии создать дух немецкого изобретательства и немецкая техника. Численность личного состава поднята до высшего возможного у нас предела. Эта и последующие операции обеспечены в достаточной степени боеприпасами и горючим. Наша авиация разгромит, сосредоточив все свои силы, воздушную мощь противника, она поможет уничтожить огневые позиции артиллерии врага и путем непрерывной активности окажет помощь бойцам пехоты, облегчив их действия»⁷.

Видимо, у гитлеровского командования возникали сомнения в полном и беспрекословном повиновении солдат, в их боевом духе. Здесь будет уместно небольшое отступление.

Советская литература о войне, художественная и историческая, весьма обширна, однако одна тема затрагивается в ней как-то мельком, вскользь или вообще опускается. Между тем ясность в данном вопросе имеет немаловажное значение для понимания всего хода войны. Речь идет о боевых качествах, боевом духе немецких солдат, с которыми пришлось сражаться Красной Армии. Нередко в литературе, особенно «остросюжетной», враг изображается упрощенно, порой даже оглушенно, а победа над ним рисуется легкой и простой. Нечего и говорить, что подобное его изображение принижает значение победы советских солдат. Однако враг — фашистский солдат — был сильным противником.

Вторая мировая война продолжалась без малого шесть лет, и на протяжении почти всего этого, признаться, немалого срока, как отмечают документы и воспоминания участников войны (и советских, и их союзников), боевой дух армии противника не был сломлен; немецкие солдаты дрались упорно, вплоть до самых последних недель войны, сдавались массами в плен редко, а если и сдавались, то чаще всего по приказу командиров. Известны многочисленные случаи их отчаянного сопротивления даже в безнадежных для немецкой армии положениях на советско-германском фронте. В чем же дело?

В новое и новейшее время немецкий солдат не без основания считался у военных специалистов одним из

лучших в мире. Здесь, несомненно, сказывалась склонность немцев к послушанию (к тому, что содержится в понятии Gehorsam), к выполнению приказа свыше, будь то кайзер Вильгельм II в первой мировой войне или Гитлер во второй. Далее, очевидно значение хорошей боевой подготовки, характерной для германской армии в целом; ее солдаты и офицеры, обученные и вышколенные, знали военное дело. К тому же германская армия, по крайней мере, в первой и в начале второй мировой войны была вооружена лучше своих противников, что и неудивительно: германский империализм, игравший столь видную роль в развязывании обоих мировых конфликтов, заранее и тщательно готовился к столкновениям.

Имелись и другие причины, делавшие немецких солдат весьма опасными противниками. Речь идет о прививавшемся немецкому народу с 70-х годов XIX века, то есть со времени складывания германского юнкерско-буржуазного империализма, чувства превосходства над другими народами, в особенности над славянскими. Шовинистические настроения внушались немцам повсюду: в школе, через прессу, позднее по радио и в кино. Сознвая это мнимое, ничем не оправданное превосходство, прекрасно вооруженный и обученный, никогда не голодавший германский солдат сражался умело и упорно.

С приходом к власти в Германии нацистов дух милитаризма стал в стране господствующим, шовинизм приобрел характер государственного принципа, и убеждение в превосходстве немцев как нации укрепилось, к сожалению, в умах немецких солдат. Когда же с 1939 года вермахт стал одерживать победу за победой, когда его солдаты с громкими песнями попирали землю почти всей Европы, сознание своего превосходства над поверженными и повергаемыми противниками, всемерно поддерживаемое геббельсовской пропагандой, еще более распространилось и усилилось в германской армии. Солдаты вермахта, поддерживая в себе убеждение превосходства над противником, дрались до последнего в самых сложных ситуациях, к примеру, в окружении под Сталинградом.

Поражение под Москвой многому научило вермахт, но по-прежнему в гитлеровской армии солдаты и офицеры были убеждены в своей победе и охотно соглашались с распространяемой фашистской пропагандой вер-

сией, будто поражение это случайное, да, собственно, это и не поражение вовсе, а следствие невиданно холодной зимы 1941/42 года, но вот придет весна, и все изменится. Когда же летом 1942 года вермахт успешно перешел в наступление, когда немецкие войска прорвались к Волге у Сталинграда, а альпийские стрелки взобрались на Эльбрус и установили там фашистское знамя, в вермахте вновь возобладало убеждение: фюрер приведет нас к победе.

Сталинградская катастрофа, конечно, заставила задуматься многих. С еще большим усердием нацистская пропаганда стала искоренять последствия поражения — пошатнувшуюся у немецких солдат веру в победу. Весной 1943 года были приняты меры, усиливавшие влияние фашистской партии в вермахте. К офицерам стали предъявляться жесткие требования усилить идеологическую обработку подчиненных.

Тем не менее число политических выступлений в армии с каждым месяцем возрастало. Накануне решающего наступления, 21 июня, был издан приказ о пресечении таких выступлений. В армии создали центральный особый военно-полевой суд для «быстрого судебного разбирательства политических преступлений, направленных против доверия к политическому или военному руководству». Приказ требовал смертного приговора или тюремного заключения за подобные преступления и приведения приговора в исполнение немедленно после его вынесения.

Подавляя недовольство и прямые выступления в рядах вермахта, нацистское руководство немало внимания уделяло попыткам воздействовать идеологически на личный состав Красной Армии. В этой связи особенно примечательна пропагандистская операция гитлеровцев «Зильберштрайф», развернутая ими весной 1943 года.

С конца 1942 года отдел пропаганды вермахта носился с идеей организации «восточных войск» — «оствойск» из жителей оккупированных областей Советского Союза и советских военнопленных. Побудительным мотивом к подобному проекту служила катастрофическая нехватка войск у гитлеровского командования. Используя антисоветских эмигрантов, украинских, латышских, литовских и прочих буржуазных националистов, применяя шантаж и террор в лагерях военнопленных, гитлеровцы сформировали некоторое количество «национальных» рот, батальонов, легионов, а затем воз-

намерились создать «Русскую освободительную армию» (РОА) во главе с генералом-предателем А. Власовым. Угрозой смерти им удалось загнать в батальоны РОА некоторое количество неустойчивых, запуганных, ослабевших волей людей. Как «национальные», так и власовские батальоны гитлеровцы держали порознь, при крупных фашистских гарнизонах, под строгим контролем гестапо. На фронт их, как правило, не посылали, поскольку имели уже возможность убедиться в крайней ненадежности «ост-войск». Употреблялись эти батальоны чаще всего для гарнизонной службы и охраны железных дорог.

В операции «Зильберштрайф» гитлеровские пропагандисты в большом количестве использовали подписанные Власовым от имени так называемого «Смоленского комитета» листовки с призывами к советским солдатам переходить на их сторону. Листовки эти, разумеется, отклика у советских солдат не получали. Тем не менее к лету 1943 года гитлеровские офицеры — сторонники создания «русской армии» — намеревались расширить пропагандистскую диверсию, увеличить число батальонов РОА. Однако планам этим не суждено было свершиться, и воспротивился им не кто иной, как сам фашистский диктатор. На совещании с Кейтелем и Цейтцлером 8 июня 1943 года, когда речь зашла об «ост-войсках», он решительно высказался против дальнейшего увеличения размеров частей «ост-войск» и планов создания «русской армии».

— Следует проводить различие между пропагандой, которую я ныне веду в России, — говорил он, — и тем, что мы будем делать в конце концов... Я могу сказать только вот что: мы никогда не создадим русской армии, это иллюзия...

Тут же Гитлер напомнил слушателям о польских легионах, созданных генералом Людендорфом во время первой мировой войны. Солдаты этих легионов в 1918 году, в момент поражения Германии, использовали полученное от немцев оружие против них же.

Кейтель и Цейтцлер никогда не спорили с Гитлером, в особенности при решении политических вопросов.

— Тогда следует сказать, — дополнил фюрера Кейтель, — что мы рассматриваем комитет, являющийся автором пропагандистских листовок, подписанных Власовым, только как чисто пропагандистское оружие.

— Следует проводить строгое разграничение между

тём, что адресовано к врагу — тут можно говорить всё, что угодно, и тем, что делается на оккупированной нами территории, — присоединился Цейтцлер. Он тут же успокоил Гитлера: «ост-войска» не превышают размеров батальона, и за ними повсюду пристально следят.

Эта тема настолько затрагивала Гитлера, что он счел необходимым спустя три недели возвратиться к ней. 1 июля, выступая перед командующими войсками, которым через 4 дня предстояло начать столь долгожданное наступление на Курской дуге, Гитлер решил еще раз высказаться о власовцах:

— Проблема заключается в том, чтобы найти путь, который ведет, с одной стороны, к нашей цели — формированию батальонов на Востоке, а с другой — дает возможность избежать того, что они станут армиями, и воздержаться от обещаний, которые мы будем вынуждены дать однажды...

В данном случае нацистскому главарю нельзя отказать в последовательности при проведении на практике своих взглядов, а также в том, что он правильно оценил ненадежность создаваемых его подчиненными «ост-войск». Яснее, чем армейские командиры, исходившие из чисто прагматических оснований («людей не хватает, так почему бы не вооружить русских?»), Гитлер сознавал, что, дав однажды оружие в руки русских, рано или поздно придется рассчитывать на их восстание. Ближайшие недели лета 1943 года показали, что Гитлер был прав: один за другим в разных местах батальоны «ост-войск» начали переходить на сторону советских партизан...

В 1943 году морально-политическое единство в рядах воинов Красной Армии, их боевой дух всемерно укрепились. Этому способствовала огромная идеологическая работа Коммунистической партии.

На протяжении всех месяцев подготовки к сражению на Курской дуге в войсках Красной Армии велась деятельная партийно-политическая пропаганда. При этом партия руководствовалась основополагающими указаниями В. И. Ленина о том, что «во всякой войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь» (Полн. собр. соч., т. 41, с. 121). В преддверии новых сражений Центральный Комитет ВКП(б) принимал меры к усилению партийного влияния в войсках, призы-

Проникновенное слово политрука.

вал бойцов и командиров готовиться к тяжелым боям. В этом отношении важнейшую роль имело постановление ЦК ВКП(б) от 24 мая 1943 года «О реорганизации структуры партийных и комсомольских организаций в Красной Армии и усилении роли фронтовых, армейских и дивизионных газет». Реорганизация вызывалась необходимостью еще больше усилить связь Коммунистической партии с массами воинов и повысить роль первичных партийных и комсомольских организаций.

Выполняя постановление, политуправления Центрального, Воронежского фронтов и Степного военного округа выработали планы партийно-политических мероприятий, в которых учитывались специфика условий и боевых задач фронтов. Командиры, политработники, партийные и комсомольские организации были ориентированы на то, чтобы обеспечить непрерывность идеологической работы, организацию политического воспитания поступающего пополнения. Во всех войсковых подразделениях создавались полнокровные партийные и комсомольские организации, принимались меры для их усиления. С апреля по июнь 1943 года в действующих

войсках проводились политзанятия с рядовым составом по тематике, разработанной Главным политическим управлением, лекции и семинары для офицеров, на которых изучались идеи В. И. Ленина о защите социалистического Отечества и партийные документы.

Важное место в партийно-политической работе имела фронтовая и армейская печать, улучшению деятельности которой постановление ЦК ВКП(б) отводило особое место. Военные советы, политические органы сумели достичь более четкой работы газет. К началу сражения печать в армии выросла количественно и качественно. На каждом фронте издавалась фронтовая газета, печатавшаяся, кроме русского, еще на двух-трех языках народов СССР, 4—7 армейских, 10—12 корпусных и 45—50 дивизионных и приравненных к ним газет. Ежедневный тираж газет фронтов, участвовавших в Курской битве, достигал 400—500 тысяч экземпляров, и все эти газеты неустанно несли в войска идеи партии, были друзьями и советчиками бойцов и командиров.

В месяцы, предшествовавшие сражению, в войсках увеличилось число партийных организаций и количество коммунистов в них. К началу битвы в составе Воронежского фронта было около 100 тысяч коммунистов и свыше 114 тысяч комсомольцев, в войсках Центрального фронта — 120 тысяч коммунистов и 132 тысячи комсомольцев. Всего же в войсках четырех фронтов (Западного, Брянского, Центрального, Воронежского) и Степного военного округа насчитывалось более миллиона коммунистов и комсомольцев. Это и была та организующая, сплачивающая, цементирующая сила, которая привела наши войска к победе в сражении.

Что же касается гитлеровских солдат, то к началу сражения среди них по-прежнему было распространено мнение: да, мы перенесли тяжелые потрясения, были вынуждены отступить, и далеко отступить, но вот пришло лето, поступает новая мощнейшая техника, и мы вновь покажем русским, чего стоит немецкое оружие... Повторяем, к лету 1943 года боеспособность солдат вермахта понизилась, особенно пехоты (вспомним упомянутый выше приказ Гитлера от 22 июня), но широких пораженческих настроений в фашистских войсках не было. Офицеры и гестаповцы строго следили за проявлениями в них пораженчества и сурово наказывали провинившихся.

Кроме того, на настроениях солдат Восточного фрон-

та сказывался и тот факт, что все они хорошо знали, какие чудовищные преступления совершаются на оккупированной советской земле, многие из них и сами непосредственно запятнали руки кровью мирных жителей и потому боялись расплаты за свои преступления. Вот почему даже в апреле 1945 года фашистские солдаты, будучи, в общем-то, не прочь сдаться в плен англо-американским войскам, продолжали упорно драться против Красной Армии, к примеру, в Берлине. Фашистская пропаганда умело спекулировала на этом страхе, убеждая солдат, что взятых в плен в Красной Армии неизменно мучают и расстреливают; в подавляющей массе гитлеровские солдаты этому верили. В начале июля 1943 года они, может быть и с тяжелым чувством, но готовились к наступлению, как к какому-то исходу: фюрер обещает — значит, победа будет...

Приходится признать, что в этой несправедливой, захватнической со стороны фашистской Германии войне солдаты вермахта подчинялись и шли туда, куда направляла их преступная воля нацистов. Да, это был сильный и умелый, упорный и злой враг. И от констатации этого факта еще более величественным становится подвиг советских войск и офицеров, ведь это они в жесточайшей, кровавой схватке разгромили фашистский вермахт!

«Враг не должен пройти!»

После того как Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии приняла предварительное решение о преднамеренной обороне, его следовало воплотить в жизнь. Государственному Комитету Оборона, Ставке, Генеральному штабу, управлениям Наркомата обороны приходилось воистину титанически трудиться.

О подготовке к сражению на Курской дуге можно было бы написать отдельную и немалую книгу, здесь же перечислим пока лишь наиболее важнейшие ее мероприятия. Это и создание на курском направлении (во мнении, что гитлеровцы собираются наступать именно здесь, Ставка укреплялась все более и более) многополосной обороны глубиной в 250—300 километров, и формирование и выдвижение в район восточнее Курска мощного стратегического резерва — Степного фронта (поначалу он именовался Степным военным округом), и сосредоточение в районе Курского выступа матери-

альных средств и войск в размерах, превосходящих все известное в годы Великой Отечественной войны, и организация специальных воздушных операций для нарушения вражеских коммуникаций, и завоевания господства в воздухе, и подготовка широких и активных действий партизан в тылу врага, и проведение целого комплекса мероприятий по политическому обеспечению будущего сражения...

На рубеже 1942—1943 годов окончательно сложился метод работы Ставки Верховного Главнокомандования. О нем подробно и ярко говорится в воспоминаниях Г. К. Жукова, А. М. Василевского, С. М. Штеменко, и здесь нет необходимости повторяться. И все же, рассказывая о подготовке к летне-осенней кампании 1943 года, следует хотя бы вкратце остановиться на основных характеристиках деятельности Ставки.

В первую очередь следует подчеркнуть, что руководство вооруженной борьбой находилось под неослабным контролем Центрального Комитета ВКП(б). В годы войны состоялось более 200 заседаний Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК, на которых рассматривались и принимались решения по важнейшим аспектам внешней политики, экономики и военной стратегии. В основу работы Ставки были положены ленинские принципы централизованного управления войсками.

Характер работы Ставки был своеобразен. Верховный Главнокомандующий вызывал к себе в Ставку ответственных лиц — военачальников, партийных и хозяйственных работников, и после подробного обсуждения той или иной важной проблемы здесь принимались решения, немедленно оформляемые в виде директив, приказов, распоряжений. «Понимать под Ставкой орган, постоянно заседавший в буквальном смысле слова при Верховном Главнокомандующем в том составе, в каком он был утвержден, нельзя»¹; — писал А. М. Василевский. Большинство членов Ставки часто находились вне Москвы, выполняя ответственные обязанности, и Верховный Главнокомандующий, понимая важность этой их деятельности, не считал возможным собирать их всех вместе и лишь периодически вызывал для разработки тех или иных решений. В то же время каждый член Ставки постоянно поддерживал связь с Верховным Главнокомандующим.

Ставка ВГК действовала как коллективный орган руководства военными действиями, разумно сочетая кол-

лективность с единоначалием. Разумеется, принятие окончательного решения всегда оставалось за Верховным Главнокомандующим, иначе и быть не могло — только такой порядок мог обеспечить необходимую во время войны твердость руководства. Здесь плодотворно сказывались черты рабочего метода Сталина. «Мне очень нравилось в работе И. В. Сталина полное отсутствие формализма, — вспоминал Г. К. Жуков. — Все, что делалось им по линии Ставки или ГКО, делалось так, чтобы принятые этими высокими органами решения начинали выполняться тотчас же, а ход выполнения их строго и неуклонно контролировался лично Верховным или, по его указанию, другими руководящими лицами или организациями»².

Сталин, возглавляя оба самостоятельных чрезвычайных органа — ГКО и Ставку, отнюдь не был склонен формально разделять их деятельность: на совещаниях в ГКО присутствовали члены Ставки, и наоборот — члены ГКО активно решали стратегические вопросы в Ставке. Такое совмещение было полезным, оно позволяло экономить время и быстро проводить в жизнь принятые решения.

Замыслы и планы стратегических операций рождались сложным путем. Их разработке предшествовало обсуждение важнейших проблем в Политбюро и ГКО: изучались международная обстановка, потенциальные политические и военные возможности сражающихся сторон. После этого определялась стратегия действий на известный период, которой и руководствовалась Ставка ВГК.

Наметки стратегического плана выработывал Верховный Главнокомандующий вместе со своим заместителем, начальником Генштаба и его первым заместителем, как это мы уже видели на примере заседания 12 апреля 1943 года. Кропотливо рассматривалась оперативно-стратегическая обстановка, состояние войск фронтов, данные разведки, подготовка резервов. Начальник тыла Красной Армии, командующие родами войск и начальники главных управлений Наркомата обороны получали задания по материальному обеспечению предстоящей операции. Командующие и штабы фронтов представляли свои соображения по операции; Сталин беседовал с военачальниками и по телефону и лично. В результате всесторонней подготовки на специальном заседании (а иногда и на нескольких) Верховный Главнокоман-

дующий заслушивал доклады о планах операции. На таких заседаниях присутствовали, как правило, члены ГКО, Ставки, заместитель Верховного, начальник Генштаба.

После тщательного рассмотрения утверждались планы и сроки операции, подписывались директивы. Наступал самый ответственный период — подготовка войск к реализации плана. Верховный Главнокомандующий не только сам контролировал подготовку, но начиная с 1942 года посылал на фронт специальных представителей Ставки. Чаще других в этой роли выступали Г. К. Жуков и А. М. Василевский, а также К. Е. Ворошилов, С. К. Тимошенко, Н. Н. Воронов, А. И. Антонов и С. М. Штеменко. Имеет смысл познакомиться с биографиями двух из них, о которых чаще всего идет речь в нашем повествовании.

Георгий Константинович Жуков родился в крестьянской семье в Калужской губернии в ноябре 1896 года. Окончил трехклассную церковноприходскую школу; в 1908 году в Москве поступил в обучение к скорняку. Может быть, на всю жизнь и остался бы Георгий Жуков скорняком, да началась первая мировая война. В августе 1915 года его призвали в армию и, как грамотного, послали в учебную команду. В воспоминаниях маршала мы находим такие строки: «Оценивая теперь учебную команду старой армии, я должен сказать, что, в общем, учили в ней хорошо, особенно это касалось строевой подготовки. Каждый выпускник в совершенстве владел конным делом, оружием и методикой подготовки бойца. Не случайно многие унтер-офицеры старой армии после Октября стали квалифицированными военачальниками Красной Армии»³.

С сентября 1916 года Жуков на фронте. Воевал храбро, заслужил два Георгиевских креста, был тяжело контужен. В декабре 1917 года возвратился в деревню, долго болел тифом, а в августе 1918 года добровольцем вступил в Красную Армию. Сражался против Колчака, Деникина, Врангеля, Антонова, был ранен и награжден орденом Красного Знамени.

После окончания гражданской войны Жуков командовал полком, бригадой, дивизией. В 1924—1925 годах учился на Кавалерийских курсах усовершенствования командного состава (ККУКС), в конце 1929 года некоторое время занимался на курсах по усовершенствованию высшего начальствующего состава (КУВНАС).

Этим и ограничилось формально его военное образование. Всему, чего достиг Г. К. Жуков, он обязан собственным способностям и воле. Жуков был настоящим русским самородком.

Как крупный военачальник Жуков впервые проявил себя летом 1939 года, когда под его командованием советско-монгольские войска наголову разгромили японских интервентов на Халхин-Голе. Одной этой победы было бы достаточно, чтобы фамилия Жукова вошла в военную историю. Но то было только начало. В годы Великой Отечественной войны он занимал крупнейшие посты на важнейших участках фронта. Родина никогда не забудет заслуг Жукова — одного из главных организаторов защиты Москвы и разгрома врага под Сталинградом. Вот и теперь, летом 1943 года, он готовил войска к отражению нового фашистского наступления.

Характером Жуков был, как говорится, крут, предельно требователен к окружающим, умел настоять на своем и постоять за себя даже и перед Верховным Главнокомандующим.

Александр Михайлович Василевский был человеком и другого происхождения, и другого характера. Родился он в Кинешминском уезде Костромской губернии в семье сельского священника в сентябре 1895 года. Окончив в 1909 году духовное училище, Саша Василевский продолжил образование в Костромской духовной семинарии. Его судьбу резко изменила также первая мировая война. Сдав экстерном экзамены в семинарии, Василевский в январе 1915 года поступает в Алексеевское военное училище в Москве. Всего пять месяцев обучения, и в мае 1915 года прапорщик Василевский уже выпущен из училища. С сентября этого года он на Юго-Западном фронте. Вместе с войсками фронта Василевский в 1916 году участвует в знаменитом Брусиловском прорыве. Даже для военного времени он быстро продвигается по службе, солдаты любят и уважают молодого офицера: уже после Октябрьской революции, в декабре 1917 года, они избирают его командиром полка, а это говорит о многом.

С апреля 1919 года Василевский в Красной Армии, командует батальоном, полком, сражается с деникинцами, белополяками, бандитами. После окончания гражданской войны на протяжении десяти лет командует полком. В 1928 году проходит годичное обучение на курсах «Выстрел», с 1931 года работает в Управлении

боевой подготовки РККА, затем учится в Академии Генерального штаба, а с октября 1937 года работает в Генеральном штабе.

Такие люди, как Василевский, везде нужны, но Генеральный штаб оказался местом, где наиболее полно проявились способности военачальника Василевского. Великую Отечественную войну он встречает в должности первого заместителя начальника Оперативного управления Генерального штаба. Выдающиеся деловые качества Василевского: глубочайшие познания военной теории и практики, широчайшая эрудиция, предельная исполнительность и аккуратность — не могли не обратить на себя внимания, и в августе 1941 года Василевский становится начальником Оперативного управления, а позднее и заместителем начальника Генерального штаба.

В Ставке Верховного Главнокомандования были очень требовательны к людям, и А. М. Василевский, бывавший теперь там по нескольку раз в день, видимо, удовлетворял всем необходимым требованиям в те нелегкие месяцы 1941 года. Достаточно сказать, что в напряженнейшие недели октября 1941 года, когда Генштаб во главе с Б. М. Шапошниковым эвакуировался из Москвы, оперативную группу Генштаба в Москве возглавил Василевский. Когда же в мае 1942 года Борис Михайлович Шапошников, крупнейший военный теоретик и практик, по болезни был вынужден покинуть пост начальника Генштаба, то в Ставке возникла только одна кандидатура на этот пост — Василевского.

В качестве представителя Ставки Василевский постоянно бывал на фронтах. Представителям Ставки давались большие полномочия; Верховный Главнокомандующий всегда готов был рассмотреть их предложения, но в то же время он строго контролировал их деятельность, требуя ежедневных докладов или донесений. Если же по каким-либо причинам доклады представителей Ставки не поступали или задерживались, Сталин мог позвонить по ВЧ и спросить: «Вам что, сегодня не о чем доложить?»

На фронтах представители Ставки могли находиться длительные сроки. Василевский, к примеру, из 34 месяцев пребывания в должности начальника Генерального штаба 22 провел непосредственно на фронтах.

Нередко представителей Ставки посылали на те участки фронта, где создавалась неприятная, чаще всего

опасная в стратегическом отношении и чреватая тяжелыми последствиями обстановка. Представитель Ставки должен был на месте выяснить истинное положение, выработать и сообщить в Ставку свое мнение о наиболее правильных в данных условиях конкретных мероприятиях по устранению тех или иных осложнений. Очень часто представители Ставки использовались при подготовке и проведении наступательных операций.

Рабочим органом Ставки был Генеральный штаб. Верховный Главнокомандующий установил и здесь жесткий порядок круглосуточной работы и сам регламентировал часы работы руководящего состава Генштаба. Так, А. И. Антонов — заместитель начальника Генштаба — должен был находиться на месте по 17—18 часов в сутки и отдыхал с 5—6 часов утра до 12 дня. С. М. Штеменко, исполнявшему с мая 1943 года обязанности начальника Оперативного управления, отдыхать разрешалось с 14 до 18—19 часов.

Генеральный штаб делал доклады Верховному Главнокомандующему обычно три раза в сутки. Первый раз в 10—11 часов утра, как правило, по телефону. Сталин звонил сам:

— Что нового?

Переходя от стола к столу, на которых заранее раскладывались карты, начальник Оперативного управления с телефонной трубкой в руках докладывал. Если на фронте все шло хорошо, доклад не прерывался, лишь изредка слышалось покашливание да характерное причмокивание курильщика трубки. Но пропустить в докладе хотя бы одну армию было нельзя, сразу же следовал вопрос:

— А у Батова что?

Если в ходе доклада Верховный давал распоряжение, оно тут же записывалось дословно и оформлялось соответствующим образом.

Во второй половине дня, в 16—17 часов, заместитель начальника Генштаба вновь делал доклад. А ночью генштабисты ехали в Кремль или на кунцевскую дачу Сталина с итоговым докладом за день; обычно там присутствовали члены Политбюро и Ставки. На столе раскладывались карты, начинался доклад и его обсуждение...

К 20 апреля 1943 года Ставка и Генеральный штаб проверили состояние обороны прифронтовых полос почти повсеместно, причем были обнаружены и недостатки. По этому поводу 21 апреля были отданы соответствующие

щие директивы фронтам. Так как наиболее крупная и мощная вражеская группировка, по данным разведки, находилась против войск Воронежского фронта, Верховный Главнокомандующий вызвал Н. Ф. Ватутина — командующего фронтом — в Москву, чтобы выслушать доклад о подготовке войск и о нуждах фронта. Подобные доклады постоянно практиковались Ставкой.

Готовя войска на курском направлении к отражению удара врага, Генеральный штаб в то же время занимался разработкой контрнаступательной операции, тесно связанной с действиями на Курской дуге и получившей условное наименование «Кутузов». Задачей операции было нанесение удара по орловской группировке противника войсками левого крыла Западного и всего Брянского фронта в тесном взаимодействии с армиями Центрального фронта. Белгородско-харьковскую группировку врага должны были разгромить войска Воронежского фронта и Степного военного округа во взаимодействии с войсками Юго-Западного фронта. Эта операция получила название «Полководец Румянцев».

При разработке операции «Кутузов» у командующего 11-й гвардейской армией И. Х. Баграмяна возникли разногласия с командующим Западным фронтом В. Д. Соколовским. Доводы Баграмяна не убедили командующего фронтом, и план операции остался без изменений.

В конце апреля 1943 года в Москву вызвали В. Д. Соколовского, И. Х. Баграмяна, командующего Брянским фронтом М. А. Рейтера и командарма 61-й, соседа 11-й гвардейской армии слева, генерала П. А. Белова. В Генеральном штабе их принял А. И. Антонов, заслушавший соображения командующих фронтами. Баграмян пытался отстоять свое мнение, но поддержки не получил. По его словам, в споре он «оказался побежденным, но не убежденным». При обсуждении плана в Ставке Баграмян попросил у Верховного Главнокомандующего разрешения высказать свое мнение.

«Сталин не без удивления, — вспоминал И. Х. Баграмян, — но вместе с тем вполне доброжелательно посмотрел на меня:

— Прошу.

Снова были развернуты карты. Стараясь сдерживать волнение, я изложил свою точку зрения. Закончив, оглядел всех, предчувствуя, что сейчас «большая тройка» — два командующих фронтами и заместитель на-

чальника Генштаба — обрушится на меня. Одну-две минуты царило молчание. Затем слово взял В. Д. Соколовский, потом М. А. Рейтер. Оба старались опровергнуть мои аргументы. Особенно жарко говорил Макс Андреевич. Свою отповедь он закончил словами:

— Товарищ Сталин, Баграмян упорно добивается, чтобы ему создали условия, облегчающие решение задачи. Если его послушать, то получается, что нужно не только усилить боевой состав одиннадцатой гвардейской, но еще и поддержать действия этого соединения ударами соседей.

Сталин, до этого внимательно изучавший карту, поднял голову, вынул изо рта трубку, неторопливо разгладил усы. Все смолкли. Рейтер бросил на меня осуждающий взгляд, словно хотел сказать: «Предупреждали же тебя: помалкивай. Не послушался, теперь пеняй на себя».

И вдруг Верховный очень тихо и очень спокойно сказал:

— А ведь Баграмян дело говорит. И по-моему, с его предложением нужно согласиться. Что же касается заботы командарма о более благоприятных условиях для выполнения задачи, то это похвально. Ведь на него же ляжет вся ответственность в случае неудачи...»⁴

План операции был изменен.

Повышенное внимание Ставка уделяла созданию, накоплению и размещению своих стратегических резервов. В этом отношении особое место занимал Степной военный округ. Ставка поначалу не предполагала вводить стратегические резервы в бой на оборонительном этапе будущей операции, им отводилась главная роль при переходе в наступление. Однако 23 апреля Степному военному округу было отдано указание наряду с доукомплектованием и обучением личного состава иметь в виду необходимость прикрыть ряд направлений в тылу Центрального и Воронежского фронтов в случае перехода противника в наступление раньше срока готовности войск округа. Здесь необходимо было также построить мощный оборонительный рубеж, на котором наши резервы и должны были уничтожить врага в случае его прорыва.

Но основной задачей резервов оставалось наступление. Степному округу предписывалось: «Войска, штабы и командиров соединений готовить главным образом к наступательному бою и операции, к прорыву оборони-

На новый рубеж обороны.

тельной полосы противника, а также к производству мощных контратак нашими войсками, к противодействию массированным ударам танков и авиации»⁵.

Апрель закончился, дороги и поля вроде бы подсохли, а гитлеровцы не начинали наступления. С начала мая Генеральный штаб не упускал ни одной возможности напомнить штабам фронтов о необходимости быть бдительными. Разведка приносила сведения о том, что со дня на день фашистские войска начнут атаку.

Вклад в раскрытие планов немецкого командования внесли все виды разведки, в первую очередь войсковая разведка, на основании данных которой, как мы уже видели, маршал Жуков сумел достаточно точно предсказать намерения гитлеровцев. В апреле—июне 1943 года войсковая разведка действовала по-прежнему неустанно: только на Центральном и Воронежском фронтах за это время более 100 раз провели разведку боем, осуществили 2600 ночных поисков, устроили полторы тысячи засад. В плен было захвачено 187 гитлеровцев. Велась и глубокая разведка в тылу врага, причем некоторые группы разведчиков достигали исключительных результатов. Так, разведгруппа старшего лейтенанта С. П. Бухтоярова обнаружила 7 аэродромов врага, 13 полевых складов боеприпасов, 8 складов

с горючим и сумела взять более 30 пленных. Воздушная разведка вскрыла районы сосредоточения главных группировок врага, базирования его авиации, дала ценные сведения о сосредоточении сил и средств на курском направлении. Были у советского командования и другие источники информации. Вот один из них.

Город Ровно, глубокий тыл фашистской армии. В два часа дня к укрытому вековыми деревьями двухэтажному зданию с колоннами, бывшей губернской гимназии, подъезжает экипаж, из которого выходят офицер, судя по наградам — заслуженный фронтовик, и девушка лет восемнадцати.

Офицер спрашивает:

— Пропуска для обер-лейтенанта Зиберта и фрейлейн Довгер готовы?

Да, пропуска готовы, обер-лейтенант и его спутница удостоиваются приема у рейхскомиссара Украины и гаулейтера Восточной Пруссии Эриха Коха.

У посетителей к рейхскомиссару дело, одновременно и важное, и несколько щекотливое. Молодые люди любят друг друга, собираются жениться, но к тому имеется препятствие: Валентина Довгер не чистокровная немка, она, по терминологии нацистов, «фольксдойче» — «принадлежащая к немецкой нации», ее отец, ныне покойный, был немец, проживавший в России. В таких случаях разрешение на брак с целью сохранения арийской чистоты требуется испросить у высоких инстанций. Рейхскомиссар Кох и есть такая инстанция, ведь волею фюрера он царь и бог на оккупированной Украине. К тому же Валя Довгер получила повестку о мобилизации в Германию...

Обер-лейтенант Пауль Зиберт сидит на стуле напротив стола Коха. За спиной посетителя два эсэсовца, ревниво стерегущие каждое его движение. Третий — за креслом Коха. На полу, возле самого стула, две огромные овчарки. Эрих Кох страшно боится покушений, и немудрено: назвать этого нациста «чудовищем» — значит почти ничего не сказать о его сути. Рейхскомиссар высказывает свое недовольство:

— Вы, обер-лейтенант, могли бы найти партию и получше, мы, немцы, должны следить за чистотой крови...

Поворот в разговоре наступает после того, как Кох узнает, что Зиберт его земляк: родился в Восточной Пруссии. Кох интересуется боевым опытом посетителя,

и вдруг... Кто знает, что заставило рейхскомиссара обмолвиться в разговоре со случайным посетителем:

— Фюрер готовит большевикам сюрприз под Курском! Большевикам будет нанесен такой удар, что они уже не оправятся...

Рейхскомиссар благосклонно удовлетворяет просьбу обер-лейтенанта, Валя Довгер будет зачислена машинисткой в рейхскомиссариат. На прощание Кох дарит Зиберту коробку египетских сигарет...

В тот же день из партизанского отряда «Победители», обосновавшегося в лесах под Ровно, в Москву летит телеграмма: Пауль Зиберт, он же советский разведчик Николай Кузнецов, спешит доложить, что гитлеровцы намерены атаковать под Курском⁶.

Подобного рода предупреждения поступали в Москву и из других мест.

Так, 8 мая в Генштаб из нескольких источников поступили данные о том, что нападение противника возможно 10—12 мая. Тотчас войскам Брянского, Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов полетела телеграмма: «По некоторым данным, противник может перейти в наступление 10—12 мая на орловско-курском, или на белгородско-обоянском направлении, или на обоих направлениях вместе.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: к утру 10 мая иметь все войска, как первой линии обороны, так и резервов, в полной боевой готовности встретить возможный удар врага. Особенное внимание уделить готовности нашей авиации, с тем чтобы в случае наступления противника не только отразить удары авиации противника, но и с первого же момента его активных действий завоевать господство в воздухе.

Получение подтвердить. О принятых мерах донести».

Вслед за этим была направлена телеграмма и командующему Степным военным округом. Ему предписывалось: «Всемерно ускорить доукомплектование войск округа и к утру 10.5 все наличные войска округа иметь в полной боевой готовности как для обороны, так и для активных действий по приказу Ставки»⁷.

Получив предупреждение, командующие фронтами приняли необходимые меры и сообщили о них в Ставку.

Но наступление гитлеровцев 10—12 мая не началось. Ныне мы знаем причины, задержавшие начало наступления врага, тогда же могла возникнуть, и действительно возникла, мысль о том, что он и не намерен действо-

вать активно. Командование Воронежского фронта, к примеру, обратилось в Ставку с предложением нанести врагу упреждающий удар. Предложение это подверглось обсуждению в Ставке и было отклонено.

По свидетельству Г. К. Жукова, Верховный Главнокомандующий «все еще колебался — встретить ли противника обороной наших войск или нанести упреждающий удар. И. В. Сталин опасался, что наша оборона может не выдержать удара немецких войск, как не раз это бывало в 1941 и 1942 годах. В то же время он не был уверен в том, что наши войска в состоянии разгромить противника своими наступательными действиями»⁸.

19 мая Генеральный штаб получил новые и, как представлялось тогда, достоверные сведения о намерении командования вермахта открыть кампанию в период 19—26 мая. Немедленно фронтам вновь было направлено предупреждение. Представители Ставки — Жуков и Василевский — постоянно находились на фронтах, работали со штабами, ездили в войска, добирались и до передовой. В донесениях Верховному Главнокомандующему они подробно и тщательно анализировали обстановку. Вот типичное донесение Г. К. Жукова:

«22.5.43. 4.48

Товарищу Иванову*.

Докладываю обстановку на 21.5.43 г. на Центральном фронте.

1. На 21.5. всеми видами разведки установлено: в первой линии обороны противник перед Центральным фронтом имеет 15 пехотных дивизий; во второй линии и резерве — 13 дивизий, из них 3 танковые.

Кроме того, есть сведения о сосредоточении южнее Орла 2-й танковой дивизии и 36-й мотодивизии... В районе Брянска и Карачева находятся три дивизии, из которых две танковые.

Следовательно, на 21.5. противник против Центрального фронта может действовать тридцатью тремя дивизиями, из них шестью — танковыми».

Особенное впечатление производят те места донесения Жукова, в которых делаются выводы из его личных наблюдений: тут с полной ясностью обнаруживается как высокая компетентность маршала, так и черты характера этого твердого, волевого, уверенного в себе

* Псевдоним И. В. Сталина.

*Маршал Советского Союза
А. М. Василевский.*

человека, готового отстаивать свое мнение в любой ситуации: «Я лично был на переднем крае 13-й армии, просматривал с разных точек оборону противника, наблюдал за его действиями, разговаривал с командирами дивизий 70-й и 13-й армий, с командующими Галаниным, Пуховым и Романенко и пришел к выводу, что непосредственной готовности к наступлению на переднем крае у противника нет.

Может быть, я ошибаюсь; может быть, противник очень искусно маскирует свои приготовления к наступлению, но, анализируя расположение его танковых

частей, недостаточную плотность пехотных соединений, отсутствие группировок тяжелой артиллерии, а также разбросанность резервов, считаю, что противник до конца мая перейти в наступление не может»⁹.

Как видим, и в этом случае замечательный советский военачальник был прав: гитлеровцы намеревались начать наступление только 12 июня.

Находившийся в это время на Западном, а потом и Брянском фронтах А. М. Василевский после анализа состояния войск противника также пришел к выводу, что они в конце мая к наступлению не готовы.

О посещениях Василевским войск, встречах его с командирами и бойцами имеется немало воспоминаний, хотя их значительно меньше, чем воспоминаний о встречах с Жуковым. Приведем здесь лишь выдержку из воспоминаний генерала В. А. Коновалова — командира стрелковой дивизии 3-й армии Брянского фронта. В конце мая 1943 года командование армии и командиры дивизий были собраны на совещание, но не в штабе армии, а в лесу, в непосредственной близости от переднего края. Приехал Василевский..

«Поздоровавшись с командованием, он подошел к нам, командирам дивизий. Я был вторым на правом фланге строя и представился маршалу как «врид» коман-

дира 283-й стрелковой дивизии. Услышав это «вريد», Александр Михайлович удивился и сразу задал мне вопрос:

— Сколько времени вы командуете дивизией?

— Три месяца, — ответил я маршалу.

Александр Михайлович обратился к командующему генералу Рейтеру и заметил, что во фронте не выполняется указание товарища Сталина о том, что никаких «вридов» не должно быть.

— Не уверены, что человек справится с должностью, не выдвигайте, а если справляется, то утверждайте, — продолжал Александр Михайлович.

Обойдя строй, А. М. Василевский сам уселся на траве и предложил сделать то же командирам. В такой неприужденной обстановке он выслушал доклады, не прерывая никого, а затем предложил пойти на передовую, находившуюся метрах в 500, по правому берегу реки Зуши.

«Изучив местность и систему обороны противника и сверив ее с картой, — вспоминал генерал Коновалов, — А. М. Василевский поинтересовался нашими соображениями о том, где и как лучше ее прорвать, и сам дал по этому поводу ряд весьма ценных практических советов. Он приказал всем офицерам хорошо изучить местность и систему обороны противника на всех участках фронта. Особое внимание маршал уделил подготовке к наступлению, он обратил внимание на необходимость скрытно проводить все мероприятия, разговоров о подготовке к наступлению не вести, о наших беседах не распространяться даже в узком кругу. В заключение А. М. Василевский сделал небольшой, но содержательный обзор положения дел на фронтах у нас и у наших врагов. Затем он сердечно распрощался с нами и уехал»¹⁰.

Таков был стиль работы начальника Генерального штаба.

Кончился май, противник не наступал. Это вызывало удивление: по опыту 1941 — 1942 годов активные действия своих войск гитлеровское командование приурочивало ко времени коротких летних ночей и хорошей летней погоды. Чего же оно ожидает на этот раз? Не ошибка ли обороняться? И если ошибка, то какими последствиями она чревата?

По свидетельству С. М. Штеменко, Верховный Главнокомандующий «проявлял некоторую нервозность».

Беспокойство Сталина вызывала и неясность: помогут ли союзники Красной Армии хоть в этом году?

Готовясь к решительной схватке с гитлеровским вермахтом, Советское правительство, естественно, желало знать намерения своих союзников — правительств Великобритании и США. Между тем отношения с союзниками складывались далеко не так гладко, как того хотелось бы, и прежде всего потому, что они оттягивали открытие второго фронта в Европе. Особенно усердствовал в этом отношении премьер-министр Великобритании сэр Уинстон Черчилль, твердо обещавший во время визита в Москву в августе 1942 года открыть второй фронт в 1943 году. Несколько раз И. В. Сталин загодя, еще в конце 1942 года, напоминал союзникам об их торжественных обязательствах. Так, 27 ноября 1942 года он в письме к Черчиллю спрашивал правительство Великобритании, когда оно собирается выполнить данное в Москве обещание «устроить второй фронт в Западной Европе весной 1943 года»¹¹. Черчилль отмолчался, и тогда Сталин в декабре поставил тот же вопрос. Прижатый к стенке, британский премьер-министр сослался на то, что не может дать ответа без консультации с президентом США. 14 декабря Сталин напомнил об открытии второго фронта и Рузвельту, но ответа не получил.

Лишь 27 января 1943 года Рузвельт и Черчилль сообщили главе Советского правительства об операциях, которые они намерены предпринять в 1943 году. Но и здесь ни слова не говорилось о высадке во Франции. Поэтому Сталин в послании Черчиллю от 30 января просил сообщить «о конкретно намеченных операциях в этой области и намечаемых сроках их осуществления»¹².

Но вся беда именно в том и состояла, что у союзников на этот счет не было ни конкретных планов, ни, что еще хуже, желания выполнять свои обещания. Они, как выразился тогда советский посол в Лондоне И. М. Майский, были готовы сражаться «до последнего русского солдата». Поэтому 9 февраля 1943 года Черчилль отвечал очень уклончиво, что вынудило Сталина в послании союзникам от 16 февраля определенно выразить свое недовольство отсрочкой открытия второго фронта. Сталин писал: «...нынешняя ситуация требует того, чтобы эти сроки были максимально сокращены и чтобы второй фронт на Западе был открыт значительно раньше... еще весной или в начале лета»¹³.

Переписка по этому поводу не прекращалась. 16 мар-

та, то есть в момент контрудара фашистских войск под Харьковом, Сталин в послании Рузвельту писал: «...я считаю своим долгом заявить, что главным вопросом является ускорение открытия второго фронта во Франции. Как Вы помните, открытие второго фронта и Вами и г. Черчиллем допускалось еще в 1942 г. и, во всяком случае, не позже как весной этого года... После того как советские войска провели всю зиму в напряженнейших боях и продолжают их еще сейчас, а Гитлер проводит новое крупное мероприятие по восстановлению и увеличению своей армии к весенним и летним операциям против СССР, нам особенно важно, чтобы удар с Запада больше не откладывался, чтобы этот удар был нанесен весной или в начале лета»¹⁴.

Озабоченность Советского правительства вполне понятна и справедлива. Однако его союзники и не думали готовиться к высадке во Франции даже после победы в Северной Африке в мае. Когда же в мае 1943 года на англо-американской конференции в Вашингтоне было подтверждено решение отложить открытие второго фронта до следующего года и президент Рузвельт сообщил об этом Советскому правительству, реакция Председателя СНК была весьма острой. В ответном письме от 11 июня Сталин заявлял: «Это Ваше решение создает исключительные трудности для Советского Союза, уже два года ведущего войну с главными силами Германии и ее сателлитов с крайним напряжением всех своих сил, и предоставляет советскую армию, сражающуюся не только за свою страну, но и за своих союзников, своим собственным силам, почти в единоборстве с еще очень сильным и опасным врагом»¹⁵. Советское правительство заявляло, что оно не может согласиться с таким решением.

Черчилль в письме от 19 июня пытался оправдаться. Тогда Сталин в пространном послании от 24 июня по пунктам разбил все хитроумные построения британского премьер-министра. С железной логикой, столь присущей ему, Сталин напоминал Черчиллю обо всех обещаниях открыть второй фронт, сделанных союзниками за 1942 — 1943 годы. Завершалось послание следующим образом: «Вы пишете мне, что Вы полностью понимаете мое разочарование. Должен Вам заявить, что дело идет здесь не просто о разочаровании Советского Правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных

районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину»¹⁶.

Наступило третье военное лето, и вновь советскому народу, его армии, его правительству следовало полагаться только на свои собственные силы. Впрочем, когда анализируешь действия Ставки Верховного Главнокомандования в весенние месяцы 1943 года, приходишь к выводу, что оно не очень-то и рассчитывало на реальную помощь союзников и намеревалось использовать в полной мере свои немалые и все возрастающие силы и средства.

Накануне

Одной из главных задач советских войск во время стратегической паузы было создание таких оборонительных сооружений, о которые разбилась бы лавина вражеских танков. Для этого требовались время и труд. Времени на этот раз было достаточно, крупных боев не велось более трех месяцев, а труда пришлось затратить неизмеримо много.

Попробуем хотя бы вкратце описать созданную систему обороны и для примера возьмем участок 40-й армии Воронежского фронта. Армия эта хоть и не участвовала в оборонительном сражении, но имела систему обороны, типичную вообще для Курской битвы.

Каждая армия строила три оборонительных полосы: главную, вторую и тыловую армейскую. Главная полоса состояла из трех позиций. В первой из них откапывались две-три сплошные траншеи полного профиля (170 сантиметров в глубину). Они отстояли друг от друга на 150—250 метров и были соединены ходами сообщения. Вторая и третья позиции имели одну-две траншеи.

Тут надо оговориться, что система траншей, составлявшая основу обороны под Курском, впервые за время Великой Отечественной войны применялась в таких масштабах. Вот мнение военных историков, крупнейших специалистов по истории Курской битвы — Г. А. Колтунова и Б. Г. Соловьева: «Опыт двух лет войны подтвердил, что система траншей и ходов сообщения давала целый ряд преимуществ для обороняющихся войск,

в том числе: удобство ведения огня, возможность широкого маневра живой силой и огневыми средствами как по фронту, так и в глубину и, наконец, возможность укрытия от ружейно-пулеметного, артиллерийско-минометного огня противника, а также от массированных налетов вражеской авиации. Траншейная система создавала благоприятные условия для перехода в наступление, так как обеспечивала скрытное сосредоточение войск без выполнения дополнительных работ. И наконец, траншейная оборона расширяла возможности непосредственного общения командиров всех степеней (вплоть до командующего фронтом) с подчиненными. Все это наряду с улучшением управления войсками имело большое моральное воздействие на солдат и офицеров, вселяло в них уверенность в удержании оборонительных рубежей»¹.

Всего в полосе Воронежского и Центрального фронтов было отрыто до 10 тысяч километров траншей и ходов сообщения! Цифра потрясающая, особенно если вспомнить, что никаких траншеекопателей в армии тогда не было, все делали солдатские руки; да к тому же на передовой рыть траншеи приходилось в ночное время.

Немудрено, что, когда, к примеру, в конце июня командующему 6-й гвардейской армией И. М. Чистякову позвонил командующий фронтом Н. Ф. Ватутин и поинтересовался: «Ну как, закончили работу?» — Чистяков мог только вздохнуть: «Конца-краю нет, роем, как кроты, день и ночь...»

Вернемся, однако, в 40-ю армию. В главной полосе ее обороны было устроено 36 батальонных узлов, в них 6231 огневое сооружение; кроме того, к обороне приспособили 227 зданий. И на один километр фронта вышло 113 огневых сооружений, по одному на каждые девять метров!

Основными огневыми сооружениями были дзоты (424 легкого и 50 усиленного и тяжелого типов) и противоосколочные гнезда (610 штук). Дзоты рублены из дерева, размером 2×2 метра, с перекрытиями в 4—5 рядов бревен диаметром 22—25 сантиметров. Количество дзотов на километр фронта — 8 штук, то есть через каждые 125 метров. Батальонные узлы обороны имели сеть ходов сообщения полного профиля.

Такой была главная полоса обороны. Вторая полоса, удаленная от переднего края на 10—15 километров, на наиболее важных направлениях по оборудованию ма-

На Курской дуге к встрече врага готовились задолго.

ло чем отличалась от главной полосы. Тыловая армейская полоса, проходившая в 20—40 километрах от переднего края (в разных армиях по-разному), имела, как правило, плотности инженерных сооружений более низкие.

Помимо вырытых траншей и ходов сообщений, были построены укрытия для танков, орудий, автомашин, убежища для бойцов и командиров. Хорошо замаскированные убежища имели перекрытия, которые обеспечивали безопасность даже при попадании 150-миллиметрового снаряда. Сплошные противотанковые и противопехотные препятствия были построены на переднем крае обороны. Его прикрывала единая система огня артиллерии и минометов.

Таковы были армейские полосы обороны. Но этим дело не ограничивалось. На территории Курского выступа войска возвели еще три фронтовых оборонительных рубежа. Но и это еще не все: если бы врагу удалось прорвать фронтовые оборонительные рубежи, то восточнее Курского выступа он наткнулся бы на рубеж, оборудованный и занятый войсками Степного военного округа. И наконец, по левому берегу Дона ждал врага последний, восьмой по счету государственный рубеж обороны. Общая глубина обороны советских войск до-

стигала 250—300 километров. Обороны такой глубины гитлеровские войска в ходе второй мировой войны еще не встречали и, как показали события, преодолеть оказались не в состоянии.

Инженерные работы, произведенные на Курской дуге, огромны: только в полосе Воронежского фронта отрыли почти 84 тысячи стрелковых, пулеметных окопов и окопов для противотанковых ружей, построили 5322 командных и наблюдательных пункта, 17,5 тысячи убежищ и землянок, установили 637,5 тысячи противотанковых и противопехотных мин, а длина траншей и ходов сообщений достигла 4240 километров. Таков же был размах работ и на Центральном фронте. Для того чтобы оценить этот размах, скажем, что одних только земляных работ было выполнено столько же, сколько потребовалось бы при сооружении большого судоходного канала длиною в несколько сот километров.

В этих колоссальных по своим масштабам строительно-оборонительных работах принимало участие население всех областей, на территории которых разворачивалась Курская битва — Орловской, Курской, Воронежской, Сумской и Харьковской. Великая Отечественная война явила пример невиданного ранее в истории массового участия гражданского населения в сооружении оборонительных укреплений. Только в июне на Курском выступе трудились на оборонительном строительстве 300 тысяч рабочих и колхозников Курской области.

«Я работаю на оборонительных сооружениях, выполняю нормы на 110—120%, — писала мужу на фронт Полина Пяцевич. — Дочь Виктория и сын Виталий не отстают от меня — они тоже хорошо трудятся на оборонительных работах. Так что, дорогой, твоя семья честно выполняет свой долг перед Родиной. Мы помогали и будем помогать нашим доблестным воинам... А тебе от нас один наказ: бей проклятого врага беспощадно и возвращайся домой с победой».

Оборона строилась прежде всего как противотанковая, ведь ясно было, что и на этот раз враг нанесет удар танками. При этом войска, создавая прочную и непреодолимую оборону, должны были одновременно учиться тому, что потребуется от них в боях. Формы обучения были самые разнообразные.

В пехоте немало времени и усилий отводилось преодолению так называемой «танкобоязни». В войсках

повсеместно была организована «обкатка»: бойцов учили подпускать танк на десять-пятнадцать метров, бросать в него учебную гранату, затем укрываться на дне окопа, пропускать танк над собой, подниматься и вновь, броском гранаты или бутылки с зажигательной смесью, поражать танк. Само по себе испытание это, по свидетельству участников, доставляет мало приятного, но хоть в какой-то мере снимает напряжение, воспитывает уверенность бойца.

Поскольку войскам после отражения вражеского натиска предстояло и контратаковать, обучали их и наступательным действиям. Здесь тоже были свои трудности. Генерал И. М. Чистяков вспоминал, как на батальонном учении пехота, сопровождаемая огневым валом артиллерии, дружно дошла до траншей «противника», по которым в это время била «наша» артиллерия, и вдруг залегла: красноармейцы, еще не обстрелянные, боялись разлета осколков своих снарядов. Генерал знал по собственному опыту: приказы и уговоры тут не помогут, нужно показать бойцам, что на определенном расстоянии им нечего опасаться своих снарядов.

Генерал остановил учение и велел сделать так, как учили его самого еще на Дальнем Востоке. В специально вырытые представителями от каждой роты ямки положили два снаряда: 122-миллиметровый осколочный и 152-миллиметровый. Затем снаряды зарыли и на расстоянии 80—150 метров обнесли их полотнищем бязи. Получилась ломаная фигура высотой в два метра. Красноармейцы залегли метрах в трехстах от снарядов. И. М. Чистяков вспоминал: «Я спросил у одного красноармейца:

— На сколько метров разлетается 122-миллиметровый осколочный?

Он ответил неуверенно:

— На двести метров...

— В двухстах метрах от него можно сидеть и чай пить!

Саперы подорвали снаряды. Осколки разлетелись в разные стороны. После этого я приказал солдатам подойти к полотнищам и посмотреть, есть ли пробоины. И так смотрели они, и сяк...

— Ну что, нашли пробоины?

— Нет...

— Теперь пойдете?

— Теперь пойдём...»²

Подготовка к решительному столкновению состояла и в том, чтобы накопить на фронтах как можно больше боеприпасов и горючего. Достаточно сказать, что в район Курской дуги были подвезено около 150 тысяч вагонов с материальными средствами, обеспечивающими сражение. Иногда подвозить необходимое приходилось издалека.

Начальник управления снабжения горючим Красной Армии М. И. Кормилицын после тщательных подсчетов обратился к А. И. Микояну с просьбой разрешить переброску с Дальнего Востока 100 тысяч тонн авиабензина из хранящегося там резерва. Микоян не возражал, но окончательно решить это мог только Председатель ГКО.

Подготовили специальную справку. Когда начальник тыла Красной Армии А. В. Хрулев и Кормилицын вошли в кабинет, заседание ГКО было в полном разгаре. Кроме членов ГКО, присутствовало человек 30 штатских и военных. Сталин ходил по кабинету, в руках у него была телеграмма на нескольких страницах, он читал ее вслух и комментировал. Телеграмму в ГКО прислал старший лейтенант, танкист. Он уже дважды горел в танке. Теперь ему дали новую машину — Т-34, и лейтенант просил Верховного Главнокомандующего приказать танкостроителям и артиллеристам устранить имеющиеся в конструкции Т-34 отдельные недостатки. Тогда этот и без того хороший танк станет идеальным; недостатки перечислялись. Верховный Главнокомандующий тут же велел начальнику Главного автобронетанкового управления Я. Н. Федоренко и командующему артиллерией Красной Армии Н. Н. Воронову немедленно и тщательно разобраться с директорами заводов, составить проект ответа и дать ему, Верховному Главнокомандующему, на подпись.

Затем слово получил Кормилицын. Минут десять он докладывал о положении с горючим. Дошел черед до переброски бензина с Дальнего Востока. Сталин взял со стола сводку, переданную ему Микояном:

— Верна ли сводка, товарищ Кормилицын? Судя по ней, дела обстоят не так уж плохо. Тогда зачем везти бензин издалека?

— Сводка верна, товарищ Сталин, но в ней отражены сведения о размещении горючего на многих складах. Подать же на фронт целый маршрут мы не можем ни с одного склада, надо собирать бензин с трех-четырех, а

то и пяти складов, чтобы набрать маршрут. Мы просим разрешить взять 100 тысяч тонн с Дальнего Востока, так как сроки подачи горючего установлены нам очень короткие...

Сталин прошелся по кабинету и стал думать вслух:

— Видимо, после Сталинграда ни японцы, ни турки на нас не нападут. Судя по вашим сводкам, на Востоке достаточно авиационных бензинов. — Подняв голову, он заговорил другим тоном:

— Полагаю, что надо разрешить взять 100 тысяч тонн бензина с Востока и дать зеленую улицу маршрутам. У членов ГКО есть другие предложения?

Предложений не последовало.

— Тогда товарищ Кормилицын свободен.

Через 30 минут в руках у Кормилицына было решение ГКО, и он приступил к его выполнению³.

К началу июля войска Центрального и Воронежского фронтов имели: боеприпасов — от 2 до 5 боевых комплектов, автобензина — от 3,4 до 5,8 заправки, продовольствия — на 20—33 суток. Около четырех пятых всех этих материалов находилось непосредственно в частях и соединениях.

Забегая вперед, можно сказать, что, несмотря на, казалось бы, огромные запасы боеприпасов, их все же не хватило уже после первых дней боев; таков был размах и накал борьбы.

Выше уже говорилось, что на несколько месяцев фронт застыл. Однако это не значит, что на фронте не было боев, напротив, то и дело происходили перестрелки, обе стороны обменивались огневыми налетами, велась разведка. К примеру, маршал К. С. Москаленко, командовавший тогда 40-й армией Воронежского фронта, рассказывал, что на участке одного из батальонов, занимавшего траншею всего в сотне метров от врага, фашисты вели себя агрессивно. На каждый выстрел с нашей стороны следовал шквал ружейно-пулеметного и минометного огня. Пробраться в первую траншею удавалось только ночью. Командир батальона не стал мириться с таким положением и, заранее подготовившись, при первом же огневом налете врага ответил ему огнем всех видов оружия, в том числе и артиллерийским. Обрушившиеся на противника сотни снарядов и мин заставили его прекратить стрельбу.

«Ночь прошла спокойно, — вспоминал К. С. Москаленко. — Победа в этой огневой дуэли осталась за на-

ми. Утром батальон с поддерживающей артиллерией открыли огонь первыми и устроили врагу побудку. Фашисты молчали. Не открывали они огня и следующие двое суток. А когда вне графика с вражеской стороны прозвучал один-единственный винтовочный выстрел, батальон ответил на него шквалом огня.

Гитлеровцы, казалось, примирились с потерей огневой инициативы. Но нет. В один из дней они внезапно атаковали позиции батальона. Броском преодолели небольшую нейтральную зону и даже ворвались в первую траншею. Вспыхнула яростная скоротечная схватка. Большая часть фашистских солдат была истреблена. Когда же оставшиеся в живых бросились бежать, наши воины устремились за ними, на их плечах ворвались во вражеские траншеи, уничтожили там гитлеровцев и остались в расположении вражеской обороны. Закрепившись там, батальон отбил все попытки врага вернуть потерянное»⁴.

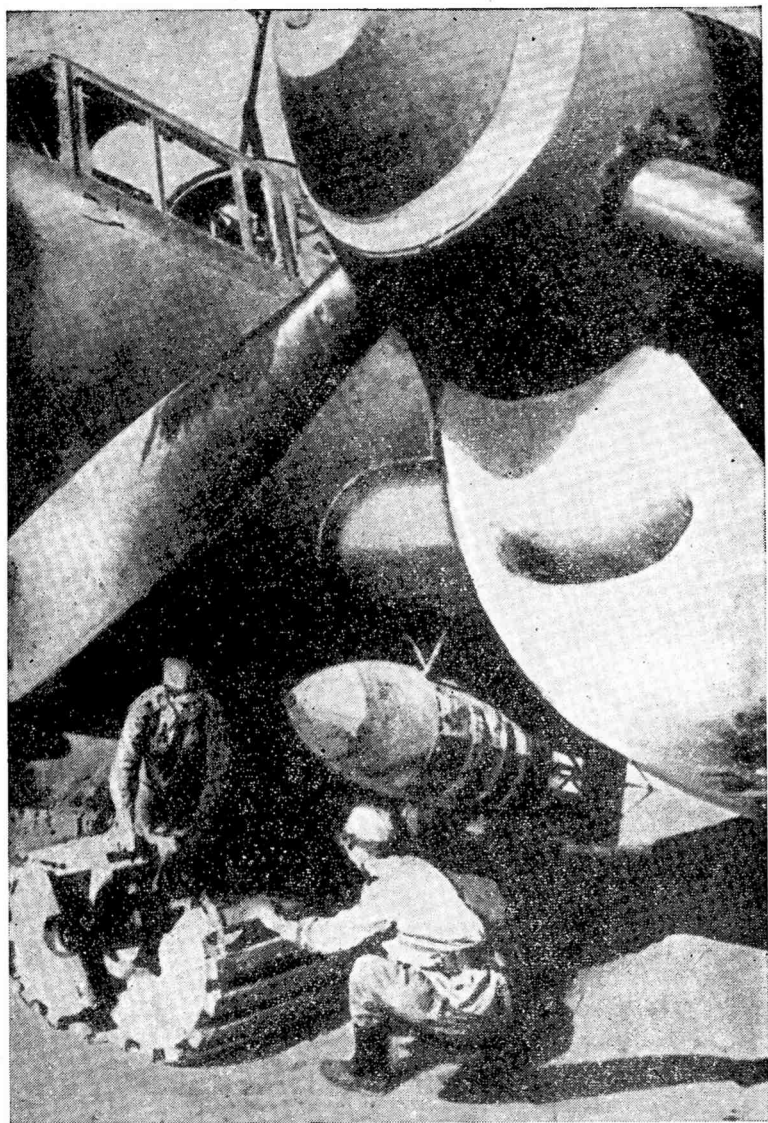
Подобный случай был отнюдь не единичным, и это служило верным признаком того, что обе стороны не успокоились, а готовятся действовать активно.

Если на земле было все не так уж и спокойно, то в небе над Курской дугой в апреле — июне 1943 года разыгрывались такие сражения, которых, пожалуй, до того и не видывали. Дело в том, что борьба за стратегическое господство в воздухе, которую советская авиация вела с вражеской, приобрела в начале 1943 года крайнее напряжение, с тем чтобы достигнуть наивысшего накала именно во время сражения на Курской дуге.

Ранней весной над просторами степей Кубани разгорелось одно из крупнейших воздушных сражений второй мировой войны. Участвовали в нем с обеих сторон тысячи самолетов. Много героических подвигов совершили в воздушных сражениях советские летчики и нанесли врагу немалые потери: фашистская авиация лишилась 1100 боевых самолетов.

Постепенно центр воздушных сражений переносился в район Курской дуги. Если в апреле противник в воздухе не проявлял здесь особой активности, то в мае вражеские самолеты всё чаще стали появляться над расположением советских войск, над городами и железнодорожными станциями, прочими военными объектами.

Обе стороны в предвидении решающей схватки стремились захватить господство в воздухе и направляли в

Очередные «гостинцы» для оккупантов.

район будущего сражения и лучших летчиков, и новые машины. Советское командование придавало исключительно большое значение борьбе за господство в воздухе и сосредоточило здесь основные силы авиации: из 18 авиационных корпусов фронтов и 4 корпусов резерва Ставки к июню 13 находились на курском направлении.

Располагая крупными силами, Ставка ВГК решила не ограничиваться отражением нападений вражеской авиации, а предпринять крупные операции с целью разгрома основных авиационных группировок врага. Первая такая операция была проведена в начале мая 1943 года.

Утром 6 мая советская авиация на огромном участке, от Западного до Южного фронта, нанесла массированный удар по аэродромам противника и сумела нанести ему чувствительные потери. Такие же удары повторились 7—8 мая. Это была самая крупная за время Великой Отечественной войны операция подобного рода, она улучшила воздушную обстановку.

Однако силы авиации противника не были сломлены, и борьба не прекращалась ни на день. Фашисты неоднократно массированными налетами пытались нарушить работу железных дорог, особенно ведущих к Курску.

22 мая около 170 вражеских бомбардировщиков атаковали Курский железнодорожный узел. 2 июня они повторили налет; на этот раз в нем участвовало 543 самолета, в том числе 424 бомбардировщика. Значительному числу вражеских самолетов удалось прорваться к железнодорожному узлу, в результате чего его работа была прервана на 12 часов. Успех этот, однако, дался врагу дорогой ценой: было сбито 145 вражеских самолетов. Это был последний в Великой Отечественной войне крупный массированный дневной налет вражеской авиации на объекты советского тыла.

В июне фашистская авиация по нескольку раз бомбила ночью крупные промышленные центры в глубоком тылу — Ярославль, Горький, Саратов, где пострадала часть промышленных объектов. В качестве ответной меры 8—10 июня наша авиация вновь нанесла удары по аэродромам врага. В этот раз налеты проводились вечером. Советские летчики наносили также удары по железнодорожным составам и автоколоннам противника,

Ночь с 4 на 5 июля: затаившийся враг.

выполняя соответствующий приказ Наркома обороны от 4 мая 1943 года.

Совершала советская авиация налеты и на военно-промышленные объекты в глубоком тылу врага, на Кенигсберг, Инстербург, Данциг, Тильзит, при этом применялись бомбы большой мощности — по 2 и 5 тонн.

Так в мае — июне создавались предпосылки для завершения борьбы за стратегическое господство в воздухе. Но разрешиться этой борьбе предстояло в воздушных схватках над полями сражений на Курской дуге.

Начался июнь 1943 года, враг не наступал. Чего же все-таки он ждет? Гадали об этом и на фронте и в Генштабе. В подобных случаях начинают появляться сомнения даже в том, что твердо установлено, проверено. 6 июня Генштаб, обеспокоенный сведениями о дислокации танковых дивизий врага, запросил штабы фронтов: «Сейчас нам чрезвычайно важно знать, остается ли группировка танковых соединений противника прежняя, или она изменена. Поэтому поставьте задачу всем видам разведки определить местонахождение танковых дивизий противника».

Через установленный срок — пять суток — последовали ответы: группировки вражеских танков остались

прежними. Так почему же все-таки они не наступают? Жуков и Василевский практически не покидали фронтов, с утра и до вечера работая в штабах, выезжая в соединения, добираясь до передовых позиций.

Ожидание становилось нестерпимым, особенно в сознании того, что собственные силы очень велики и позволяют, вполне позволяют наступать. А. М. Василевский вспоминал, что особенное нетерпение обнаруживал командующий Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутин. Он не раз запрашивал Генштаб, не следует ли самим перейти в наступление. «Мои доводы, что переход врага в наступление против нас является вопросом ближайших дней и что наше наступление будет безусловно выгодно лишь противнику, его не убеждали.

— Александр Михайлович! Проспим мы, упустим момент, — взволнованно убеждал он меня. — Противник не наступает, скоро осень, и все наши планы сорвутся. Давайте бросим окапываться и начнем первыми. Сил у нас для этого достаточно.

Из ежедневных переговоров с Верховным Главнокомандующим я видел, что неспокоен и он. Один раз он сообщил мне, что ему позвонил Ватутин и настаивает, чтобы не позднее первых чисел июля начать наше наступление; далее Сталин сказал, что считает это предложение заслуживающим самого серьезного внимания; что он приказал Ватутину подготовить и доложить свои соображения по Воронежскому фронту в Ставку»⁵.

Может быть, советские войска и сами перешли бы в наступление, но Генеральный штаб вновь получил данные о том, что в ближайшие дни противник перейдет к активным действиям. В ночь на 2 июля на фронты полетела телеграмма: «По имеющимся сведениям, немцы могут перейти в наступление на нашем фронте в период 3—6 июля. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: 1. Усилить разведку и наблюдение за противником с целью своевременного вскрытия его намерений. 2. Войскам и авиации быть в готовности к отражению возможного удара противника. 3. Об отданных распоряжениях донести»⁶.

На этот раз сведения разведки были верны: фашистское командование решилось наконец наступать.

В ночь на 5 июля 1943 года Гитлер обращается к солдатам на Восточном фронте: «Солдаты!

Сегодня вы начинаете великое наступательное сра-

жение, которое может оказать решающее влияние на исход войны в целом.

С вашей победой сильнее, чем прежде, укрепится убеждение о тщетности любого сопротивления немецким вооруженным силам».

Ни больше ни меньше — «тщетность сопротивления», и это после Сталинграда! Самоуверенность Гитлера безгранична, и главное — он в такие моменты сам верил в то, что говорил: «Кроме того, новое жестокое поражение русских еще более поколеблет веру в возможность успеха большевизма, уже пошатнувшуюся во многих соединениях Советских Вооруженных Сил... Вера в победу у них, несмотря ни на что, исчезнет».

Фюрер, конечно, забыл, что подобные фразы о «тщетности сопротивления» и потере войсками противника веры в победу он преподносил своим солдатам и в июле 1941 года, и в октябре того же года, и много раз в 1942 году. Но что из того?! Вот он расписывает, почему на этот раз победа будет обязательно достигнута: «Русские добивались того или иного успеха в первую очередь с помощью своих танков».

Мои солдаты! Теперь, наконец, у вас лучшие танки, чем у русских.

Их, казалось бы, неистощимые людские массы так поредели в двухлетней борьбе, что они вынуждены призывать самых юных и стариков». Вот ирония судьбы: придет 1945 год, и, пытаясь хоть как-то остановить наступление советских танков, фашистские главарь будут бросать навстречу им фольксштурм — 13—14-летних мальчишек и 65-летних старцев. Пока же, в июле 1943 года, Гитлер продолжает бахвалиться: «Наша пехота, как всегда, в такой же мере превосходит русскую, как наша артиллерия, наши истребители танков, наши танкисты, наши саперы и, конечно, наша авиация».

Могучий удар, который настигнет сегодняшним утром советские армии, должен потрясти их до основания»⁷.

В молчании выслушивают солдаты Восточного фронта приказ фюрера, кричат «хайль!» и отправляются по местам, чтобы вскоре пойти в бой.

Грядет утро 5 июля...

Крах „Цитадели“

К северу от Курска

Северный фас Курской дуги на протяжении 306 километров (от Алексеевки до Коренева) обороняли войска Центрального фронта: более 700 тысяч бойцов, 5282 орудия всех калибров, 5637 минометов калибром 82 и 120 мм, 1783 танка и САУ, 1092 самолета.

Фронт здесь держали (с севера на юг) 48, 13, 70, 65, 60-я общевойсковые армии, во втором эшелоне находилась 2-я танковая армия, в резерве — 9-й и 19-й танковые корпуса, артиллерийские соединения и части.

Командовал всей этой группировкой генерал армии Константин Константинович Рокоссовский.

Рокоссовский — одна из наиболее примечательных фигур среди военачальников Великой Отечественной войны. Жизненный путь маршала и характерен для людей его поколения, и в то же время уникален, неповторим.

Родился Костя Рокоссовский в Великих Луках в декабре 1896 года в семье машиниста-железнодорожника, поляка по национальности, и учительницы — русской. Вскоре семья переехала в Варшаву. Родители Рокоссовского умерли рано, и с 14 лет, после окончания четырехлетнего училища, он начинает свой трудовой путь. Работает каменотесом, но разгорается первая мировая война, и 18-летний юноша, прибавив себе для солидности два года (тогда в русскую армию брали солдат, достигших 21-летнего возраста), вступает добровольцем в 5-й Каргопольский драгунский полк. Всю войну драгун Рокоссовский провел в окопах, заслужил четыре георгиевские награды. С декабря 1917 года он доброволец в Красной Армии. Боевой путь Рокоссовского в гражданской войне пролегал от Северной Украины до Забайкалья, привелось ему сражаться с гайдамаками и белочехами, колчаковцами и семеновцами, и это красноармейцы полка Рокоссовского в далеких монгольских степях в августе 1921 года взяли в плен одного из самых упорных и жестоких врагов Советской власти — барона Унгерна. За годы гражданской войны Рокоссовский был дважды тяжело ранен, дважды болел тифом и дважды был награжден орденом Красного Знамени — большая редкость для той поры.

Продолжая служить в Красной Армии, Рокоссовский командует кавалерийским полком и бригадой в Забайкалье, дивизией в Белоруссии, корпусом на Псковщине. В одно время с Г. К. Жуковым он обучается на ККУКС и КУВНАС; подчеркнем, что и этот выдающийся советский военачальник не имел специального военного образования, хотя и был высокоинтеллектуальным человеком.

Войну Рокоссовский встретил в Западной Украине, командуя 9-м механизированным корпусом. Войска этого корпуса героически сражались в те страшные начальные дни войны. С середины июля Рокоссовский участвует в Смоленском сражении, командуя сначала армейской группой, а затем 16-й армией. Во главе войск этой

армии Рокоссовский обессмертил свое имя, когда она защищала волоколамское направление под Москвой. Летом 1942 года Рокоссовский командовал Брянским фронтом, а с 1 октября возглавил Донской фронт. Это солдаты Рокоссовского заставили капитулировать группировку врага под Сталинградом, это он и маршал Воронов первыми допрашивали фельдмаршала Паулюса. Ныне во главе Центрального фронта Рокоссовский готовился встретить вражеское наступление.

В 27 километрах к северу от Курска, на живописном крутом берегу реки Тускарь, уже много веков стоит местечко Свобода. С XVII века находился здесь мужской монастырь. Вот в его-то зданиях и разместился штаб фронта.

Работал штаб как хорошо налаженная машина, и в этом немалая заслуга начальника штаба М. С. Малинина, с которым Рокоссовский не расставался с июльских дней 1941 года, со времени боев под Ярцевом на Смоленщине. Столь же давно сражались вместе с Рокоссовским командующий артиллерией фронта В. И. Казаков, командующий бронетанковыми войсками фронта Г. Н. Орел и многие другие. Однажды познакомившись с Рокоссовским, люди неохотно расставались с ним.

Этот человек производил неизгладимое впечатление. Вот свидетельство подчиненного — командующего 65-й армией генерала П. И. Батова: «К. К. Рокоссовский не любил одиночества, стремился постоянно быть ближе к своему штабу... Чаще всего мы видели его у операторов или в рабочей комнате начальника штаба М. С. Малинина. Придет, расспросит, над чем товарищи работают, какие трудности в работе испытывают, поможет своим опытом и советом, предложит продумать то или другое соображение в перспективе действий войск фронта. В его советах чувствовалось огромное знание военного дела, организаторские способности и большое предвидение. Как всегда, спокойный, углубленный в свои мысли, он умело и творчески распределял работу между своими заместителями, начальниками родов войск, штабом, Военным советом и Политуправлением фронта. Все это создавало удивительно приятную атмосферу, каждому хотелось смелее думать, смелее действовать.

К этому следует добавить личное обаяние Рокоссовского. Вместе с тем это был сильный, волевой человек, требовательный и суровый в сложной обстановке, умеющий приказать и добиться безоговорочного выполне-

ния приказа. Строгая благородная внешность, подтянутость, выражение лица — задумчивое, серьезное. Немногословен, движения сдержанные, но решительные. Преждевременные морщины говорили о том, что командующему немало пришлось перенести в жизни»¹.

Противник, противостоявший Центральному фронту, был весьма серьезен: гитлеровское командование сосредоточило здесь 22 дивизии (15 пехотных, 6 танковых и 1 моторизованную) 9-й армии и 4 пехотные дивизии 2-й армии, всего 460 тысяч человек, около 6 тысяч орудий и минометов, до 1200 танков и штурмовых орудий.

Очевидно, что общее соотношение сил оставалось благоприятным для советских войск, но гитлеровцы постарались создать перевес в людях в 1,2 раза на направлении главного удара, в полосе 13-й и на правом фланге 70-й армии, и добились равенства в танках. Отметим, однако, что в артиллерии Центральный фронт сохранял превосходство и на направлении удара противника, хотя и небольшое.

Командовал группой армий «Центр» фельдмаршал Гюнтер фон Клюге (1882—1944). Старый служака, участник первой мировой войны, он первым из фашистских генералов был бит на советско-германском фронте в ноябре 1941 года под Ростовом. Сменив в начале 1942 года Ф. фон Бока на посту командующего группой армий «Центр», Клюге ничем не отличился за полтора года пребывания на этом посту. Западные историки утверждают, что Клюге, мягкий по характеру, вполне устраивал Гитлера. Мы еще будем иметь возможность познакомиться с его поведением в «Волчьем логове».

9-ю армию, силы которой в основном и должны были наступать на позиции Центрального фронта, возглавлял генерал-полковник Вальтер Модель (1891—1945).

Вот характеристика Моделя, данная в воспоминаниях Манштейном: «Модель пользовался особым доверием Гитлера, после того как он отличился своей особенной энергией и стойкостью в кампаниях 1941 и 1942 годов... Модель был, несомненно, очень способным штабным офицером. Он обладал ясным умом и способностью быстро оценивать обстановку... По своему характеру он был оптимистом, не признававшим трудностей. Эти качества, его огромная энергия и, наконец, его стремление добиться хороших личных отношений с главными деятелями режима (он попросил у Гимmlера себе адью-

На Центральном фронте к отпору готовы. Слева направо: командующий К. К. Рокоссовский, командир инженерно-саперной бригады М. Ф. Иоффе, члены Военного совета К. Ф. Телегин и М. М. Стахурский, командующий артиллерией В. И. Казаков, начальник штаба М. С. Малинин и командующий 16-й воздушной армией С. И. Руденко.

танта из СС, что вызвало резкую критику со стороны офицерского корпуса) импонировали Гитлеру. Нельзя отрицать также и того, что в таком его поведении определенную роль играло тщеславие. Но можно предполагать и то, что он был предан Гитлеру и идеям национал-социализма по убеждению... Модель был солдатом в духе Гитлера»². В этой характеристике обращает на себя внимание подчеркивание приверженности Моделя к нацизму. Нет сомнения, важные задачи поручались Гитлером Моделю потому, что он был уверен в лояльности генерал-полковника. Даже смерть Моделя характерна: он застрелился 21 апреля 1945 года, в день рождения фюрера.

Три месяца затишья на Курской дуге штаб Центрального фронта провел в непрерывной работе. Все свидетельствовало, что наибольшую опасность в полосе фронта представляет правый фланг, то есть основание Курского выступа. Определив это, Рокоссовский решил сосредоточить здесь основные силы фронта. Такое решение определялось тем очевидным обстоятельством, что наиболее выгодным для наступления противника

было орловско-курское направление и главный удар (на юг и юго-восток) следовало ожидать здесь. В то же время попытка немецко-фашистских войск ударить в другом направлении не вызвала бы особой угрозы, поскольку в этом случае войска Центрального фронта могли маневрировать и отразить атаку врага. По оценке Рокоссовского, наступление врага в этом случае «могло привести только к вытеснению наших войск, оборонявшихся на Курской дуге, а не к их окружению и разгрому».

Исходя из того, что враг, вероятнее всего, нанесет удар через Поньри на Курск, командование фронта разместило на правом фланге, на участке в 95 километров (31 процент протяженности фронта), 58 процентов стрелковых дивизий, 87 процентов танков и САУ, 70 процентов артиллерий. Здесь Рокоссовский держал войска второго эшелона и фронтового резерва. Поступая так, командующий фронтом был уверен, что враг и на этот раз начнет наступление излюбленным способом — танковым ударом главными силами под основание Курского выступа.

Основное беспокойство Рокоссовского вызывала 13-я армия (командовал ею генерал-лейтенант Н. П. Пухов), прикрывавшая наиболее угрожаемое направление вдоль железной дороги Орел — Курск. Для усиления этой армии был выделен артиллерийский корпус прорыва, насчитывавший 700 орудий и минометов. В результате на участке армии была создана не виданная дотеле ни в одной оборонительной операции плотность артиллерии — в среднем 92 орудия и миномета калибром от 76 миллиметров и выше на километр фронта. Это было в полтора раза больше, чем смог создать для своего наступления противник, и об эту стену огня разобьется его натиск.

Пополнение получили и стрелковые дивизии фронта — на 1 июля средняя численность каждой из них составляла 7400 человек, для условий Великой Отечественной войны это весьма высокая цифра. Кстати, читатель, возможно, обратил внимание на то, что число советских дивизий значительно превышает количество противостоящих им немецко-фашистских дивизий. Дело в том, что вражеские дивизии были гораздо крупнее: в них насчитывалось по 14—15 тысяч человек.

Огромную роль в создании на Центральном фронте непреодолимой для врага обороны имела деятельность

политических органов фронта. Работники руководимого С. Ф. Галаджевым политуправления фронта в апреле — июне 1943 года неустанно трудились, стремясь развивать у бойцов и командиров стойкость и мужество, укрепить их морально-боевой дух. Политработники, коммунисты и комсомольцы воодушевляли бойцов, развивали в них стойкость, выдержку, чувство взаимной выручки.

Подготовке воинов к грядущему столкновению с врагом способствовали политические занятия с бойцами, которые регулярно проводились с апреля по 1 июля. Главное политическое управление Красной Армии разработало темы политзанятий, которые дополнялись и конкретизировались в подразделениях и частях. Вот некоторые из таких тем: «Смелому и умелому бойцу танки не страшны», «Не давать врагу покоя ни днем, ни ночью, истреблять его живую силу и технику», «Совершенствование боевой выучки, укрепление порядка, организованности и дисциплины в подразделениях — залог нашей победы над заклятым врагом», «Высоко держать и хранить боевое знамя части — символ чести и славы». Партийно-политическая работа в войсках фронта тесно увязывалась с повышением боевой выучки бойцов и командиров, воспитанием бережного отношения к оружию и боевой технике.

Перед командованием фронта возникали проблемы и иного порядка. Поскольку со дня на день должно было развернуться ожесточенное сражение, советские и партийные организации Курской области, руководствуясь самыми гуманными побуждениями — желанием уберечь от опасности и лишений жителей области, склонны были провести массовую эвакуацию населения. Но командование фронта решительно воспротивилось этому. Во-первых, Рокоссовский был убежден, что противнику не удастся окружить и разгромить войска Центрального фронта; во-вторых, эвакуация населения существенным образом могла отразиться на боевом духе войск, ведь вся политическая работа в войсках строилась на том, чтобы и мысли не допустить об отступлении и оставлении врагу совсем недавно и с такими жертвами освобожденной земли. И вдруг эвакуация! Нет, с этим Рокоссовский не мог согласиться.

Он и свой командный пункт расположил в центре Курской дуги; здесь же находились управления, тылы фронта. Заместитель Рокоссовского по тылу генерал

Н. А. Антипенко по приказанию командующего продолжал размещать по возможности ближе к войскам, главным образом в Курске, полевые подвижные госпитали, склады боеприпасов, горючего, продовольствия. Командование фронта не собиралось отдавать врагу Курский выступ, и, если бы советские войска оказались окруженными, они все равно продолжали бы его удерживать. Впрочем, в июне 1943 года, когда командующий фронтом возвращался из поездок на передовые позиции и ознакомился со штабными сводками, свидетельствовавшими о росте сил и средств, поступавших в его распоряжение, у него не оставалось и тени сомнения: врагу не удастся прорваться и окружить советские войска, он сам будет жестоко бит!

К концу июня напряжение, казалось, достигло предела. Когда же немцы начнут? И будут ли они вообще наступать? Разведывательные данные подтверждали, что в тылу врага идут крупные перемещения танковых, артиллерийских и пехотных соединений в направлении к переднему краю. Со дня на день следовало ожидать начала сражения, и командующий фронтом спешит к войскам, чтобы еще раз убедиться, все ли готово к встрече врага.

Естественно, что больше всего Рокоссовского интересовало состояние 13-й армии. В армии Пухова командующий фронтом побывал на двух передовых наблюдательных пунктах севернее станции Поньри, где через несколько дней и разгорелся жестокий бой. Затем генералы направились на передовую, побывали в окопах, блиндажах и траншеях. Повсюду Рокоссовский интересовался не только организацией обороны, хотя это и было главной целью его поездки, но и всем специфическим окопным бытом солдат и командиров, который он так хорошо знал по собственному опыту. Командующий осматривал ниши для оружия и боеприпасов, устроенные в окопах, баки для воды и умывальники, зашел в блиндаж, предназначенный для отдыха, побывал в мастерских для ремонта обуви и одежды. Везде он заводил беседы с солдатами.

— «Тигров» и «пантер» не испугаетесь? — спрашивал он, стараясь выяснить, как рядовой состав подготовлен к встрече с грозными боевыми машинами врага. Повсюду чувствовалась уверенность в силе советского оружия. На прощание Рокоссовский спросил одного из солдат:

— Как вы думаете, прорвутся ли немцы через наши позиции?

Ответ поспешили дать все окружающие:

— Через наши позиции фрицы не пройдут!

Такая уверенность могла только радовать, войска фронта хорошо подготовились к боям. Иногда, правда, встречались и исключения.

Проверяя состояние обороны 280-й стрелковой дивизии, Рокоссовский обнаружил, что сделано еще далеко не все необходимое и возможное. Командир дивизии на многие вопросы Рокоссовского ответить не мог или отвечал неудовлетворительно и растерянно. Тем не менее командующий фронтом внешне ничем не проявлял своего недовольства. Он только позволил себе заметить:

— Вы знаете, у меня возникает сомнение, способны ли вы командовать дивизией!

По возвращении на командный пункт комдив немного осмелел и пригласил Рокоссовского и сопровождавших его командиров пообедать. И тут ему пришлось раскаяться в приглашении. Насмешливо улыбнувшись, Рокоссовский отрезал:

— У командира, в дивизии которого так много беспорядка, я обедать никак не могу. Наведите сначала порядок в частях, а потом уж приглашайте нас на обед. — И, приложив руку к козырьку, повернулся и зашагал к своей машине...

Признаки приближающегося наступления врага становились все нагляднее. Вражеская авиация настойчиво производила разведывательные полеты. Самолеты-разведчики довольно регулярно появлялись над местечком Свобода и, видимо, определили, что тут находится какой-то штаб. Командующий фронтом жил в доме, расположенном у входа в старинный монастырский парк.

Однажды вечером Рокоссовский, как и всегда, ждал дежурного, чтобы просмотреть поступившие документы. Обыкновенно после этого он шел в соседний дом, где помещалась столовая военного совета, и ужинал. Но в этот раз командующий фронтом велел принести депеши в столовую и отправился туда сам. В 23 часа дежурный принес депеши, Рокоссовский стал их просматривать, обмениваясь репликами с Казаковым, Малининым, Телегиным и другими работниками штаба. Внезапно послышался рокот мотора, и вскоре раздался свист летящих бомб. Рокоссовский едва успел дать команду

«ложись!», все бросились на пол, и тут же последовал близкий разрыв бомбы, за ним другой, третий... В столовой никто не пострадал, все лишь оказались осыпанными осколками стекол и штукатуркой. Но дом, в котором жил Рокоссовский, был разбит прямым попаданием. Сам Рокоссовский склонен был считать, что его спасла интуиция, заставившая уйти в этот вечер из дома; в богатой событиями жизни генерала то был не первый случай. Разумеется, рисковать более не следовало, и в монастырском парке срочно оборудовали надежные блиндажи.

Наступил июль. Ожиданию, казалось, не будет конца. Сводки Совинформбюро неизменно содержали фразу: «На фронте ничего существенного не произошло». Каждый боец и командир готовился к встрече с врагом. И встреча эта состоялась...

В первых числах июля на Центральный фронт прибыл Жуков. Ставка поручила ему координацию действий Центрального, Брянского и Западного фронтов. Для согласования действий Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов к Ватутину выехал Василевский. 2 июля последовало предупреждение Ставки о скором переходе врага в наступление. Советские войска изготовились.

Глубокой ночью с 4 на 5 июля Рокоссовского вызвал к телефону командующий 13-й армией. Голос Пухова звучал взволнованно:

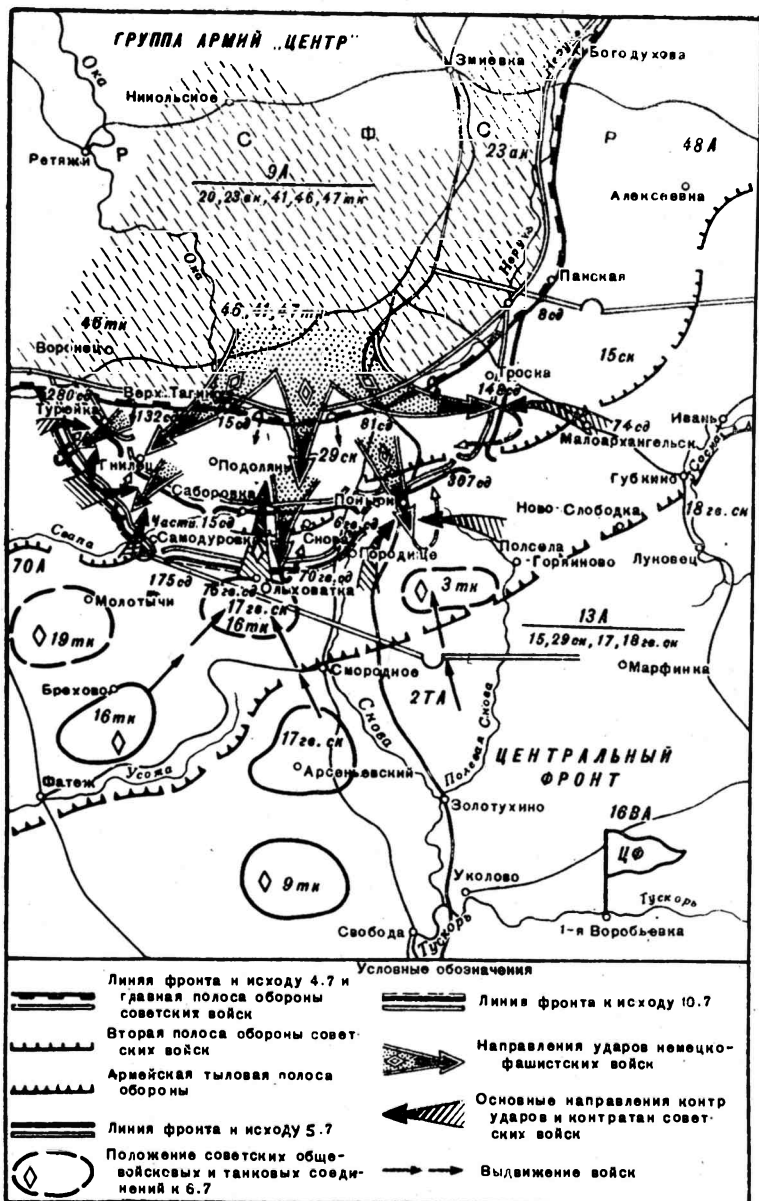
— Товарищ генерал армии, только что наши разведчики имели стычку с немецкими саперами! Те делали проходы в минных полях. Захватили «языка», он показал: сегодня в три часа начнется, войска уже заняли исходное положение...

Из разговора с Василевским, состоявшегося за несколько часов до этого, Жуков уже знал, что на Воронежском фронте получены подобные же сведения. Рокоссовский сообщил маршалу об известиях из армии Пухова:

— Что будем делать? Докладывать в Ставку нет времени! Промедление может нам дорого стоить!

— Я считаю, что времени терять нельзя, — ответил Жуков.

— Тогда я отдаю приказ на проведение контрподготовки. — И Рокоссовский повернулся к начальнику артиллерии фронта Казакову: — Василий Иванович, начинай!

Оборонительное сражение на Орловско-Курском направлении
(5—12 июля 1943 г.).

Дело состояло в том, что на Центральном фронте, так же как и на Воронежском, была заранее намечена артиллерийская контрподготовка, имевшая целью поразить уже изготовившихся к атаке пехоту и танки врага, его артиллерийские батареи, штабы, склады боеприпасов и горючего. От этого мероприятия в случае удачи можно было ожидать немалых выгод.

Вот почему в 2 часа 20 минут в полосе 13-й армии и частично 48-й армии советская артиллерия открыла огонь. Расположение гитлеровских войск покрылось сплошной стеной разрывов, стреляло до 600 орудий и минометов, два полка полевой реактивной артиллерии. Заметим, что артиллерия противотанковых районов, чтобы преждевременно не обнаружить их расположения, огня не открывала.

Вскоре наблюдатели доложили, что в небольшом удалении от переднего края после прямых попаданий снарядов взорвалось несколько немецких складов с боеприпасами. В расположении врага были отмечены пожары. Полагая, что русские их упредили и сами сейчас начнут наступление, гитлеровцы стали освещать местность ракетами и прожекторами.

Контрподготовка длилась 30 минут, наша артиллерия израсходовала четверть боекомплекта снарядов. Впоследствии из опросов пленных стало известно, что огонь советской артиллерии был совершенно неожиданным для противника, от него пострадала артиллерия, почти всюду была нарушена связь, система наблюдения и управления. Среди немецких солдат распространился слух: «Русские опередили нас, и не мы будем наступать, а они».

Однако впоследствии и участники событий, и военные историки отмечали недостатки в проведении контрподготовки. Маршал Жуков писал: «...следует сказать, что к началу действий противника план контрподготовки у нас в деталях полностью еще не был завершен. Не были точно выявлены места сосредоточения в исходном положении и конкретное размещение целей в ночь с 4 на 5 июля... В результате нам пришлось вести огонь в ряде случаев не по конкретным целям, а по площадям... Конечно, артиллерийская контрподготовка нанесла врагу большие потери и дезорганизовала управление наступлением войск, но мы все же ждали от нее больших результатов. Наблюдая ход сражения и опрашивая пленных, я пришел к выводу, что как Центральный, так

и Воронежский фронты начали ее слишком рано: немецкие солдаты еще спали в окопах, блиндажах, оврагах, а танковые части были укрыты в выжидательных районах. Лучше было бы контрподготовку начать примерно на 30—40 минут позже»³.

Несомненно, контрподготовка могла быть успешнее, но совершенно бесспорен и тот факт, что внезапного нападения у противника не вышло, а это значило весьма и весьма много.

Стихла канонада советской артиллерии, наступила тишина, за которой — все это знали — должен последовать «внезапный» удар противника. Прошел час, наступило утро... Только в половине пятого утра сотни вражеских пикирующих бомбардировщиков появились над нашими позициями. Они сбросили свой смертоносный груз, после этого немецкая артиллерия начала обработку нашего переднего края, продолжавшуюся свыше часа.

Когда около шести утра немецко-фашистские танки и пехота пошли в наступление, в штабе фронта около Рокоссовского собрались члены Военного совета, начальники родов войск, прошедшие бессонную и тревожную ночь. Все ждали указаний командующего фронтом, как действовать дальше. Вместо этого Рокоссовский спросил:

— Вы уверены в правильности наших планов? Я думаю, войска полностью готовы к отражению атаки врага.

Когда окружающие подтвердили это мнение, командующий фронтом сказал соратникам:

— Тогда я советую всем отдохнуть часа два. Если же мы будем бодрствовать, то непременно станем дергать командармов, запрашивая, как у них обстоят дела. А им самим надо во всем разобраться, на это тоже требуется немало времени. Уверен, что, как только появятся новости, они сами доложат и будут просить поддержки. Вы как хотите, а я иду спать.

Никто не знает, спал ли командующий фронтом в то утро, никто не может сказать, какого нервного напряжения стоило ему это спокойствие, столь благотворно отражавшееся на окружающих, но телефон его молчал до тех пор, пока командармы не начали сами докладывать о ходе боевых действий. Рокоссовский знал, что все возможное сделано, и был уверен в своих войсках и командующих армиями, которые, он был в этом

По врагу — огонь!

убежден, будут действовать так, как этого потребует обстановка, так, как действовал бы он сам.

Предвидение командующего Центральным фронтом оправдалось: гитлеровцы атаковали всю полосу обороны 13-й армии и примыкавшие к ней фланги 70-й армии И. В. Галанина и 48-й армии П. Л. Романенко на участке всего в 45 километров. Надо сказать, что предугадать действия врага командующему фронтом позволило хорошее знание противника. Ему, как и другим советским полководцам, было известно, насколько склонны к шаблонным действиям генералы вермахта: если то или иное оперативное направление представляет наибольшие выгоды для нападения, то именно здесь, а не где-нибудь в другом месте надо и ждать этого нападения, немецкие генералы не станут затруднять себя поисками иного решения. Шаблонным был и сам способ действий при атаке гитлеровцев — мощная, но не очень-то длительная артиллерийская подготовка, устрашающая бомбардировка «юнкерсов» и — танковый удар, по возможности более мощный. По мысли стратегов вермахта, если в дело пущены достаточно внушитель-

ные силы и средства (а танков в этот раз, на Курской дуге, у гитлеровцев было действительно много), то противник неизбежно должен быть и будет сокрушен. При этом удивительная шаблонность в действиях сочеталась у гитлеровских генералов с полнейшим пренебрежением к противнику: ими практически не бралось в расчет ни отсутствие фактора внезапности, ни то, что противник за три месяца наверняка постарался подготовить оборону и накопить резервы, в том числе немало танков, и что эти резервы станут контратаковать...

Главный удар враг наносил на левом фланге 13-й армии в направлении Ольховатки. Армада бронированных машин, до 500 штук, надвигалась на передний край армии Пухова. Впереди ползли, группами по 10—15 штук, «тигры» и «фердинанды», с которыми немецкое командование и связывало надежды на неотразимость своих атак. Вот они вышли на северный берег реки Очки и открыли ураганный огонь по расположению советских войск. За ними, тоже группами, но уже по 30—50 и более машин, следовали средние танки, а сзади них на бронетранспортерах, автомашинах и в пешем строю — тысячи солдат. С воздуха танки и пехота противника поддерживались авиацией, бомбардировщики группами по 50—100 машин непрерывно «обрабатывали» боевые позиции наших войск. Немецкая артиллерия продолжала обстреливать советские позиции.

Этот бешеный натиск, казалось, сметет, раздавит все живое. Но советские солдаты достойно встретили противника.

Первыми дали отпор врагу артиллеристы: с закрытых огневых позиций, несмотря на атаки вражеских бомбардировщиков, они вели сосредоточенный огонь. Когда фашистские танки приблизились к переднему краю, противотанковые орудия стали стрелять по ним прямой наводкой, затем в бой были пущены противотанковые ружья. Вырвавшиеся вперед вражеские танки начали подрываться на минах. К этому времени пехота противника, поражаемая артиллерийским, минометным и ружейно-пулеметным огнем, неоднократно вынуждена была залегать. Только в девятом часу утра врагу удалось «докатиться» до переднего края главной полосы обороны 81-й стрелковой дивизии генерал-майора А. Б. Барина и 15-й стрелковой дивизии полковника В. Н. Джанджгавы.

После того как выяснилось направление главного

удара противника, Рокоссовский отдал приказание командующему 16-й воздушной армией генералу С. И. Руденко поддержать с воздуха наземные войска всеми имеющимися силами. Удары по атакующему противнику стали наносить штурмовики и бомбардировщики. Здесь впервые и были применены те ПТАБ, о которых так заботился Верховный Главнокомандующий. В бомбоотсеки самолета Ил-2 загружались 144 такие бомбы. При бомбометании по танкам эскадрилья штурмовиков создавала сплошную зону поражения площадью 150×150 метров; первые же результаты применения ПТАБ показали их высокую эффективность: они буквально насквозь прожигали фашистские танки.

В воздухе непрерывно шли напряженные бои. Гитлеровская авиация только за 5 июля в полосе Центрального фронта совершила около 2300 самолето-вылетов. Бывали моменты, когда над полем сражения одновременно «висело» до 300 бомбардировщиков и не менее 100 истребителей врага.

Прикрывая наземные войска, советские летчики-истребители отражали налеты противника. 5 июля они произвели 1232 боевых вылета, участвовали в 76 воздушных боях и сбили 106 вражеских самолетов. Командующий 16-й воздушной армией считал, что успех авиации в боях этого дня мог бы быть и большим, если бы радиолокационные станции «Редут» могли фиксировать появление противника на более дальнем расстоянии; они обнаруживали фашистские самолеты только тогда, когда те уже были над линией фронта. Непрерывное патрулирование истребителей в воздухе отнимало очень много сил и не всегда давало гарантию надежного прикрытия наших войск с воздуха. Кроме того, необходимость постоянно патрулировать над полем боя вынуждала уменьшить количество истребителей, которые выделялись для сопровождения бомбардировщиков и штурмовиков. С. И. Руденко отмечал также, что «зоны патрулирования не всегда выносились за линию фронта, а патрулировавшие истребители не во всех случаях эшелонировались по высотам. Вот почему наша авиация 5 июля не смогла полностью сковать воздушного противника и потеряла за день около 100 самолетов»⁴.

Четыре раза в этот день отбивали атаки врага войны 15-й и 81-й стрелковых дивизий. Генерал Пухов ввел на ольховатском направлении армейские резервы, в свою очередь, Рокоссовский усилил 13-ю армию артиллерией.

Противник стал нести все большие потери, темп его наступления снизился. Только после пятой атаки ему удалось оттеснить советские войска ко второму оборонительному рубежу. Несмотря на огромные усилия, гитлеровцы в полосе 13-й армии продвинулись не более чем на 6—8 километров и на сравнительно узком участке фронта.

А вот взгляд с другой стороны. Пауль Карелл в книге «Выжженная земля» пишет об атаке 41-м танковым корпусом позиций 13-й советской армии в первый день сражения: «...«тиграм» и «фердинандам», проноссящимся с ревом, не удается привести в состояние паники русскую пехоту. Русские пехотинцы в своих хорошо устроенных стрелковых укрытиях спокойно позволяют танкам проехать над собой и затем возобновляют бой со следующими за танками немецкими гренадерами. Так выходит, что сражение бушует там, где по мнению вырвавшихся вперед танкистов, давно одержана победа.

Танки и штурмовые орудия должны возвращаться, чтобы помочь гренадерам. И снова вперед. И снова назад. К вечеру гренадеры обессилели. Танки и штурмовые орудия — без горючего. Но и те и другие завязли в глубине советской обороны.

Батальоны и полки доносят: «Дело идет... тяжело. Идет с трудом. Бой кровавый и обильный на потери...»

И еще кое-что доносят командиры единогласно: «Русские нигде не захвачены врасплох... Совершенно очевидно, что они ждали нападения»⁵.

Это злая новость. Но тем не менее повсюду в 41-м танковом корпусе уверены: «Мы отбрасываем Ивана». П. Карелл — убежденный нацист, который и ныне с удовольствием «отбрасывал» бы «Ивана». Но и он вынужден признать, что советские воины дрались до конца.

Еще менее значительным было продвижение фашистских войск на других участках Центрального фронта. Попытка врага вбить клин между 13-й и 48-й армиями на малоархангельском направлении не привела к успеху, после ожесточенной схватки противник был отброшен в исходное положение. Более удачным для гитлеровцев был исход сражения на правом фланге 70-й армии. Здесь 132-я и 280-я стрелковые дивизии были вынуждены несколько отойти. Но к вечеру 5 июля они закрепились на новом рубеже, командование фронта

направило сюда артиллерийские резервы, остановившие вражеские танки.

Таким образом, в первый день сражения гитлеровским войскам не удалось прорвать оборону наших войск на северном фесе Курской дуги. Виновниками такой неожиданной для фашистов медлительности были советские воины. В распоряжении современных историков имеется немалое число примеров, освещающих ход сражения непосредственно на передовой, в окопах и на батареях; большинство этих примеров содержат документы архивов. Естественно, что воспроизвести их здесь сколько-нибудь полно нет возможности. Поэтому ограничимся лишь немногими из них.

Утром 5 июля 26 фашистских танков, преодолев передний край обороны, прорвались к высоте 257.3, что в 8 километрах северо-западнее Понырей. Здесь в бой с врагом вступила 4-я батарея 540-го артиллерийского полка. Первый удар принял на себя расчет третьего орудия и весь погиб. Снарядами было разбито второе орудие, но расчет первого орудия (он состоял из трех молодых колхозников Курской области — Д. П. Медведкова, М. П. Фомина, И. В. Стародубцева) и наводчик четвертого орудия москвич Г. А. Морозов все же сумели остановить врага. Бой продолжался четыре часа, советские артиллеристы отстояли высоту. Все батарейцы были награждены.

Неподалеку, на высоте 254.6, столь же героически сражался гвардии лейтенант С. И. Подгайнов, командир батареи 276-го гвардейского легкоартиллерийского полка. Он с начала боя управлял огнем батареи с наблюдательного пункта, расположенного на высоте. Танки противника прорвались к наблюдательному пункту, наша пехота стала отходить; тогда Подгайнов с небольшой группой бойцов организовал оборону. Затем, чтобы остановить танки врага, лейтенант прибегнул к крайнему средству: вызвал огонь батареи на себя. Его товарищи артиллеристы выпустили по наблюдательному пункту, где находился их командир, до 500 снарядов, а лейтенант тем временем корректировал огонь. Танки не прошли на высоту, но гитлеровские автоматчики все же окружили ее. Тогда Подгайнов организовал прорыв; маленькая группа храбрецов после ожесточенной схватки вырвалась из вражеского кольца. Отойдя на запасный командный пункт, командир батареи вновь организовал управление огнем... За героизм,

проявленный в бою, С. И. Подгайнов был удостоен звания Героя Советского Союза.

Это только два примера героического поведения наших бойцов и командиров. Пусть читатель не сетует на некоторую сухость и краткость в описании подвигов советских людей. Дело в том, что подобные примеры, в изобилии встречающиеся в книгах историков и мемуарах военачальников, позаимствованы, как правило, из архивных документов, из донесений командиров и политработников, сохранившихся с той поры. Документы эти составлялись сразу же после событий, нередко второпях, в перерыве между боями, и авторы их стремились не к красоте описания, а к точности и ясности в изложении хода событий. Правда, нередко в печати (тогда — в армейских газетах, а ныне в различных сборниках воспоминаний) встречаются красочные, беллетризованные описания боев. Они тоже почти всегда имеют документальную основу, но у участников боев да и у историков-профессионалов вызывают недоверие благодаря именно этой «красочности». В этом отношении подлинные документы времен войны предпочтительнее, хотя и они, конечно, нуждаются в проверке и корректировке.

Авторы некоторых воспоминаний, написанных, кстати, много лет спустя после войны, увлекаясь описанием прошедших боев, нередко подпадали под обаяние больших цифр потерь врагов. Если верить приводимым в этих воспоминаниях данным, каждая батарея уничтожала по 10—15 вражеских танков, «тигры» горели буквально как спички, так что если сложить все имеющиеся цифры, то окажется, что танков у гитлеровцев хватило бы не более как на 2—3 дня наступления. Бои между тем шли неделями, и во всех этих боях участвовали вражеские танки, и в большом количестве.

Такое, к сожалению, нередко встречающееся «облегченное» уничтожение врага, на наш взгляд, умаляет величие подвига советских воинов. Нет, каждый подожженный вражеский танк, каждый сбитый самолет, каждый пораженный вражеский пехотинец — итог героических усилий советских солдат, который стоил им, не забудем этого, крови и часто жизни. Именно потому, что мы чтим память наших героев, именно потому, что говорим: «Никто не забыт и ничто не забыто», не должно допускать, чтобы изображение жестокой и кровавой

схватки с врагом по временам преподносилось в легко-весном виде...

С замиранием сердца следила вся страна за битвой, разворачивавшейся на Курской дуге.

Шестого июля в «Красной звезде» появилась статья «Во имя Родины!». В ней говорилось: «Для советского, для русского человека нет ничего дороже на свете, чем Родина! Многие поколения потом своим строили ее, кровью своей обороняли от врагов. Нет нам жизни без сильной, свободной советской земли. На этой земле завоевали мы свое счастье, в ней могилы наших предков, на ней очаги наших семей, она одна — наше будущее...

Мы гордимся тем, что в наших жилах течет кровь наших славных предков, мы воздаем должное величию их духа и силе их самопожертвования, но мы знаем — мы никогда не отстанем от них; Родина-мать зовет своих сынов на оборону — сыны идут, становятся в строй, готовые погибнуть, но не уступить врагу, готовые на все во имя победы. Пока в наших жилах бьется кровь, пока стучит сердце, пока мы живем и пока душа наша полна высоких чувств — ничто не поколеблет величия нашей Родины...»

Итоги первого дня наступления могли бы навести фашистское командование на мысль о том, что оно идет не так успешно, как предполагалось. Но гитлеровские генералы не склонны были давать реальную оценку достигнутого, и в «Дневнике боевых действий верховного командования вермахта» появилась запись: «Утром 5.7 оперативная группа «Кемпф», 4-я танковая армия и 9-я армия планомерно начали операцию «Цитадель».

А как оценивало события дня командование Центрального фронта? В общем-то оснований для беспокойства у него было достаточно: войска на направлении главного удара противника хоть и немного, но отступили. Рокоссовский предполагал, и предполагал правильно, что враг не израсходовал еще свои резервы и что с утра 6 июля следует ожидать наращивания им ударов. В ночь на 6 июля он доложил об этом в Ставку Верховного Главнокомандования и просил резервов.

Ставка приказала выделить в распоряжение Центрального фронта 27-ю армию под командованием генерала Трофименко.

Сообщение это обрадовало Рокоссовского, он тотчас же направил штабных командиров для встречи армии.

За мной для фашиста земли нет.

Но рано утром последовало новое распоряжение Ставки: 27-ю армию, не задерживая, направить на Воронежский фронт в связи с угрожающей обстановкой в районе Обояни. Центральный фронт должен был рассчитывать только на свои силы.

— Имейте в виду, — предупреждал Сталин, — положение вашего соседа тяжелое, противник оттуда может нанести удар в тыл ваших войск. В этом случае на вас возлагается задача оборонять Курск с юга...

С наступлением темноты боевые действия почти прекратились, на разных участках шли лишь отдельные стычки, да разведчики вели непрерывные поиски. С утра противник намеревался возобновить атаку и прорвать оборону наших войск. Но его ждал неприятный сюрприз.

Зная направление главного удара гитлеровцев, командование Центрального фронта решило нанести контрудар силами стрелкового корпуса и двух танковых корпусов. Уже с вечера 5 июля советские войска начали выдвигаться в назначенные районы. Однако за короткую июльскую ночь танковые соединения не успели сосредоточиться на исходных позициях. Рассвет застал их в движении, и они подверглись ожесточенным атакам немецких бомбардировщиков. Командиры не ус-

пели провести тщательную рекогносцировку местности, не были своевременно проделаны проходы в минных полях.

Но в 3 часа 50 минут контрудар все же начался 10-минутным огневым налетом. В четыре часа утра вражеские позиции атаковали советские бомбардировщики. Появились фашистские истребители, и в воздухе вновь развернулись ожесточенные бои.

Дивизии 17-го гвардейского стрелкового корпуса поначалу имели успех; несмотря на упорное сопротивление немцев, им удалось продвинуться на два-три километра в глубь расположения врага. Здесь они пришли на выручку подразделениям 15-й и 81-й дивизий, которые уже вторые сутки сражались в окружении. Два батальона, семь рот, одиннадцать взводов и много отдельных небольших групп солдат во главе с командирами, будучи обойдены врагом, заняли круговую оборону, и все попытки сломить их сопротивление были тщетны. Задержав вчера продвижение врага, они теперь помогли контратакующим. Можно представить радость смельчаков, когда товарищи выручили их.

Но успех стрелковых дивизий был ограниченным, и прежде всего потому, что не получил поддержки танковых частей. Атаки советских танков в этот день были неудачны; на основании архивных данных авторы специального исследования о Курской битве сообщают, что 107-я танковая бригада, продвигавшаяся в направлении Бутырки, попала под внезапный огонь зарытых в землю «тигров», потеряла 46 машин и лишь четыре танка вернулись к пехоте. После этого командир 16-го танкового корпуса, бывший свидетелем этого неудачного боя, «во избежание потерь приказал 164-й танковой бригаде отойти в исходное положение»⁶.

Лишенные поддержки танков, стрелковые дивизии 17-го корпуса, приостановив наступление, начали окапываться. Теперь в наступление незамедлительно перешли фашисты. На ольховатское направление враг бросил до 250 танков, но решительного успеха не достиг, а только потеснил наши войска. Настал вечер 6 июля, а противник смог продвинуться в глубь нашей обороны всего на 6—10 километров. И это за два дня жесточайших боев, несмотря на большие потери в людях и технике!

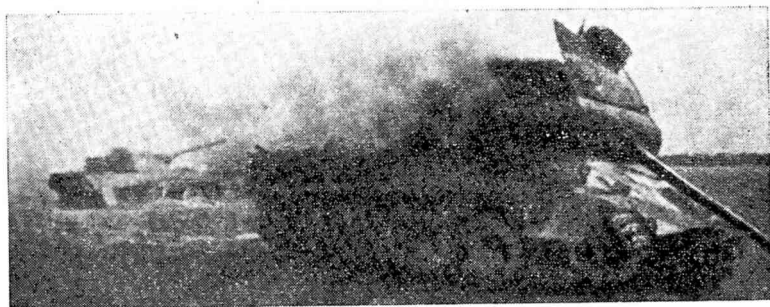
Несомненно, контрудар наших войск оказал серьезное влияние на ход боевых действий. Рокоссовский оце-

нивал его так: «Хотя предпринятый нами контрудар частями 17-го стрелкового корпуса не оправдал ожиданий, он помешал противнику продвинуться на ольховатском направлении. Это предопределило провал наступления орловской группировки немцев. Мы выиграли время для того, чтобы сосредоточить необходимые силы и средства на наиболее угрожаемом направлении»⁷.

Весь день 6 июля над полем сражения разыгрывались воздушные бои, имевшие важнейшее значение. Советская авиация была активнее и буквально вытесняла фашистские самолеты из воздушного пространства над сражением. Летчики 16-й воздушной армии в этот день совершили 1326 боевых самолето-вылетов, а фашисты — 1162, то есть в два раза меньше, чем накануне. Было сбито 113 фашистских самолетов; советская авиация потеряла 91 машину.

Фашистское командование было уверено, что все идет согласно плану, что если не завтра, то послезавтра оборона советских войск рухнет и они окажутся в окружении. Уже известный нам отдел «иностранные армии Востока» вечером 6 июля докладывал начальнику гитлеровского генерального штаба: «Попытка противника, до выяснения масштаба и целей нашей операции, сдержать немецкое наступление войсками, развернутыми на позиции, и фронтовыми резервами в основном не удалась. Он преждевременно бросил в бой оперативные резервы... Противник, по-видимому, пытается сдержать немецкое наступление на возможно большем расстоянии от Курска и с этой целью бросает в бой все наличные силы». Столь же неоправданно оптимистична запись за это число и в «Дневнике боевых действий ОКВ»⁸.

Но вот что поразительно: в тот же день, 6 июля, германское радио сообщило, что в районе Курской дуги наступление начала... Красная Армия. В сообщении утверждалось: «Советское командование непрерывно вводило в действие танковые части, однако главные позиции германской обороны на всех участках находятся прочно в наших руках и ни на одном участке фронта не введены еще в бой сколько-нибудь значительные германские танковые силы»⁹. Здесь же приводились фантастические цифры мнимых потерь советских войск и расхваливались боевые качества «тигров». Вообще-то геббельсовская пропаганда по временам была склонна к самым неожиданным вывертам, но в данном случае

Горят вражеские танки.

столь странные утверждения, несомненно, вызывались опасениями за исход операции «Цитадель».

У того, кто в последнее время проезжал в Курск по дороге из Москвы, возможно, осталась в памяти станция Поньри, неподалеку от Курска. Летом здесь изобилие яблок, знаменитого «белого налива». С давних времен раскинулось тут огромное русское село того же наименования. Вот в этом-то селе и его окрестностях и развернулась схватка, решившая исход сражения на северном фесе Курской дуги.

Обладание Поньрями представляло большие выгоды нашим войскам: опираясь на станцию, они угрожали врагу и на ольховатском и на малоархангельском направлениях. Поэтому-то противник и вознамерился захватить Поньри. Но сделать это оказалось непросто — станция и ее окрестности были основательно укреплены минными полями, проволочными заграждениями, противотанковыми надолбами. Врага ожидали здесь зарытые в землю танки и противотанковая артиллерия.

Еще 6 июля 170 вражеских танков атаковали Поньри. Трижды пытались они овладеть поньревским узлом сопротивления, сумели выйти ко второй полосе обороны на участке 307-й дивизии генерала М. А. Еншина, но дальше в этот день не продвинулись. На рассвете 7 июля фашисты обрушили на Поньри новый танковый удар, поддержанный огнем сотен орудий и налетами бомбардировщиков. Все вокруг дрожало от грохота танков и разрывов тысяч снарядов, мин, бомб. День был жарким и солнечным, но солнце то и дело скрывалось в густой, непроницаемой пелене пыли и дыма. Горели вражеские и наши танки, горели дома и железнодорожные постройки Поньрей, горела пшеница на полях, горела краска на стволах орудий, раскалившихся от беспрерывных выстрелов...

Противник полагал, что огневая система советских войск подавлена, но, как только его танки приблизились к переднему краю, их встретил прицельный огонь наших артиллеристов; саперы привели в действие минные поля. Пять раз атаковали гитлеровцы оборону 307-й дивизии и пять раз откатывались, оставляя убитых и горящие танки. В 10 часов утра два вражеских батальона при поддержке танков все-таки прорвались на северо-западную окраину Поньрей. Генерал Еншин немедленно бросил в контратаку свой резерв — два стрелковых батальона и танковую бригаду. Прорвавшийся враг был разбит и отброшен.

В 11 часов атака гитлеровцев повторилась. Противнику удалось вплотную подойти к Поньрям. И снова наши войска контратаковали...

Так прошел день 7 июля. Наступившая ночь не принесла перерыва в боях, весь следующий день гитлеровцы пытались выбить бойцов генерала Еншина из Поньрей — и тщетно. Ни губительный огонь артиллерии и бомбардировка «юнкеров», ни атаки тяжелых танков, ни временная утрата части позиций — ничто не могло поколебать боевой дух советских воинов. В воспоминаниях командира 307-й дивизии приведено много примеров героического поведения бойцов и командиров его дивизии в те дни. Возьмем лишь некоторые из них.

«Взвод лейтенанта Бернадского, отражая атаку 20 танков с десантом, подбил из ПТР и зажег бутылками с горючей смесью 4 фашистские машины, отразил атаку и уничтожил часть десанта. Истребитель танков

Ивнин, подпустив вплотную вражеские танки, сжег два из них бутылками с горючей смесью. Подносчик патронов Жук, выручая командира в рукопашном бою, уничтожил трех вражеских солдат...

Бронейщики Николай Дианов и Петр Марченко подпустили «тигр» на близкую дистанцию, зажгли его из ПТР и уничтожили экипаж... Бронейщик Валиев, окруженный фашистами, гранатами и огнем ПТР, уничтожил 6 человек и прорвался к своим...

Сержант Мурзин сбил из ПТР «Мессершмитт-109», ездовой Свиридов бронейно-зажигательной пулей из винтовки сбил самолет-разведчик, а пулеметчик сержант Гриблев из трофейного зенитного пулемета сбил «Мессершмитт-109»¹⁰.

И так далее, и так далее...

Большинство этих людей, защитников Родины, сложили свои головы в той страшной схватке, и несколько строк, а то и одна-единственная строчка, сохранившаяся в документе времен войны, — все, что осталось от них в память и назидание потомкам. С благоговением должны относиться мы к этим крупичам истории, ведь о подвигах рядовых участников сражений подробных сведений у нас не так уж и много, и подавляющее большинство тех, кто пережил войну, по скромности и непритязательности не оставили нам воспоминаний...

Одновременно с атакой на Поньри 7 июля противник пытался прорваться в центре и на левом фланге 13-й армии, но также без особого успеха. И в этот день, даже в самом лучшем случае, войска противника продвинулись на километр-два, и ни о каком прорыве обороны наших войск не могло быть и речи. Советские войска стояли как стена, но это стоило им большого напряжения. К этому времени почти все фронтовые резервы были втянуты в сражение, а командование фронта ожидало, что противник будет наращивать удар, ослабляя другие участки. Чтобы отразить натиск врага, Рокоссовский идет на риск: посылает на главное направление последний свой резерв — 9-й танковый корпус генерала С. И. Богданова, полностью укомплектованный техникой и людьми. Корпус этот прикрывал Курск с юга. «Я сознавал, — вспоминал Рокоссовский, — чем нам грозит этот маневр при неудаче. Ведь у соседа фронт дал трещины. Оттуда, с юга, всегда можно было ожидать вражеского удара. Но мы послали Ватутину свою 27-ю армию. Учитывал я и то, что позади войск

Воронежского фронта находится Резервный фронт и в критическую минуту Ставка поможет Ватутину»¹¹.

В ночь на 8 июля танковый корпус Богданова был подтянут на угрожаемый участок, а через несколько часов враг вновь перешел в наступление. Вновь одним из центров сражения стала высота 257, обороняемая частями 17-го гвардейского стрелкового корпуса. Трижды атаковали враги высоту и трижды откатывались. Введя в бой дополнительные силы, фашисты около 17 часов овладели высотой, но далее продвинуться не смогли.

Особенно напряженно шло в этот день сражение северо-западнее Ольховатки, где путь врагу заслонила 3-я истребительная бригада под командованием полковника В. Н. Рукосуева. В половине девятого утра около 300 танков и самоходных орудий навалились на боевые порядки бригады. Первым подвергся удару противотанковый опорный пункт, защищаемый 1-й батареей капитана Г. И. Игишева. Прежде чем открыть огонь, командир батареи подпустил вражеские танки на расстояние 700—800 метров; в результате сразу же удалось подбить три средних и тяжелый танк. Сообщив начальству о числе танков, атакующих батарею, капитан Игишев закончил телефонный разговор:

— Либо и эта атака будет отбита, либо все погибнем, но назад не отступим!

Воины батареи подбили 19 вражеских танков и отразили атаку, но все орудия батареи вышли из строя. Пехота противника продолжала атаковать; тогда коммунист Игишев, раненый и контуженый, собрав вокруг себя артиллеристов и автоматчиков, прикрывавших батарею, повел их на врага... В живых остались лишь два артиллериста. Георгию Ивановичу Игишеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Отпор, оказанный батареей Игишева врагу, был столь силен, что вражеские танки больше не атаковали ее, а перенесли удар на позиции 7-й батареи, которой командовал лейтенант В. И. Бурчак. И здесь советские воины стояли до последнего, уничтожая врага. Еще несколько раз в течение дня противник атаковал позиции 3-й истребительной бригады, но успеха не имел.

Вот отрывок из донесения полковника Рукосуева командиру 2-й истребительной дивизии: «1 и 7 батареи мужественно и храбро погибли, но не отступили ни на шаг. Уничтожено 40 танков. В первом батальоне ПТР 70% потерь.

Пригодились и трофеи.

2 и 3 батареи и 2 батальон ПТР приготовились к встрече противника. Связь с ними имею. Будем драться. Или выстоим, или погибнем. Автотранспорта нет. Нуждаюсь в боеприпасах всех видов. Резерв в бой ввел. Жду ваших указаний. Связь с соседом имею»¹².

«Или выстоим, или погибнем!» Это были, как мы уже убедились, не просто слова. 3-я истребительная бригада выстояла. Перед ее позициями дымились десятки некогда грозных вражеских танков, превратившихся теперь в железный лом. Придет время, и его отправят на переплавку...

Заканчивался четвертый день сражения, и, несмотря на все усилия, продвижение фашистских войск в этот день составило 0,5—1 километр на крошечном участке фронта, всего в два километра. А ведь согласно плану операции «Цитадель» к исходу четвертого ее дня гитлеровское командование намеревалось сомкнуть клещи окружения у Курска.

За четыре дня враг смог продвинуться лишь на 10—12 километров и захватил территорию всего в 100 квадратных километров. Но заплатил он за этот участок советской земли очень и очень дорого: немецко-фашистские войска потеряли более 40 тысяч убитыми и ранеными, до 500 танков и самоходных орудий. Непомер-

ной оказалась для вермахта эта цена — 400 убитых и раненых за каждый квадратный километр курской земли!

К 9 июля командование группы армий «Центр» использовало в наступлении почти все имевшиеся силы; у Моделя в резерве оставалась одна 10-я моторизованная дивизия, у Клюге — танковая и пехотная дивизии. В создавшихся условиях следовало бы подумать о целесообразности использования таких ограниченных резервов для наступления, успех которого был столь сомнителен. Тем не менее командование группы армий «Центр», рассчитывая на получение дополнительных сил, предполагало продолжать сражение. Перегруппировав свои войска, оно намеревалось организовать удар в стык 70-й и 13-й армий. Гитлер дал указание отдать в распоряжение группы армий «Центр» почти треть авиации группы армий «Юг», так как фашистская авиация понесла в сражениях над северным фасом Курской дуги очень большие потери и активность ее резко упала — до 350 самолето-вылетов 9 июля.

Но и возобновленное 10 июля наступление успеха не принесло. В этот день вновь разгорелось сражение под Поньрями. Поначалу враг имел некоторый успех, но к вечеру части 307-й дивизии, уничтожив вражеские подразделения, просочившиеся в район совершенно разрушенной станции, восстановили положение. В ночь на 11 июля дивизию, понесшую большие потери, сменили соединения 18-го стрелкового корпуса. С чувством исполненного долга перед Родиной покидали бойцы дивизии Еншина свои позиции...

В трех километрах от Поньрей, в чистом поле, стоит обелиск-памятник героям-саперам 1-й гвардейской инженерной бригады. На памятнике выбиты слова:

Здесь не было ни гор, ни скал,
Здесь не было ни рвов, ни рек,
Здесь русский человек стоял,
Советский человек...

Хотя гитлеровцам не удалось поколебать оборону войск Центрального фронта, они не способны были трезво оценить положение. Командующий 9-й армией Модель готовился нанести новый удар 12 июля, бросив последние резервы. Его начальник — фельдмаршал Клюге настроен был так же оптимистично, энергично готовясь к продолжению наступления и изыскивая к тому силы и средства.

Вечером 11 июля отдел «иностранные армии Востока» утешал свое начальство: «Общее впечатление о боевых операциях противника до сих пор не изменилось... После того как враг бросил фронтально против немецких клиньев свои группировки, сформированные на флангах, вряд ли можно ожидать удара крупных сил по немецким флангам. Опасность такой операции возникнет лишь после перенесения противником направления главного удара в другое место и после того, как будут обнаружены соответствующие переброски сил из глубины»¹³.

Как видим, никаких угрожающих «перебросок сил» фашистская разведка не отмечала, и это при том, что именно 11 июля по всей полосе Западного и Брянского фронтов наши войска провели разведку боем силами передовых батальонов, с тем чтобы на следующий день начать наступление. Командование группы армий «Центр» и 2-й танковой армии не придавало этим атакам значения, считая, что они предпринимаются для удержания немецких резервов, имевшихся на Орловском плацдарме, от переброски под Курск.

Таким образом, всего неделя потребовалась войскам Центрального фронта, чтобы окончательно остановить врага, обескровив его. Командование Центрального фронта доносило в Ставку: «Встретив противника стеной разящего металла, русской стойкостью и упорством, войска Центрального фронта измотали в непрерывных ожесточенных восьмидневных боях врага и остановили его натиск. Первый этап сражения закончился».

На южном фесе дуги

Перенесемся теперь на Воронежский фронт, который на протяжении 244 километров, от Коренева до Волчанска, оборонял южный фас Курской дуги. К началу июля в него входили (с севера на юг) 38, 40, 6-я гвардейская (бывшая 21-я), 7-я гвардейская (бывшая 64-я) армии; во втором эшелоне находились 1-я танковая, 2-я воздушная и 69-я армии, в резерве — стрелковый и два танковых корпуса. Отметим, что вторые эшелоны и резервы фронта находились в центре и на левом крыле фронта.

Войска фронта насчитывали 626 тысяч человек, более 4 тысяч орудий всех калибров, 4150 минометов,

1661 танк и САУ, 1080 самолетов. Как видим, фронт этот по силам был несколько меньше Центрального. Возглавлял его Николай Федорович Ватутин.

Родился этот выдающийся советский военачальник в декабре 1901 года в украинской семье в селе Чепухине (ныне Белгородская область). В Красной Армии — с 1920 года, участвовал в боях с бандами Махно. В послевоенный период командовал взводом, ротой, работал в штабе дивизии, был начальником штаба дивизии, начальником 1-го отдела штаба Сибирского военного округа, заместителем начальника и начальником штаба Киевского особого военного округа. В 1929 году закончил Военную академию имени М. В. Фрунзе, в 1937 году — Военную академию Генерального штаба.

В 1940 году, после прихода Г. К. Жукова в Генеральный штаб, Ватутин также работает там, сначала в должности начальника Оперативного управления Генштаба, затем — первого заместителя начальника Генштаба. В этой должности генерал-лейтенант Ватутин встретил Великую Отечественную войну.

30 июня 1941 года Ватутин, добивавшийся назначения на фронт, становится начальником штаба Северо-Западного фронта, принимает участие в обороне Новгорода, возглавляя действовавшую там оперативную группу войск. Здесь впервые боевой путь Ватутина перекрестился с путем гитлеровского генерала Эриха фон Манштейна: в результате организованного Ватутиным контрудара 56-й танковый корпус Манштейна понес тяжелые потери.

С 15 мая 1942 года Ватутин снова в Генеральном штабе; А. М. Василевский, только что заменивший заболевшего Б. М. Шапошникова, сделал Ватутина своим заместителем, так как очень ценил его деловые качества штабиста. Но на этом высоком посту Ватутин задержался недолго: он стремился на фронт, в войска. А. М. Василевский в воспоминаниях рассказывает о том, как в начале июля в Ставке решался вопрос о назначении новых командующих фронтами:

«Вопрос о назначении командующих был предрешен на совещании в Ставке. Я и Н. Ф. Ватутин называли возможных кандидатов, а И. В. Сталин комментировал. На должность командующего Брянским фронтом подобрали быстро: К. К. Рокоссовский был достойным кандидатом, он хорошо зарекомендовал себя как командующий армиями. Сложнее оказалось с кандидатурой

Командующий Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутин.

на командующего Воронежским фронтом. Назвали несколько военачальников, но Сталин отводил их. Вдруг встает Николай Федорович и говорит:

— Товарищ Сталин! Назначьте меня командующим Воронежским фронтом.

— Вас? — И Сталин удивленно поднял брови.

Я поддержал Ватутина, хотя было очень жаль отпускать его из Генерального штаба.

И. В. Сталин немного помолчал, посмотрел на меня и ответил:

— Ладно. Если товарищ Василевский согласен с вами, я не возражаю»¹.

14 июля 1942 года Ватутин был назначен командующим войсками Воронежского фронта и успешно руководил оборонительной операцией против превосходящих сил противника, наступавших на этом направлении. В конце октября Ватутина назначают командующим вновь образованным Юго-Западным фронтом, тем самым, войска которого 23 ноября совместно с войсками Сталинградского фронта завершат окружение группировки Паулюса. В марте 1943 года Н. Ф. Ватутин вновь становится командующим Воронежским фронтом, воины которого остановили наступление фашистской группы армий «Юг». Это было второе столкновение Ватутина с Манштейном, командующим этой группой. Теперь назревало третье.

«Работать с Николаем Федоровичем было приятно и полезно, — писал его подчиненный, генерал С. П. Иванов, начальник штаба Воронежского, а затем 1-го Украинского фронта. — Он обладал большим оперативным кругозором и являлся умелым организатором. Отличаясь высокой штабной культурой, справедливой требовательностью, Николай Федорович по достоинству оценивал не только исполнительность подчиненных, но и

их инициативность. Он всегда внимательно выслушивал предложения офицеров штаба, и все ценное и полезное находило у него необходимую поддержку»².

Войскам Воронежского фронта противостояла мощная группировка врага: пять пехотных дивизий 2-й армии группы армий «Центр», 4-я танковая армия и основные силы оперативной группы «Кемпф» (по имени ее командующего) группы армий «Юг», насчитывавшие 24 дивизии (15 пехотных, 8 танковых и 1 моторизованная), 2 отдельных батальона тяжелых танков, дивизион штурмовых орудий. Всего в группировке врага имелось 440 тысяч человек, 4 тысячи орудий и минометов и до полутора тысяч танков и штурмовых орудий.

Легко подсчитать, что и Воронежский фронт превосходил противника: в людях — в 1,4 раза, в артиллерии — вдвое, в танках и САУ — в 1,1 раза. Однако на направлении главного удара гитлеровцам удалось достичь временного превосходства в силах и средствах.

Необходимо иметь в виду, что командующий Воронежским фронтом готовился встретить противника на двух вероятных направлениях и потому развернул свои главные силы на более широкой по сравнению с Центральным фронтом полосе. Имелась разница и в боевых порядках соединений: в тактической зоне обороны на Центральном фронте по сравнению с Воронежским они были более плотные.

Предполагая, что противник начнет наступление, вероятнее всего, из района западнее Белгорода на Обоянь или от Белгорода на Корочу, командующий Воронежским фронтом большую часть своих сил сосредоточил в центре и на левом крыле фронта, на достаточно протяженном участке — 164 километра. Здесь находилось 83 процента всех стрелковых дивизий, до 90 процентов танков и САУ и более 86 процентов артиллерии. Военные историки отмечали впоследствии, что силы и средства между армиями разделялись на этом участке почти равномерно, что имело отрицательные последствия для хода оборонительной операции на Воронежском фронте.

Ждали фашистского наступления здесь столь же напряженно, как и на Центральном фронте. Выше уже сообщалось, что генерал армии Ватутин предлагал Ставке упредить противника и атаковать первыми. Ныне очевидно, насколько такое решение было бы опромет-

чивым: попытка атаковать изготовившуюся к наступлению мощную группировку врага могла иметь самые неблагоприятные последствия, подобные тем, которые имели место в мае 1942 года в этом же районе — под Харьковом. Несомненно, Ставка проявила на этот раз разумную осмотрительность.

Пока же на Воронежском фронте шла подготовка к отражению вражеской атаки. Ватутин почти каждый день выезжал в ту или иную армию, вместе с их командующими добирался до передовой, изучал местность, особенно на вероятных направлениях наступления гитлеровцев. Командующий фронтом не стеснялся вникать в то, на какую цель направлено каждое орудие, предназначается ли оно для стрельбы прямой наводкой или стоит на закрытой позиции. Вместе с командирами полков и дивизий генерал армии подсчитывал плотность ружейно-пулеметного огня, осматривал маскировку позиций как с воздуха, так и с земли, интересовался инженерным оборудованием позиций, в особенности созданием непреодолимой танковой обороны.

Партийно-политическая работа в войсках фронта направлялась на выполнение именно этой задачи. Газеты и листовки внушали бойцам и командирам: «Немец без танка что волк без зубов», «Танк смелому и умелому воину не страшен», «Где смелый стоит с броневой ружьем, там танки врага полыхают огнем». Массовыми тиражами издавались листовки, содержащие советы, как бить танки врага. Командиры с помощью политических органов организовывали обкатку пехоты танками в окопах и траншеях. На показательных учениях артиллеристы и броневойщики расстреливали трофейные танки врага.

27 июня 1943 года Военный совет Воронежского фронта вынес постановление об улучшении работы фронтовой газеты «За честь Родины». Ватутин постоянно интересовался работой газеты, вызывал к себе ее редактора, нацеливая его на решение главных вопросов.

В специальном обращении к коммунистам Военный совет и политуправление фронта призывали их быть на самых ответственных и опасных участках боя, воодушевлять своими примерами бойцов. «Народ, партия большевиков благословили тебя на ратное дело. Будь храбрейшим среди храбрых. Умело, стойко, зло бей врага. Победа сама не придет, ее надо вырвать, завоевать. Вступая в смертельный бой с врагом, всегда помни, что ты вожак

масс, что ты сын Коммунистической партии»³, — говорилось в обращении.

Готовясь к тяжелым боям, бойцы и командиры обращали свои взоры к родной Коммунистической партии: в ее ряды только на Воронежском фронте и только за июнь 1943 года вступило более 9 тысяч человек.

Ватутин вновь и вновь предупреждал командиров о необходимости готовиться в первую очередь к отражению танковой атаки, ведь Манштейн недаром числился в вермахте одним из крупнейших специалистов по этой части.

— Мне дважды пришлось с ним встречаться, — рассказывал Ватутин командующему 40-й армией К. С. Москаленко, — и оба раза он действовал по шаблону: танковый таран. Неужели он рассчитывает на успех этого приема и нынче? Кто знает, может, придумает и еще что-нибудь, сил у него сейчас немало...

Соперник Ватутина действительно был серьезный. Эрих фон Манштейн родился в 1887 году; происходил он из старой прусской офицерской семьи и с детства впитал в себя дух прусской военщины; участвовал в первой мировой войне. В гитлеровской армии быстро шел в гору. В 1940 году получил рыцарский крест за кампанию во Франции. В начале войны с СССР командовал 56-м танковым корпусом в составе группы армий «Север», затем в Крыму 11-й армией. После взятия Севастополя был произведен в фельдмаршалы. В декабре 1942 года в качестве командующего группой армий «Дон» руководил неудачной попыткой деблокировать окруженную под Сталинградом группировку Паулюса.

Впоследствии в своих мемуарах Манштейн будет похвалиться своим воинским талантом, стремясь всячески принизить противника. Но битым-то оказался Манштейн!

После получения из Ставки предупреждения от 2 июля на Воронежском фронте усилили наблюдение и разведку, выставили дополнительные секреты. День 3 июля прошел спокойно, а в ночь на 4 июля стало известно от перебежчика, задержанного в полосе 6-й гвардейской армии, что немецким солдатам роздан сухой паек, а саперы обезвреживают свои минные поля, снимают проволочные заграждения; это означало — предстоит атака врага.

В 12 часов дня 4 июля Ватутин собрал в штабе фронта командармов.

— Все имеющиеся сведения, — сказал он, — убеждают меня в том, что в ближайшие часы, самое позднее — завтра утром, противник перейдет в наступление.

Считаю, что атакует он из района севернее и северо-западнее Белгорода, но возможно и иное решение. Поэтому приказываю держать войска в полной боевой готовности...

Едва командармы добрались до своих штабов, как последовали известия, подтверждавшие мнение командующего; в 16 часов 75 бомбардировщиков врага появились над опорными пунктами боевого охранения 6-й гвардейской армии генерала И. М. Чистякова. В течение 10 минут на фронте в один километр было сброшено до двух с половиной тысяч авиабомб. В 16.10 под прикрытием сильного артиллерийского и минометного огня вражеские танки и пехота в трех местах атаковали наше боевое охранение. Так началось сражение на южном фланге Курской дуги.

Несмотря на значительные силы, употребленные для атаки, фашистским войскам лишь в одном месте удалось сбить наше боевое охранение и выйти к переднему краю главной полосы обороны. В районе расположения 7-й гвардейской армии генерала М. С. Шумилова противник вел разведку мелкими группами и пытался в ряде мест переправиться на восточный берег Северского Донца.

Теперь все было ясно; посоветовавшись с А. М. Василевским, командующий фронтом отдал приказ командармам начать артиллерийскую контрподготовку. Она была проведена по плану и, по мнению командующих армиями, имела успех. Артиллерия 6-й и 7-й гвардейских армий истратила до половины боекомплекта.

Наступила тишина, и в штабах армий с тревогой прислушивались к ней: что, если контрподготовка напрасна и враг даже не думает наступать? Вот отрывок из воспоминаний И. М. Чистякова — командующего 6-й гвардейской армией: «Мучительно тянется время. Уже 5 часов 50 минут, а противник не наступает. Волнуемся. Звонит ВЧ. Слышу знакомый спокойный голос командующего:

— Иван Михайлович, почему противник не наступает на вашем участке? Скоро шесть, а, по данным вашей разведки, он должен в пять...

Я молчу. Слов нет.

Николай Федорович продолжает:

— Не высыпали ли мы по пустому месту несколько вагонов боеприпасов? Тогда попадем мы с вами в историю военного искусства в качестве примера, как не надо проводить контрподготовку.

Убил он меня!

Но в эту минуту я уловил отдаленный гул моторов и с облегчением закричал в трубку:

— Товарищ командующий, я слышу гул моторов! Танки! Вот и артиллерия заговорила!»⁴

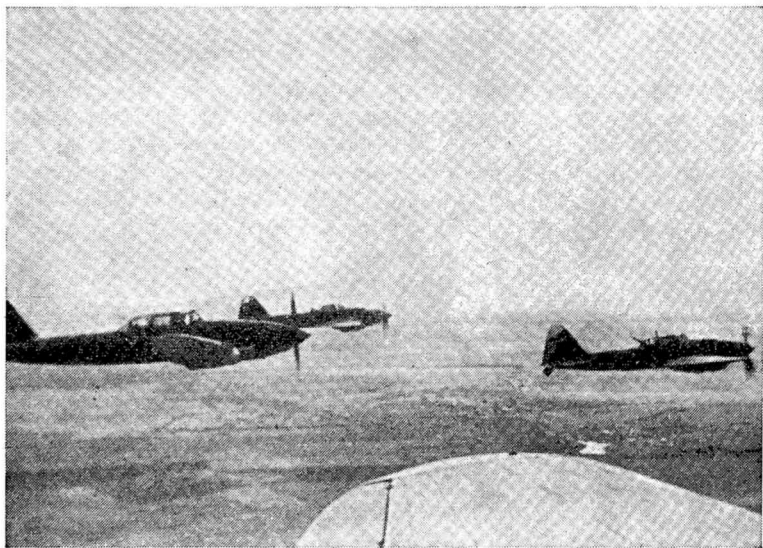
Ровно в шесть часов противник нанес главный удар на участке 6-й гвардейской армии в общем направлении на Обоянь. Вспомогательный удар последовал в полосе 7-й гвардейской армии. Здесь враг рвался к Короче. В первый же день Манштейн ввел в сражение огромные силы — пять пехотных, восемь танковых и одну моторизованную дивизию. Лавина бронированных машин, извергающих огонь и смерть, навалилась на оборонительные порядки наших войск.

Встретили этих «гостей» и здесь достойно: артиллеристы били по танкам прямой наводкой, пэтээровцы поражали вражеские машины, подпуская их как можно ближе, пехотинцы забрасывали танки гранатами...

В бой с врагом над Обоянью вступила 2-я воздушная армия; на корочанском направлении действия наших войск поддерживала 17-я воздушная армия. Накал боев в воздухе был не меньшим, чем на земле: над районом сражения размерами 20×60 километров с обеих сторон действовало более 2 тысяч самолетов; нередко в воздушных боях одновременно участвовало по 100, 150 и более самолетов!

Гитлеровская авиация была очень активна; в течение 5 июля только на обоянском направлении было зарегистрировано 3160 самолето-вылетов. Наша авиация совершила их меньше — только 1891. В первые часы боя наши истребители действовали группами, по 6—8 машин. У современников, знавших, сколько истребителей сосредоточено на наших аэродромах, возникала мысль: вот бы поднять их всех сразу в воздух и очистить поле боя от вражеских самолетов. Но то была ошибочная мысль.

Да, наши истребители действовали небольшими группами, но зато они находились в воздухе непрерывно и, сменяя друг друга, били врага везде, где встречались с ним. Поднять все истребители в воздух в первые же часы сражения было бы ошибкой потому, что немцы, аэро-

Битва разворачивалась не только на земле...

дромы которых находились поблизости от фронта, также стремились действовать непрерывно. Поэтому советское авиационное командование, сообразуясь с обстановкой, поначалу экономило силы, все время сохраняя резерв. Сражение только начиналось, и, бережно расходуя силы, сдерживая натиск противника, перемалывая его лучшие эскадрильи, советские летчики рассчитывали в решающий, критический момент овладеть господством в воздухе, что и произошло спустя примерно неделю, когда натиск врага был отражен и пришла пора наступать нашим войскам.

И на южном фланге Курской дуги враг встретил упорное сопротивление советских воинов. Они стояли насмерть, сражались до последней возможности, гибли, но не давали врагу прорваться. Результатом героического сопротивления советских бойцов был срыв планов фашистского командования. Хотя гитлеровцы ценой немалых потерь и вклинились в нашу оборону, она не была ими прорвана.

Однако обстановка в полосе фронта продолжала осложняться, так как противник наращивал удары и ему следовало противопоставить новые силы. У Ватутина та-

кие силы имелись, и он не замедлил ввести их в дело, как только к исходу 5 июля стали вполне очевидными направления ударов фашистских войск. Во второй половине дня 5 июля Ватутин отдал распоряжение войскам упорной обороной продолжать изматывать наступающего противника и не допускать расширения прорыва в сторону флангов. 1-я танковая армия должна была занять вторую полосу обороны 6-й гвардейской армии. 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса с рассветом 6 июля должны были изготовиться для контрудара в направлении Белгорода. Чтобы воспрепятствовать продвижению противника в северо-восточном направлении, из второго эшелона фронта выдвигались 69-я армия и 35-й гвардейский стрелковый корпус. Ватутин усилил и оборону 40-й армии, чтобы не допустить прорыва врага в северо-западном направлении.

Как видим, командование Воронежского фронта имело солидные резервы; его главной ударной силой, несомненно, была 1-я танковая армия генерал-лейтенанта М. Е. Катукова.

Михаил Ефимович Катуков был отнюдь не новичком в столкновениях с фашистскими танками. Это под его руководством 4-я танковая бригада в начале октября 1941 года нанесла танкам Гудериана тяжелейшие потери в боях под Мценском, после чего, по признанию самого Гудериана, «исчезли перспективы на быстрый и непрерывный успех» в боях под Москвой. Это танкисты Катукова вместе с панфиловцами стояли насмерть на Волоколамском шоссе. И это им, героям 4-й танковой бригады, был посвящен специальный приказ Верховного Главнокомандующего от 11 ноября 1941 года, в котором действия бригады ставились в пример всем частям Красной Армии, а сама она получала наименование 1-й гвардейской танковой бригады.

Танкисты 1-й армии долго находились во втором эшелоне Воронежского фронта и успели устроиться с некоторым комфортом. В густых рощах вокруг поселка Ивня были построены просторные блиндажи, дорожки посыпаны песком, устроены клумбы с цветами. Танки закопаны в землю и замаскированы. Катукова корреспондент «Комсомольской правды» Ю. Жуков нашел на краю оврага. Генерал, перед которым на сочной траве лежали огромные букеты цветов, сидел на земле, окруженный толпой деревенских ребятишек, восторженно взиравших на ордена генерала-танкиста. Разговор был

очень серьезным: Катукоев убеждал своих слушателей, что у ребят, которые не моют ноги, вырастают перья на лодыжках.

В беседе с корреспондентом Катукоев хвалил рыбалку в тех местах, свежий воздух. Жуков спросил: «— Но ведь должна же, черт возьми, когда-нибудь возобновиться большая война! Неужели вашим молодцам придется прожить все лето в этих дачных поселках?»

— Поживем — увидим, — сказал генерал. — А впрочем, надо полагать, воевать все же начнем.

— Когда? — сорвалось у меня.

— Может быть, завтра, — спокойно ответил генерал...»⁵

Разговор этот состоялся 4 июля, а в 16.00 следующего дня генерал Ватутин приказал штабу 1-й танковой армии: «К 24 часам 5 июля 6-й танковый и 3-й механизированный корпуса выдвинуть на второй оборонительный рубеж 6-й гвардейской армии и прочно занять оборону на рубеже Меловое, Раково, Шепелевка, Алексеевка, Яковлево, 31-й танковый корпус расположить в обороне на месте 3-го механизированного корпуса...

— задача: ни при каких обстоятельствах не допустить прорыва противника на Обоянь. Быть в готовности с рассветом 6 июля перейти в контрнаступление в общем направлении на Томаровку;

— танки в обороне закопать и тщательно замаскировать, от войск потребовать максимального напряжения для выполнения поставленной задачи»⁶.

Немедленно по получении приказа 1-я танковая армия была приведена в действие. Как только стало смеркаться, танки, автомашины и орудия вывели из укрытий и составили в походные колонны. Преодолев расстояние в 35 километров, к 23—24 часам части вышли в назначенный район. К этому времени танки врага сумели отеснить стрелковые дивизии 6-й гвардейской армии к третьей оборонительной позиции, а в районе деревни Яковлево подошли ко второй полосе обороны.

Зарево пожаров и грохот артиллерийской канонады сопровождали соединения танковой армии, занимавшие свои боевые позиции. Июльские ночи коротки, но рубеж обороны был заранее подготовлен в инженерном отношении, и утром армия изготавилась к отражению удара; все танки, орудия, минометы и автомашины были поставлены в окопы и тщательно замаскированы. Каждое соединение, часть, подразделение знало свою задачу, ко-

В засаде.

мандиры и штабы проверили надежность управления и связи. 1-я танковая готовилась встретить врага.

С утра 6 июля гитлеровские войска, подтянув вторые эшелоны, возобновили наступление. Противник, прорвав главную полосу обороны, предполагал, что теперь на пути к Курску не встретит серьезного сопротивления, и потому его дивизии двигались в предбоевых порядках: сначала танки, затем пехота на бронетранспортерах и машинах. Но тут они наткнулись на танкистов Катюкова.

«Развернулось грандиозное сражение, — сообщают авторы книги о боевом пути 1-й танковой армии. — В течение нескольких часов сотни танков превратились в металлический лом. Земля стонала от разрывов снарядов, авиационных бомб и грохота танков. В небе непрерывно находились сотни самолетов, шли ожесточенные воздушные бои. От черных туч пыли, поднятой танками, взрывами артиллерийских снарядов, авиационных бомб, и копоти горевших машин земля и небо стали серыми и мрачными. Исчезла линия горизонта, скрылось солнце, его раскаленный диск еле пробивался сквозь мглу»⁷.

Фашисты не выдержали; замедлив свой бег, танки стали разворачиваться, пехотинцы в серо-зеленых мундирах сначала залегли, потом, попятившись, начали отступать. Атака врага захлебнулась.

А над полем сражения в этот день продолжались воздушные схватки. Вот описание одной из них: «Наша главная задача — уничтожить бомбардировщики. Пытаюсь атаковать «юнкерс», зайти к нему в хвост. Он маневрирует. Уходит из прицела. Даже не успеваю открыть огонь: то ведомого, то меня атакуют «мессеры»... Под огнем противника снова веду самолет в атаку. Захожу «юнкерсу» в хвост. Сближаюсь. Ловлю в прицел.

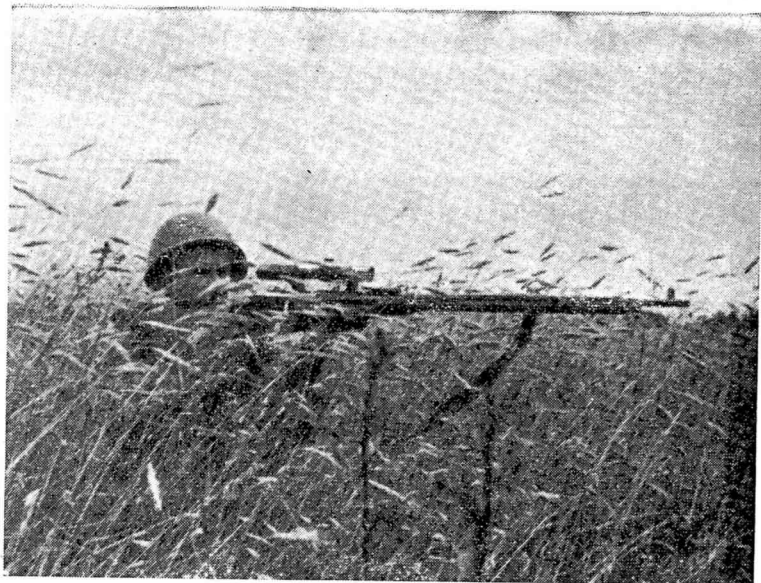
По-моему, дистанция подходящая. Нажимаю на гашетки. Пушки заработали. А «юнкерс» не падает. Снова стреляю. Немецкий бомбардировщик начал маневрировать.

Забываю обо всем, что творится вокруг. Вижу лишь «юнкерс» и продолжаю стрелять... Почти вплотную сближаюсь с противником. «Юнкерс» по-прежнему маневрирует. Нет, теперь не уйдешь! Еще длинная очередь. Самолет вспыхнул и упал...»⁸

Так трижды Герой Советского Союза Иван Кожедуб описывает свою первую победу над врагом. На следующий день младший лейтенант Кожедуб сбил второй бомбардировщик врага, 8 июля уничтожил два истребителя Ме-109. 17 апреля 1945 года над окраиной Берлина подполковник Иван Кожедуб сбил шестьдесят первый и шестьдесят второй — последний за войну — вражеский самолет...

Всего 6 июля 1943 года соединения 2-й воздушной армии совершили 892 самолето-вылета, провели 64 воздушных боя и сбили около 100 самолетов противника. Активность авиации врага на второй день сражения упала: было зарегистрировано лишь 899 самолето-вылетов. Это означало, что советская авиация начинает получать превосходство!

Терпя неудачу, гитлеровцы с упорством маньяков продолжали атаковать, но, получив мощный отпор, вынуждены были отходить восвояси. На участке Луканино — Сырцево — высота 247.2 противник бросил в бой до 250 танков, сопровождаемых пехотой. 1-я механизированная бригада полковника Ф. П. Липатенкова в течение дня восемь раз была атакована танками численностью до 100 машин, но позиций не оставила. 3-я мех-

На прицеле свастика.

бригада полковника А. Х. Бабаджяна стояла насмерть у высоты 247.2.

«Трижды отдельные группы танков врага прорывались через боевые порядки мотострелковых батальонов, — вспоминал А. Х. Бабаджян, — но стрелки не дрогнули. Находясь в хорошо оборудованных окопах, они пулеметным и автоматным огнем отсекали пехоту от танков, а прорвавшиеся машины противника уничтожали гранатами и бутылками с горючей смесью. Большие потери гитлеровские части понесли после контратак танковых полков механизированных бригад, а также от огня противотанковой артиллерии и противотанковых ружей»⁹.

Встретив такой отпор, фашистские 11-я танковая дивизия и моторизованная дивизия «Великая Германия» откатились назад.

Наиболее мощный натиск враг оказывал на прямом направлении к Обояни — на участке Яковлево — Погореловка. Здесь войска 1-й гвардейской танковой бригады и 51-й гвардейской стрелковой дивизии весь день отражали атаки вражеских танков, действовавших группами

от 40 до 120 машин. Не сумев овладеть яковлевским узлом сопрогивления с юга, во второй половине дня фашисты перенесли удар в северо-восточном направлении и на стыке 1-й танковой армии и 5-го гвардейского танкового корпуса после ожесточенного сражения достигли некоторого продвижения.

Одновременно с боями в полосе 6-й гвардейской армии шло сражение и на участке 7-й гвардейской армии. Здесь, защищая село Крутой Лог, отличился 3-й стрелковый батальон 214-го полка 73-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием капитана А. А. Бельгина.

Батальону выпало защищать важное танкоопасное направление. Бой, как всегда, гитлеровцы начали с мощной авиационной и артиллерийской подготовки. Затем на позиции батальона ринулось до 70 танков, и среди них «тигры», сопровождаемые примерно полком пехоты. Стрелки, как и положено, пропустили танки и обрушили убийственный огонь по вражеской пехоте. По танкам открыли огонь артиллерия и пэтээровцы. Капитан Бельгин, получив ранение, сумел подбить танк, но погиб сам. Его заменил командир роты капитан И. В. Ильясов. Под его руководством гвардейцы отбили одиннадцать атак. За время боя, продолжавшегося 16 часов, гвардейцы подбили 14 вражеских танков и уничтожили около 600 врагов. Из 450 бойцов и командиров батальона в строю после боя осталось только 150 человек. Весь состав батальона был награжден орденами и медалями, а капитаны Бельгин, Ильясов и сержант С. П. Зорин удостоены звания Героя Советского Союза.

Нелегко приходилось нашим бойцам, несли потери пехотинцы, артиллеристы, танкисты. В воспоминаниях М. Е. Катукова имеется такой эпизод, связанный с подполковником А. Ф. Бурдой, командиром 49-й танковой бригады. «Бурда переступил порог избы, еле держась на ногах. Небритое лицо его было черным от копоти и усталости. Гимнастерка в пятнах пота. Сапоги в пыли. Таким мы его еще не видели. Он было поднес руку к шлему. Но я шагнул ему навстречу, обнял и усадил на скамейку:

— Ну рассказывай по порядку.

Он облизнул пересохшие губы, попросил разрешения закурить. Глубоко затянувшись, начал:

— Товарищ командующий, потери...

— Без потерь на войне...

— Нет, таких не было...

И Бурда стал рассказывать. На их участке противник атаковал непрерывно. По пятьдесят-сто танков шли. Впереди «тигры», «пантеры».

— А с ними трудно, товарищ командующий. Бьешь по ним, а снаряды рикошетом отлетают.

— Ну и каковы результаты боя?

— Потери... Ужасные потери, товарищ командующий... Процентом шестьдесят бригады.

Можно было понять состояние Бурды. Незадолго до начала боев он принял бригаду. Это был его первый бой как комбрига»¹⁰.

Надо объяснить, что Александр Федорович Бурда — личность воистину легендарная среди советских танкистов. Родившийся в семье донецкого шахтера, старший лейтенант Бурда начал свой боевой путь в июле 1941 года в Западной Украине; уже тогда, в невероятно тяжелые для нашей Родины дни, он обнаружил и хладнокровие, и храбрость, и умение. Вместе с 1-й гвардейской танковой бригадой он сражался и под Мценском, и под Волоколамском. И если на этого закаленного ветерана сражение под Курском произвело такое впечатление, то, значит, было оно действительно незаурядным по своему размаху и ожесточенности. Однако советские люди выстояли в огне Курской битвы, и среди них А. Ф. Бурда*.

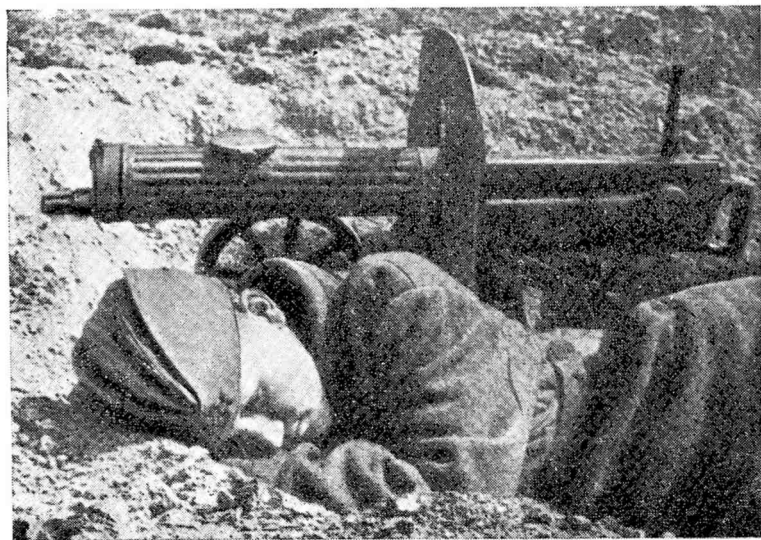
Двухдневное сражение на обоянском и корочанском направлениях не дало гитлеровцам решающего успеха. Уже давно согласно плану «Цитадель» полагалось бы фашистским танкам прорвать оборону наших войск и вырваться на оперативный простор, к Обояни. Лишь на участке Яковлево — Лучки танковый корпус СС смог вклиниться во вторую оборонительную полосу. Продвинувшись за два дня боев на 10—18 километров, противник нигде не достиг свободы маневра.

К тому же продвижение свое враг оплачивал такими потерями и шло оно с таким трудом, что в дело были употреблены все силы ударной фашистской группировки. У Ватутина же не были введены в бой три дивизии 69-й армии и 35-й гвардейский стрелковый корпус. Одна-

* Герой Советского Союза А. Ф. Бурда погиб в бою в январе 1944 года во время Корсунь-Шевченковской операции.

«Соловьи, не тревожьте солдат».

ко и наши войска, оборонявшиеся в первом эшелоне, имели весьма значительные потери.

Предвидя, что противник введет в бой свежие силы, вечером 6 июля Ватутин просил Верховного Главнокомандующего усилить Воронежский фронт. Доклад Ватутина дополнял Василевский, находившийся на Воронежском фронте: «Со своей стороны считаю целесообразным для дальнейших активных действий усилить фронт двумя танковыми корпусами с подачей одного из них в район Прохоровки (30 км ю.-в. Обояни) и другого в район Короча... Кроме того, считал бы целесообразным Ротмистрова выдвинуть к р. Оскол, в район южнее Стар. Оскол».

Верховный Главнокомандующий в этот же день приказал удовлетворить просьбы Воронежского фронта, ему придавались два танковых корпуса. Одновременно Ставка приказала выдвинуть на западный берег реки Оскол 5-ю гвардейскую танковую армию из состава Степного фронта. Но об этом подробнее будет рассказано ниже.

С наступлением темноты сражение затихло; ночную мглу озаряли лишь ракеты да догоравшие танки. Войска Воронежского фронта готовились к отражению нового удара: вели разведку, укрепляли оборонительные позиции, получали уточненные задачи, ремонтировали танки, хоронили павших в бою и эвакуировали раненых. В полках и батальонах накоротке состоялись партийные и комсомольские собрания, лучших воинов принимали в партию. Из тыла подвозили боеприпасы, горючее и продовольствие. Но передышка была короткой: едва забрезжила заря, в три часа утра, враг вновь начал атаковать.

Ю. Жуков в тот день, 7 июля, сообщал в редакцию «Комсомольской правды»: «Сегодня мы провели целый день на выжженном, перепаханном бомбами и снарядами клочке земли в пяти километрах от переднего края — той узкой полоски, которой было суждено принять на себя полную меру страшного немецкого бешенства. Отсюда... виден почти весь участок фронта, на котором немцы наносят вот уже третий день удары.

Все, что находилось в пределах этой черты, разрушено, исковеркано, взорвано, несколько раз перекопано взрывами. Когда участок протяжением в 20—30 километров непрерывно в течение трех суток обрабатывают тысячи самолетов, орудий и танков, он видоизменяется настолько, что трудно понять, как в таком аду может со-

храниться что-либо живое»¹¹. И в этом аду не дрогнул наш советский воин, явив образцы стойкости, выносливости, мужества и ратного мастерства.

Главный удар на обоянском направлении противник направил против 3-го механизированного и 31-го танкового корпусов армии Катукова. После неизменной артиллерийской и авиационной подготовки, когда еще не успела осесть пыль, более 700 вражеских танков ринулись на позиции советских войск. Впервые враг сосредоточивал на столь узком участке такое большое количество машин и был уверен в успехе. Но, как и прежде, на его пути встала огненная стена. По танкам противника открыли огонь артиллерия и противотанковые ружья, пехоту обстреливали пулеметы и минометы, бойцы вели огонь из автоматов и винтовок... Четыре раза вражеские танки пытались сбить наши механизированные бригады с позиций, но тщетно. Бесчисленны примеры массового героизма бойцов и командиров 1-й танковой армии. Вот только два из них.

На высоте 254,5 навечно прославил свое имя командир пулеметного взвода 1-й мехбригады старший сержант И. Т. Зинченко. Взвод под его командованием держал оборону у деревни Сырцево. Два вражеских танка, прорвавшись сквозь заградительный огонь артиллерии, двигались в сторону высоты. Когда первый из них подошел вплотную к окопу, Зинченко двумя бросками гранат подбил его. По приближавшемуся второму танку — «тигру» — почти в упор били две пушки-сорокапятки, но их снаряды не пробивали лобовой брони шестидесятитонного чудовища. Еще немного, и фашистский танк ворвется на высоту, начнет давить товарищей Зинченко — стрелков, пулеметчиков, расчет пушек. И тогда сержант с противотанковыми гранатами за поясом и двумя гранатами в руках выскочил из окопа и бросился под танк. Последовал взрыв, танк остановился и загорелся. Ивану Трофимовичу Зинченко посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Восточнее Сырцева атаку врага отражали воины 461-го артиллерийского дивизиона. Командир его — капитан В. А. Мироненко в разгар боя увидел, что разрыв вражеского снаряда вывел из строя расчет одного из орудий. Мироненко бросился к пушке и вместе с заряжающим И. И. Черкасовым в упор открыл огонь по надвигающимся вражеским танкам. Силы были неравны. Мироненко погиб, но его дивизион сражался до последней

возможности. Капитан Мироненко был также удостоен звания Героя Советского Союза.

Военный совет Воронежского фронта доносил в Ставку ВГК: «Противник силою девяти танковых и семи пехотных дивизий после мощной авиационной подготовки с утра 7.7 возобновил наступление, сосредоточивая главные свои усилия на обоянско-курском направлении. На рубеже Дмитриевка — Лучки противником было развернуто до 700 танков, против 7 гв. армии 250—300 танков... В трехдневных боях наши войска проявили исключительное упорство, стойкость и нанесли противнику большой урон в живой силе и технике. Наша пехота, как правило пропускает через свои боевые порядки танки противника, отсекает от них пехоту и наносит ей большие потери»¹².

7 июля фашистские войска лишь в районе Богородицкого вышли, продвинувшись на 12 километров, к тыловой (армейской) полосе обороны наших войск. На остальных участках бои шли за вторую полосу. 7-ю гвардейскую армию враг потеснил на 3—5 километров. Но ни в район Обояни, ни в район Корочи ему прорваться не удалось.

День 8 июля был похож на три предыдущих. Противник любой ценой рвался вперед и... не мог прорваться. Наступило 9 июля. Приведя в порядок свои дивизии, подвезя боеприпасы и горючее, фашисты с утра снова ринулись в атаку. На этот раз на участке в 10 километров фронта они развернули до 500 танков. Плотность, не виданная дотоле в сражениях: по 50 бронеединиц на километр фронта! А на наиболее важных направлениях плотность эта доходила до 100 и более машин. Действия фашистских танков с воздуха прикрывала авиация; она в этот день сделала более 1500 самолето-вылетов.

Но ни невиданная концентрация танков, ни беспреывные удары с воздуха не сломили стойкости советских воинов. В этот день враг, продвинувшись на 6—8 километров, вновь не смог прорвать оборону наших войск. Более того, потери фашистов были так велики, что они отказались от попыток прорваться к Обояни прямым ударом с юга. 9 июля фашистское командование решило изменить направления ударов, чтобы нащупать более слабые места в обороне советских войск. О том, каковы были настроения руководящих лиц фашистского командования в то время, можно судить по следующей выдержке из послевоенной статьи, написанной бывшими

Здесь враг не прошел.

фашистскими генералами и опубликованной в западно-германском «Военно-научном обозрении»: «После первых четырех дней битвы уже не могло быть сомнения в том, что план «быстрого» отсечения Курской дуги не удался. Но все-таки значительная часть русских резервов, подготовленных для наступления, казалось, понесла большой урон при нанесении ответных ударов. На соседних фронтах — под Харьковом и на Орловской дуге — пока не было никаких признаков подготовки русского наступления... Планы противника на этих участках еще не были ясны. Возможно, он ждал здесь расширения фронта немецкого наступления... Командования обеих групп армий и верховное командование все же надеялись на успешный исход «Цитадели»... Когда Гитлер убедился в продвижении группы армий «Юг» в районе Харькова, он решил удовлетворить многократные ходатайства ее командования и 9 июля разрешил ему использовать резервы. Группа армий «Центр» тоже рассчитывала на две резервные дивизии»¹³.

Вводом в бой семи свежих дивизий и изменением направления удара гитлеровские генералы рассчитывали

решить исход битвы в свою пользу. Однако факты показывают, насколько беспочвенны были эти надежды. Так как положение на Воронежском фронте продолжало оставаться напряженным, а командование фронта к 9 июля ввело в сражение все резервы, Ставка ВГК сочла необходимым приказать командующему Степным фронтом выдвинуть на курское направление 4-ю гвардейскую, 27-ю и 53-ю армии; кроме того, 5-я гвардейская и 5-гвардейская танковая армии передавались в подчинение командующего Воронежским фронтом. Таким образом, семи фашистским резервным дивизиям советское командование могло противопоставить пять армий! И это было далеко не все, резервы советского командования были отнюдь не исчерпаны, и гитлеровцам вскоре предстояло в этом убедиться.

Утром 10 июля командование группы армий «Юг» начало поворачивать на восток, в направлении на Прохоровку, свои лучшие соединения: танковые дивизии СС «Рейх», «Мертвая голова», «Адольф Гитлер» и основные силы 3-го танкового корпуса. В составе этих частей было немало «тигров» и «фердинандов». С воздуха противника по-прежнему активно поддерживала авиация.

В этот день, 10 июля, произошло событие, которого с большим беспокойством ожидало фашистское командование: англо-американские войска высадились в Сицилии. Успех пришел сразу же. «Высадка первых эшелонов нашего десанта, — писал английский фельдмаршал Монтгомери, — достигла полной тактической внезапности и повлекла за собой такое смятение и дезорганизацию противника, что он не смог оказать никакого организованного сопротивления». Итальянские солдаты сдавались в плен тысячами при первых же выстрелах; многочисленные немецкие соединения серьезного сопротивления оказать не могли.

Теперь необходимость поскорее «разделаться с русскими», чтобы перебросить силы в Италию, приобретала для фашистского командования особо важное значение. Поэтому из ставки вермахта последовал приказ Гитлера: «Операция «Цитадель» будет продолжаться». Приказ этот, зафиксированный в «Военном дневнике ОКВ», сокрушительным образом опровергает лживую послевоенную версию гитлеровских генералов и западных историков, будто бы операция «Цитадель» была прекращена Гитлером после высадки союзников в Сицилии.

Но еще более убедителен тот непреложный факт, что и 10, и 11 июля, и позднее фашистские войска наступали на прохоровском направлении, не жалея сил. Окажись хотя бы треть этих сил в Сицилии, то, думается, положение там было бы не в пользу англо-американских войск. Главные резервы гитлеровской Германии находились здесь, на Курской дуге, и именно поэтому англо-американским войскам так легко давалось продвижение в Италии.

Враг рвался вперед, но 10 июля он смог продвинуться всего лишь на полтора-два километра, чуть большим было продвижение 11 июля.

В этот день в районе совхоза «Октябрьский» несколько десятков вражеских танков навалились на позиции артиллерийского дивизиона 58-й мотострелковой бригады. Девятнадцатилетний комсорг дивизиона Михаил Борисов отчетливо видел, как на позицию батареи, в которой он служил наводчиком до своего выдвижения на комсомольскую должность, обрушился огонь врага, как отвечали батарейцы родного ему расчета. И вдруг — взрыв! У орудия никого больше не было видно...

Когда Борисов добежал до позиции батареи, в живых из расчета оставался лишь командир Федор Ежов, но ему оторвало ноги и он умирал... Злое спокойствие охватило Борисова. 76-миллиметровое орудие было исправным, и комсорг побежал за снарядом, зарядил, навел и бил, бил по врагу.

В очередной раз рванулся Борисов за снарядом, и вдруг тот сам оказался у него в руках: молоденький боец Носов, только накануне боев подавший заявление в комсомол, раненный в ногу и контуженый, очнулся и поспешил на помощь товарищу. В течение часа вновь образовавшийся расчет из двух человек сумел подбить семь вражеских танков. Враг к тому времени начал откатываться. На исходе боя осколок тяжело ранил Михаила Борисова. За этот бой он был удостоен звания Героя Советского Союза...

Несмотря на то что и 11 июля гитлеровцы не смогли овладеть Прохоровкой и прорваться к Короче, они не прекращали наступления. Им казалось, что еще усилие и фашистские танки наконец выйдут на оперативный простор. На самом же деле в наступлении врага назревал кризис, который был своевременно осознан и использован советским командованием.

Танковое сражение под Прохоровкой

В то время, когда на Курской дуге разворачивалось сражение, на востоке, довольно далеко от фронта — в районе Острогожска, — изготовилась к боям 5-я гвардейская танковая армия. Поскольку мы уже знакомы с боевыми действиями 1-й танковой армии, а 5-й гвардейской и другим танковым армиям еще предстояло внести свой вклад в Курскую битву, имеет смысл рассказать, что такое советская танковая армия.

Крупные танковые оперативные объединения появились впервые в Красной Армии: уже осенью 1932 года был организован первый в мире механизированный корпус — более 500 танков и 200 автомобилей. За ним последовали еще три корпуса.

Накануне Великой Отечественной войны в Красной Армии формировались 28 механизированных корпусов, состоявших из двух танковых и одной моторизованной дивизии каждый. Но в первый период войны по ряду причин и прежде всего из-за нехватки танков пришлось отказаться от крупных танковых объединений. Однако с марта 1942 года вновь начинается формирование танковых корпусов, а с лета того же года — и танковых армий.

Опыт применения танковых армий позволил сделать ряд важных выводов об их боевых возможностях и организационной структуре. Стрелковые дивизии, входившие в состав танковых армий в 1942 году, были исключены из их состава. В конце января 1943 года в ГКО состоялось специальное заседание, на котором было принято постановление о формировании танковых армий однородного состава. Как правило, такое объединение должно было состоять из двух танковых и одного механизированного корпусов, зенитно-артиллерийской дивизии, гвардейского минометного полка («катюш»), гаубично-артиллерийского, истребительно-противотанкового и мотоциклетного полков. В качестве частей обеспечения армия имела полк связи, авиационный полк связи (самолеты По-2), инженерный батальон, автомобильный полк и два ремонтно-восстановительных батальона. По штату в армии должно было насчитываться около 800 танков и САУ; численность же личного состава составляла от 43 до 50 тысяч человек. Как видим, это было весьма сложное хозяйство.

5-я гвардейская танковая армия была первой танко-

Спокойны и уверены перед величайшим танковым сражением командующий 5-й гвардейской танковой армией П. А. Ротмистров и командующий 5-й гвардейской армией А. С. Жадов.

вой армией однородного состава. Формирование ее началось 10 февраля 1943 года. Командовал армией генерал-лейтенант Павел Алексеевич Ротмистров.

Со второй половины марта армия, состоявшая из 18-го и 29-танковых и 5-го гвардейского механизированного корпусов, размещалась в районе Острогжска, где и готовилась к боевым действиям. День за днем в подразделениях шли занятия по боевой стрельбе, вождению и тактике, изучалась техника врага, приемы борьбы с ней. Командиры в обучении старались использовать опыт, полученный в предыдущих сражениях. Поскольку было известно о предстоящем столкновении с новыми, мощными фашистскими танками, особое внимание уделялось методам их поражения.

По указанию Генерального штаба Ротмистров вместе с командирами своего штаба, командирами корпусов и бригад несколько раз совершал оперативные поездки в районы возможных действий армии в будущем. В поездках отработывались оперативно-тактические вопросы, проводилась разведка маршрутов движения армии к фронту. Нечего и говорить, как пригодились та-

кие поездки в июле 1943 года, когда армия пошла в бой.

Шестого июля командующий армией намеревался отпраздновать свое сорокадвухлетие. Возраст для крупного военачальника не такой уж и большой, скорее напротив. Впрочем, к 1943 году на подобных постах в Красной Армии находилось немало людей примерно такого же возраста, а то и моложе: командующему 60-й армией И. Д. Черняховскому, к примеру, было всего 37 лет. Ротмистрову, естественно, хотелось отметить свою годовщину с боевыми товарищами, и 4 июля командиры корпусов, их заместители и командиры штаба получили соответствующие случаю приглашения.

Но 5 июля, в первый же день фашистского наступления, штаб армии получил распоряжение привести войска в полную боевую готовность. Ротмистров знал, что приказ на выступление он получит к концу следующего дня. Поэтому, отдав приказ о приведении войск в полную боевую готовность, он не отменил приглашения на банкет.

К 18.00 6 июля в расположение штаба армии в лесу неподалеку от Острогжска стали собираться генералы и командиры. Каково же было их удивление, когда командарм пригласил всех в большую палатку и там вместо празднично накрытого стола увидели они развернутые карты с маршрутами движения!

Ротмистров вкратце охарактеризовал обстановку на фронте, указал маршруты движения, ориентировочный срок выступления. Командирам были выданы заготовленные схемы маршрутов, отданы необходимые распоряжения. Затем командарм приказал всем немедленно выезжать в свои соединения и готовить их к маршу.

Все было оговорено, оставалось действовать, но прежде чем сказать подчиненным: «Можете идти», командарм велел подать трофейное шампанское. Когда его разлили в бокалы, он произнес тост, завершив его словами: «За Победу!»

На этом празднование дня рождения закончилось. В 23 часа был получен боевой приказ, требовавший сосредоточения армии на западном берегу реки Оскол. Насколько все в армии было готово к маршу, можно судить по тому, что уже в 23.15 передовой отряд армии во главе с заместителем Ротмистрова генералом К. Г. Труфановым начал движение, а в 1.30 7 июля в движение пришли главные силы армии. В первом эшелоне двигались

танковые корпуса, каждый по двум маршрутам; во втором эшелоне следовал механизированный корпус.

Условия марша были вполне удовлетворительными: дожди давно прошли, дороги подсохли. На полях зрел хлеб, в садах наливался знаменитый «белый налив». Жизнь, казалось, возвращалась в этот край, откуда всего полгода назад изгнали врага. С тревогой и одновременно с надеждой смотрели женщины и дети на бесконечную череду танков, орудий и машин.

Настроение у бойцов Ротмистрова было решительным, боевым. Это и немудрено: уже сам марш 5-й гвардейской танковой армии был демонстрацией мощи Красной Армии. Ныне, на третьем году войны, отступления быть не могло, и горе врагу!

Армия шла на выручку товарищам. «Шли мотоциклы, бронетранспортеры, танки, автомашины с мотопехотой, — вспоминал П. А. Ротмистров. — Все шлагбаумы были подняты. Встречное движение запрещалось. Армия двигалась непрерывно днем и ночью с короткими привалами для заправки машин. Марш танковой армии прикрывали зенитчики и истребительная авиация...

Узкие проселочные дороги превратились в широкие магистрали, ведущие на запад, к линии фронта. Серая тяжелая пыль, поднимаясь на десятки метров над колонной, садилась на тучные колосья пшеницы, на придорожные кусты. Земля и небо стали серыми, мрачными. От солнца и пыли почернели лица бойцов... От страшной жары хотелось пить. Но бойцы забывали о жажде, не замечали пыли. Нередко можно было слышать песню, которая приходит вместе с возбуждением. И это возбуждение оправданно. Они идут в бой»¹.

К утру 8 июля армия, совершив немногим более чем за сутки марш в 200—220 километров, находилась на западном берегу реки Оскол. Весь день 8 июля бойцы и командиры приводили в порядок материальную часть, а штабы знакомились с районом предстоящих боев. В час ночи 9 июля штаб армии получил приказ к исходу суток выйти в район Бобрышево, Веселый, Александровский (то есть севернее и западнее Прохоровки) и быть готовым отразить атаки врага. Преодолев расстояние более чем в сто километров, армия без задержки вышла в назначенное место.

За трое суток армия переместилась на 330—380 километров, что само по себе выдающееся достижение. Но важно отметить другое: во время марша отставшие бое-

вые машины исчислялись единицами. В 29-м танковом корпусе аварий вообще не было; испорченные машины 18-го танкового и 5-го гвардейского механизированного корпусов в течение суток были исправлены и введены в строй. Не понесла армия потерь и от авиации врага, в чем, несомненно, сказалось достигаемое в ходе битвы превосходство советской авиации над авиацией гитлеровцев. Армия после марша вступала в бой в полном составе, и это одно свидетельствовало о высоком качестве ее подготовки. Но еще более важно то, что движение армии по открытой, почти степной местности осталось не замеченным вражеской разведкой. Появление ее на фронте было полной и крайне неприятной неожиданностью для фашистского командования.

В то время, когда 9 и 10 июля фашистские танки рвались к Прохоровке, совсем неподалеку бойцы и командиры 5-й гвардейской танковой армии тщательно осматривали свои машины, устраняли неисправности. Танки были дозаправлены и находились в полной боевой готовности.

9 июля Ротмистров побывал в штабе Воронежского фронта, где Ватутин, объяснив командарму обстановку, поставил перед его армией боевую задачу. Здесь же находился представитель Ставки — А. М. Василевский, который участвовал в разработке контрудара по вражеской танковой группировке и утвердил его план.

Предполагалось, что 5-я гвардейская танковая армия с двумя приданными ей танковыми корпусами — 2-м и 2-м гвардейским — и другими частями усиления в 10 часов 12 июля нанесет удар в направлении совхоза «Комсомолец» и села Яковлево и совместно с 5-й и 6-й гвардейскими общевойсковыми и 1-й танковой армиями уничтожит вклинившуюся на обоянском направлении группировку противника, не допустив ее отхода на юг. Готовность армии к действию — 3 часа 12 июля.

Готовясь к контрудару, Ротмистров 10 июля вместе с командирами корпусов провел рекогносцировку местности. Скажем об этой местности несколько слов и мы.

Ширина полосы предстоящих действий 5-й гвардейской танковой армии составляла около 15 километров. Справа она ограничивалась рекой Псел, слева — железнодорожной насыпью. В этом районе местность пересечена большим количеством балок, оврагов и маленьких речек. Но ее общий рельеф делал возможным маневр

крупными танковыми силами. Большая часть местности безлесна, что затрудняло скрытность маневрирования и требовало хорошего прикрытия танков с воздуха. Наличие сети грунтовых и проселочных дорог давало возможность быстро передвигаться и сосредоточивать войска. Здесь располагалось немало населенных пунктов.

Район станции Прохоровка в годы войны не раз был местом боев. Зимой 1941/42 года советские войска окружили здесь до двух пехотных полков противника с танками и артиллерией. Ранней весной 1943 года у Прохоровки были отбиты атаки гитлеровцев; и вот теперь, в июле 1943 года, станции предстояло стать центром сражения, не виданного дотоле в истории.

Ротмистров решил атаковать врага сразу тремя танковыми корпусами — 18, 29 и 2-м гвардейским, насчитывавшими две трети всех имевшихся у него танков. 5-й гвардейский механизированный корпус составлял второй эшелон, а 2-й танковый корпус, понесший в предыдущих боях значительные потери, обеспечивал стык ударной группировки армий с действовавшим на левом фланге 2-м гвардейским танковым корпусом. Выходило, что каждый танковый корпус наступал в полосе 3—4 километров, таким образом удалось добиться плотности до 45 танков и САУ на километр фронта, не считая второго эшелона. Имелся в армии и резерв, которым командовал заместитель Ротмистрова генерал К. Г. Труфанов; резерв состоял из танкового, мотоциклетного, истребительно-противотанкового и гаубичного полков. Подобное оперативное построение давало возможность нанести весьма мощный удар.

В соответствии с принятым решением в 18 часов 11 июля Ротмистров поставил боевые задачи корпусам. Но, как это часто бывает на войне, противник своими действиями заставил внести в план контрудара серьезные поправки.

Около семи часов вечера на КП Ротмистрова прибыли Василевский и Ватутин. Они одобрили план действий 5-й гвардейской танковой армии и ознакомили Ротмистрова с предполагаемыми действиями других армий в предстоящем назавтра контрударе. Спустя некоторое время Василевский и Ротмистров выехали в район исходных позиций. Путь лежал через Прохоровку. По мере приближения к фронту все отчетливее нарастал гул боя. Василевский велел водителю съехать с дороги и остановиться. Маршал стал рассматривать поле в бинокль.

Справа в двух километрах стоял огромный столб дыма: это горели постройки совхоза «Комсомолец», там шел бой.

— Генерал Ротмистров! — вдруг резко спросил представитель Ставки. — Что происходит? Я же предупреждал, что противник не должен знать о прибытии ваших танков...

Ротмистров схватился за бинокль, взгляделся: со стороны совхоза, поднимая тучи пыли и подминая хлеба, с угрожающим ревом шли в боевом порядке десятки танков.

— Товарищ Маршал Советского Союза, разрешите доложить, это не мои танки, это немецкие танки!

Появление вражеских танков у Прохоровки и угроза захвата ее врагом заставили вечером 11 июля выдвинуть западнее Прохоровки две танковые бригады. Продвижение противника на восток было остановлено, но обстановка для нанесения контрудара складывалась неблагоприятно.

Артиллерия, которой в контрударе отводилась значительная роль, в результате частичного отхода наших войск днем 11 июля попала под удар противника и понесла потери; часть артиллерии была вынуждена разворачиваться не в тех районах, которые намечались планом. Использование двух танковых бригад в бою вечером 11 июля также не обошлось без потерь.

Тем не менее 5-я гвардейская танковая армия готовилась к контрудару. Наступала короткая летняя ночь. Она была на удивление спокойной, лишь вдали все время слышался приглушенный рев моторов: это танковые соединения побригадно выходили на рубежи развертывания.

Готовились к утренней атаке и фашистские танкисты. На Прохоровку нацелились танковые дивизии СС «Рейх», «Мертвая голова», «Адольф Гитлер», насчитывавшие до 500 танков, и среди них более сотни «тигров» и самоходных орудий «фердинанд». Поддерживать их должны были все военно-воздушные силы, имевшиеся у гитлеровцев против Воронежского фронта. В ночь на 12 июля для удара на Прохоровку с юга был подтянут 3-й танковый корпус вермахта.

В 5-й гвардейской танковой армии с приданными ей соединениями и частями к началу боевых действий насчитывалось около 850 танков и САУ, в том числе Т-34 —

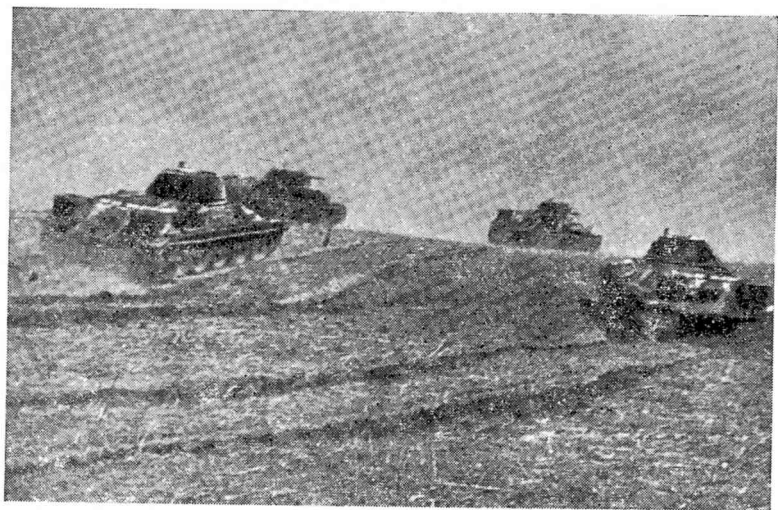
501, Т-70 — 261 машина и 31 тяжелый английский танк МК IV — «Черчилль» *. Следует обратить внимание на большое количество в армии Ротмистрова легких танков (Т-70) — почти треть от всего числа танков, что давало определенные преимущества гитлеровцам.

Кроме того, Ротмистрову не удалось бросить в сражение за Прохоровку сразу все имевшиеся силы. В четыре часа утра 12 июля на наблюдательный пункт Ротмистрова по радио поступило короткое распоряжение Ватутина. Резерв 5-й гвардейской танковой армии следовало немедленно направить к югу, в полосу действия 69-й армии, где за день до этого сложилась тяжелая обстановка и создавалась угроза левому флангу и тылу армии Ротмистрова. Через 20 минут генерал Труфанов доложил, что резерв армии приступил к выполнению боевой задачи. В 8 часов утра отряд Труфанова прибыл в указанный ему район, развернулся и при поддержке огня гаубичного артиллерийского полка двинулся навстречу танкам противника. Для прикрытия левого фланга армии пришлось выделить одну из бригад 2-го гвардейского танкового корпуса, что также, несомненно, ослабило главный удар.

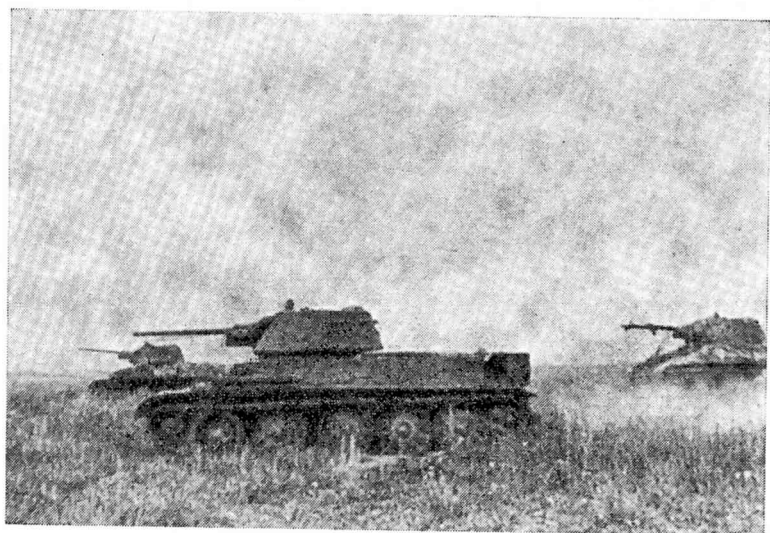
С раннего утра Ротмистров с группой командиров находился на наблюдательном пункте, расположенном на небольшой высоте к юго-западу от Прохоровки. Отсюда хорошо просматривалось поле будущего сражения. В овраге стояли мотоциклы и бронемашины связи; с корпусами и штабом армии была установлена надежная радиосвязь. Хорошо замаскированная танковая рота охраняла наблюдательный пункт. Словом, было сделано все для уверенного руководства боем.

В шесть утра командиры корпусов доложили, что бригады заняли исходное положение и готовы к бою. Армия ждала сигнала для того, чтобы нанести врагу мощный удар. Ротмистров, вполне резонно предполагая, что фашисты тоже начнут атаку с утра, для предупреждения противника решил отказаться от полной артподготовки провести только 15-минутный артиллерийский огневой

* Количество английских танков в армии Ротмистрова дает представление вообще о соотношении в Красной Армии танков отечественного производства и полученных от союзников по ленд-лизу. Кроме того, танки «Черчилль» были маломаневренны и ненадежны в бою. Они, как и другие танки союзников, не выдерживали сравнения с новыми советскими танками, и наши танкисты их не любили.

Чья броня крепче?..

налет по скоплениям фашистских войск и на полтора часа перенести начало атаки.

В 8.30 утра 12 июля контрудар начался. Примерно в это же время в атаку пошли фашистские танки. Грянул встречный бой!

Пусть читатель в погожий день выйдет в просторное колхозное поле. Будь это весна, лето или осень, почти наверняка в поле, рядом или в отдалении, трудится трактор или комбайн, и звук мотора отчетливо слышен даже на расстоянии двух-трех километров, особенно если ветерок дует с той стороны. Если же трактор или комбайн приблизится, то шум его мотора становится достаточно сильным. Пусть читатель представит, что на обычном поле длиной в пятнадцать и шириной всего в несколько километров съехались не одна-две машины, и даже не десять, а 1200! И моторы их работают не равномерно, как то полагается в повседневной мирной работе, а рывками: то взревут, то сбавят обороты, то опять взревут...

Пусть читатель представит, что эти машины не просто движутся друг другу навстречу, но и ведут, не жалея снарядов, лихорадочный артиллерийский огонь. Кроме танков, огонь ведет, и тоже из сотен стволов, противотанковая артиллерия. Бесперывно рвутся тысячи снарядов, и если они попадают в цель, то за этим нередко следует взрыв боеприпасов боевой машины, и тогда многотонные башни танков взлетают в воздух и отлетают на десятки метров!..

Пусть читатель вообразит, что спустя всего час-два все это поле будет покрыто сотнями горящих и взрывающихся машин, и дым от них, удушливый и едкий, смешавшись с пылью от взрытой гусеницами, взорванной, распятой земли, плотной пеленой застелет все вокруг и поднимется огромным столбом в небо. А там, в этом небе, сходятся в смертельных схватках десятки и сотни истребителей и бомбардировщиков, и сбитые самолеты тоже падают и взрываются все на том же поле...

Пусть читатель попытается представить себе все это, а затем вспомнит и осознает, что все это должен был выдержать и вынести на себе наш советский воин, вынести и сражаться, сражаться до конца...

На прохоровском поле развернулся

Смертный бой, не ради славы,
Ради жизни на земле!..

...Советская!

Ротмистров вспоминал: «В первые же минуты сражения, поднимая черные тучи пыли и дыма, навстречу друг другу двинулись две мощные лавины танков. Солнце помогало нам. Оно хорошо освещало контуры немецких танков и слепило глаза врагам.

Первый эшелон атаковавших танков 5-й гвардейской танковой армии на полном ходу врехался в боевые порядки немецко-фашистских войск. Сквозная танковая атака была настолько стремительна, что передние ряды наших танков пронизали весь строй, весь боевой порядок противника. Боевые порядки перемешались. Появление такого большого количества наших танков на поле сражения явилось для врага полной неожиданностью. Управление в его передовых частях и подразделениях вскоре нарушилось. Немецко-фашистские танки «тигр», лишенные в ближнем бою преимущества своего вооружения, успешно расстреливались нашими танками «Т-34» с коротких расстояний и в особенности при попадании в борт»².

В первую половину дня 12 июля верх, несомненно, одерживала 5-я гвардейская танковая армия: ее корпуса хоть и медленно, но теснили противника в западном направлении и наносили ему немалые потери. Но с середины дня положение стало меняться. По ряду причин перешедшие в наступление в полосе 1-й танковой армии 5-й гвардейский и 10-й танковые корпуса совместно с

соединениями 6-й гвардейской армии передвигались крайне медленно. Противник, разобравшись в обстановке, стал наносить контрудары. Поняв, что прорваться в район Прохоровки не удастся, гитлеровцы решили частью сил перейти на северный берег реки Псел, чтобы попытаться охватить правый фланг 5-й гвардейской танковой армии.

После того как обнаружилось это движение фашистских танков, Ротмистров во второй половине дня был вынужден бросить на правый фланг из своего второго эшелона — 5-го механизированного корпуса — танковую и механизированные бригады, которые и остановили противника. Выделение этих сил на фланг, естественно, ослабило силу главной группировки 5-й гвардейской танковой.

Одновременно противник пытался охватить и левый фланг армии Ротмистрова. Южнее Прохоровки группа генерала Труфанова (около 100 танков) вела ожесточенный бой с 6-й и 19-й танковыми дивизиями гитлеровцев, насчитывавшими до 200 танков. Противнику и здесь обходной маневр не удался.

День 12 июля кончался, солнце клонилось к закату. Поле под Прохоровкой было усеяно догоравшими танками. А в пшенице, измятой и во многих местах сгоревшей, одна за другой завязывались рукопашные схватки советских и фашистских танкистов, спасшихся из сгоревших и подбитых танков. Теперь в ход вместо пушек и пулеметов пошли автоматы, гранаты, ножи...

Самое крупное в истории встречное танковое сражение заканчивалось. Вот что доносил на следующий день из 5-й гвардейской танковой в Ставку А. М. Василевский: «Согласно Вашим личным указаниям с вечера 9.VII.43 г. непрерывно нахожусь в войсках Ротмистрова и Жадова на прохоровском и южном направлениях. До сегодняшнего дня включительно противник продолжает на фронте Жадова и Ротмистрова массовые танковые атаки и контратаки против наступающих наших танковых частей... По наблюдениям за ходом происходящих боев и по показаниям пленных, делаю вывод, что противник, несмотря на огромные потери как в людских силах, так и особенно в танках и авиации, все же не отказывается от мысли прорваться на Обоянь и далее на Курск, добываясь этого какой угодно ценой. Вчера сам лично наблюдал к юго-западу от Прохоровки танковый бой наших 18-го и 29-го корпусов с более чем двумяста-

Вражеская техника пригодилась: на переплавку.

ми танков противника в контратаке. Одновременно в сражении приняли участие сотни орудий и все имеющиеся у нас РСы. В результате все поле боя в течение часа было усеяно горящими немецкими и нашими танками.

В течение двух дней боев 29-й танковый корпус Ротмистрова потерял безвозвратными и временно вышедшими из строя 60% и 18-й корпус — до 30% тан-

ков. Потери в 5-м механизированном корпусе незначительны...»³

Да, потери 5-й гвардейской танковой армии были чувствительными. Точных цифр, видимо, быть не может, но сам Ротмистров указывал, что его армия потеряла в этот день приблизительно 300 танков. Потери гитлеровцев составили около 400 танков.

Военные историки отмечают, что контрудар войск Воронежского фронта не завершился полным разгромом вклинившейся в расположение наших войск группировки врага. Объясняется это несколькими причинами: нехваткой времени для подготовки контрудара, недостаточным инженерным и артиллерийским усилением соединений, наносивших контрудар, упорным сопротивлением врага, сохранившего еще весьма мощные силы. Кроме того, использование второго эшелона и резерва для защиты флангов 5-й гвардейской танковой армии не дало ей возможности развить первоначальный успех.

И все же в истории 12 июля 1943 года, день встречного танкового сражения под Прохоровкой, остается днем победы наших войск, днем крушения немецкого наступления на южном фланге Курской дуги. Гитлеровские генералы, как безрассудные игроки, бросили под Прохоровкой на стол все свои козыри, но игру не выиграли. Они пытались еще наступать 13—14 июля, но это уже были бои локального значения. День 12 июля стал роковым для гитлеровских войск. Инициатива с этого момента полностью перешла в руки советского командования.

Контрнаступление Красной Армии

Орловская операция

На несколько часов раньше сражения под Прохоровкой к северу от Курской дуги начались события, положившие конец всяким надеждам фашистского командования на успех «Цитадели» и ставшие важной вехой на пути вермахта к гибели: советские войска приступили к осуществлению операции «Кутузов».

План этот был разработан еще до начала Курской битвы и предполагал расчленение орловской группиров-

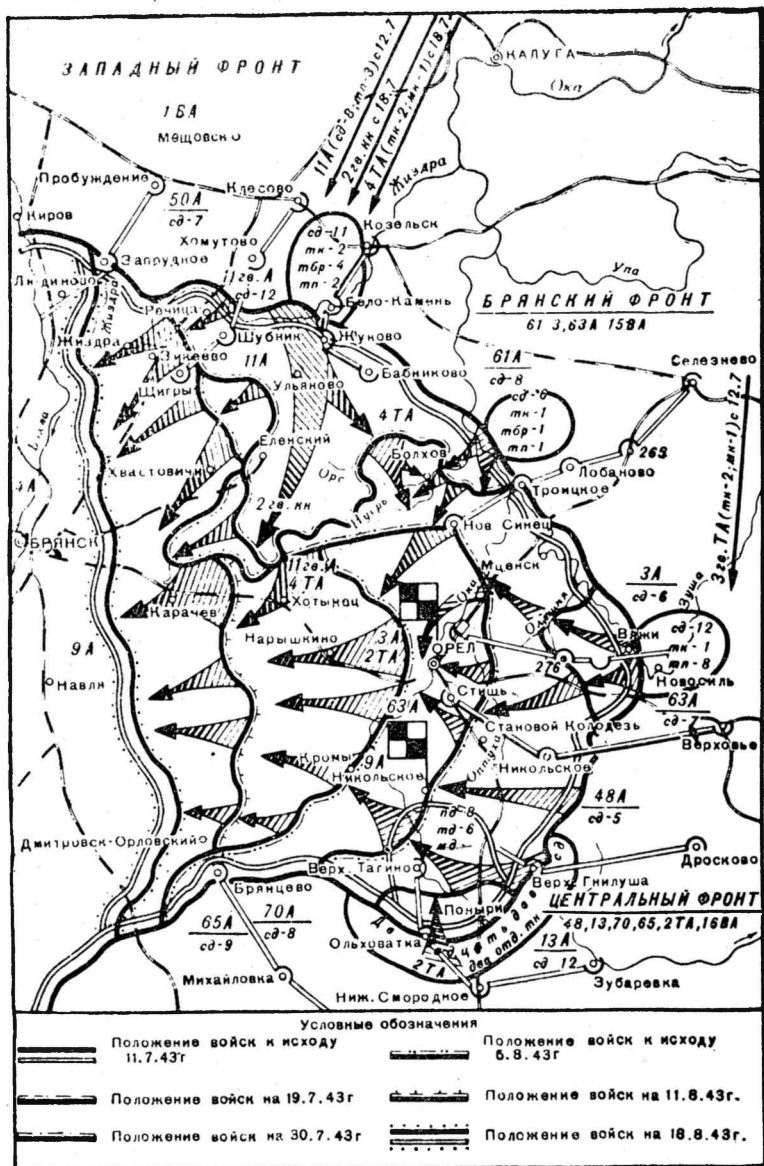
ки врага по сходящимся направлениям, с тем чтобы уничтожить ее. Действовать в этой операции должны были войска левого крыла Западного и всего Брянского фронтов в тесном взаимодействии с Центральным фронтом. Как сообщалось выше, сосредоточение сил и средств для операции началось заблаговременно, еще до начала сражения на Курской дуге. Наступать предполагалось в наиболее удобный для советских войск момент.

Орловский плацдарм обороняло 37 фашистских дивизий (в том числе 8 танковых и две моторизованные); в них насчитывалось до 600 тысяч солдат, более 7 тысяч орудий и минометов, около 1,2 тысячи танков и свыше 1,1 тысячи боевых самолетов. Это была мощная группировка, но надо напомнить читателям, что более трети ее пехотных и большинство танковых дивизий уже неделю вели тяжелейшие бои, пытаясь прорвать оборону Центрального фронта, и были значительно ослаблены.

В планах гитлеровского командования орловский плацдарм занимал видное место (отсюда всегда можно было угрожать Москве), и за 20 с лишним месяцев, в течение которых гитлеровцы находились на этом участке советской земли, они приложили немало усилий для создания здесь сильной обороны с развитой системой полевых укреплений.

Главная полоса обороны врага состояла из сильно укрепленных опорных пунктов и узлов сопротивления, связанных между собой сплошной разветвленной системой траншей и ходов сообщения. Надо отдать в этом должное противнику — строить оборонительные укрепления он умел, впрочем, так же, как и защищать их. Глубина обороны достигала пяти-семи километров, на наиболее важных направлениях — девяти. Укрепления прикрывались противотанковыми и противопехотными минными полями.

Населенные пункты, расположенные не только на переднем крае, но и на узлах дорог и местах переправ, были подготовлены для круговой обороны. Старинные русские города Орел, Болхов, Мценск, Хотынец, Карачев, Кромы фашисты превратили в мощные узлы сопротивления. В глубине обороны они заранее устроили большое число промежуточных и тыловых рубежей, отсечных позиций, в основном по берегам рек и речек. Восточнее Брянска велось строительство оборонительного рубежа под названием «Хаген», но не очень активно:

Контрнаступление советских войск на Орловско-Брянском направлении (12 июля — 18 августа 1943 г.).

фашистское командование было уверено в успехе «Цитадели».

Располагая Орлом — крупным узлом железных и шоссейных дорог, — противник мог широко маневрировать силами. В то же время наступающим советским войскам предстояло столкнуться с естественными препятствиями — реками, оврагами, балками, столь многочисленными в этих местах. Таким образом, на орловском плацдарме нашим войскам предстояло впервые прорвать многополосную, глубоко эшелонированную оборону противника, а это требовало серьезнейшей подготовки.

Такая подготовка велась на протяжении многих недель и к началу Курской битвы была в основном завершена. Но советское командование, несмотря на острую ситуацию, возникшую на Курской дуге, пока не отдавало своим войскам приказания переходить в наступление. Тут надо было избрать подходящий момент. С одной стороны, удар, нанесенный еще до того, как враг истратит свои ресурсы, мог столкнуться с упорным сопротивлением, а с другой стороны, нельзя было и запоздать с ударом, так как в этом случае противник мог уже перейти к обороне и встретить наступление наших войск организованным отпором. Надо сказать, что советское командование выбрало момент удачно: к 12 июля фашистские войска были уже измотаны, гитлеровское командование практически не располагало резервами, и в то же время оно все еще не отказалось от наступления, все еще лелеяло надежду прорвать фронт советских армий на Курской дуге и предпринимало к тому отчаянные попытки. В распоряжении же советского командования имелись мощные резервы, которые теперь своевременно было употребить в дело.

Нанести удар по орловской группировке врага, как уже отмечалось, Ставка ВГК планировала силами трех фронтов: левого крыла Западного фронта, всем Брянским и правым крылом Центрального фронта. К началу наступления на орловском направлении в этих фронтах насчитывалось 1 миллион 286 тысяч человек, более 21 тысячи орудий и минометов, 2400 танков и САУ и более 3 тысяч боевых самолетов. Как видим, перевес над противником имелся весьма существенный; но, конечно же, отнюдь не такой, о котором говорили в послевоенное время в своих писаниях гитлеровские генералы. Некоторые из них не стыдились утверждать, будто русские

одержали победу под Курском только потому, что вели сражение при соотношении сил 10 : 1!

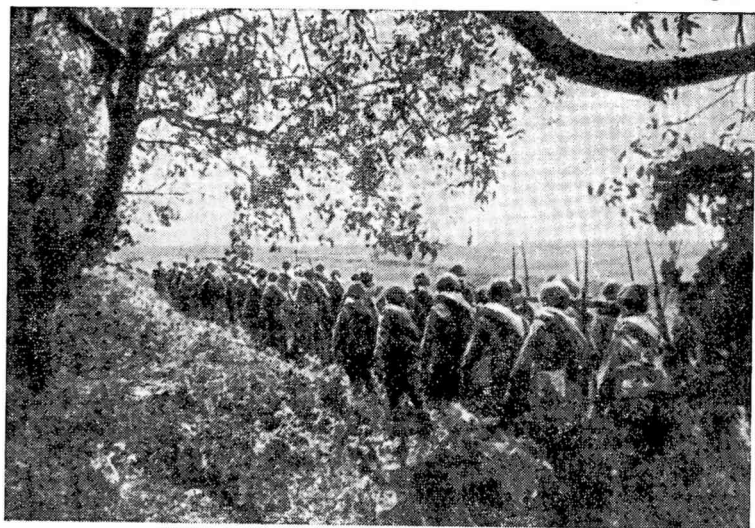
Главный удар в полосе Западного фронта возлагался на 11-ю гвардейскую армию, действовавшую на левом фланге фронта. Она должна была прорвать оборону фашистских войск у основания орловского плацдарма. К началу наступления армия эта представляла собой одно из наиболее мощных армейских объединений, создававшихся в годы войны, в ней насчитывалось 135 тысяч человек, 2652 орудия и миномета, 257 танков и САУ. Возглавлял армию Иван Христофорович Баграмян, опытный генерал, с первых дней войны находившийся на фронте; армией он командовал более года.

Подготовка наступления велась тщательно и всесторонне. Предполагалось употребить в дело большое количество артиллерии: средняя плотность ее достигала 185 орудий и минометов на километр фронта. Для сравнения скажем, что наивысшая плотность во время Сталинградского контрнаступления в одной из армий составляла всего 117 орудий на километр. Стремясь скрыть от врага момент перехода в атаку пехоты и танков, план артподготовки составили следующим образом: сначала короткий, пятиминутный, но мощный огневой налет, затем пауза в 20 минут, после нее в течение часа — контроль пристрелки. Предполагая близость атаки, фашисты должны будут занять места в траншеях, и тогда — огонь на подавление и разрушение в течение 55 минут. После залпа 450 «катюш» должен был последовать еще один огневой налет в течение 25 минут. Когда поднимется в атаку пехота, огневой вал станет постепенно передвигаться в глубину. За пехотой рванутся танки...

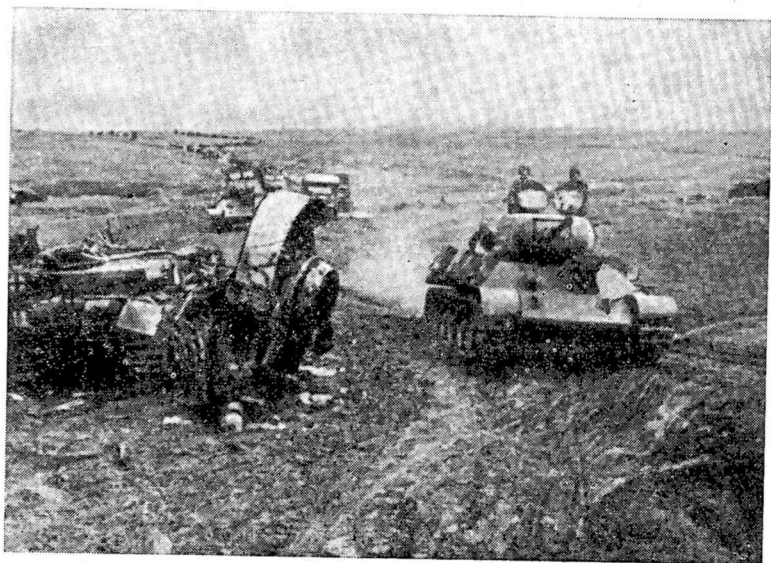
На Брянском фронте главный удар смежными флангами наносили 3-я и 63-я армии. Плотность артиллерии на километр фронта здесь была несколько ниже — до 150 стволов. В наступлении должен был участвовать и Центральный фронт, но войска его, на протяжении недели сражавшиеся с противником, несколько задерживались с началом контрнаступления.

Таким образом, орловская группировка врага должна была получить удары с трех сторон: с севера, востока и юга, что ставило противника в невыгодное положение, затрудняло ему маневр силами и средствами.

Вся подготовка велась в глубочайшей тайне, и советскому командованию удалось достичь стратегической

Через несколько часов они вступят в бой.

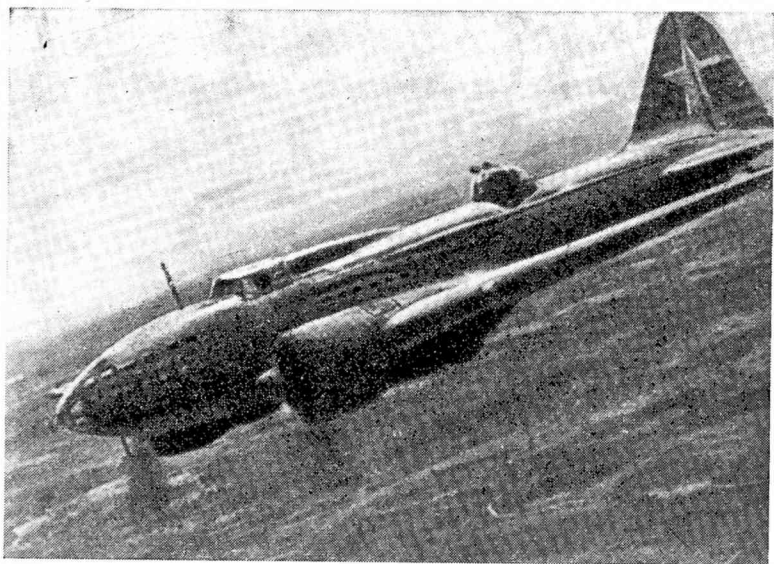

внезапности удара. Уже известный нам отдел «иностранные армии Востока» 1 июля 1943 года констатировал следующее: «В течение последних месяцев Красная Армия перешла к еще большей маскировке своей радиосвязи. После того как уже в начале этого года стало невозможно определение номеров соединений из русских секретных радиопередач, с некоторого времени произошло еще большее ограничение радиопередач, в особенности из подвижных соединений, находящихся в резерве... В связи с этим уже нельзя точно установить постоянные изменения в обстановке противника»¹.

Даже за сутки до общего наступления, когда войска Западного и Брянского фронтов начали силовую разведку боем, фашистские генералы сочли эти действия всего лишь за попытку отвлечь немецкие резервы от Курской дуги и помочь войскам Центрального и Воронежского фронтов. «Когда 11 июля в районе 2-й танковой армии внезапно начались атаки советских полков и батальонов, — писали после войны бывшие фашистские генералы, — наше командование, основываясь на прежнем поведении противника, сочло, что эти атаки имеют целью сковать находящиеся на орловском плацдарме немецкие резервы и тем самым воспрепятствовать их участию в ударе на Курской дуге. Командование группы армий «Центр» и 2-й танковой армии не придало значения этим атакам»².

А обратить на них внимание врагу следовало бы: благодаря своей внезапности эти атаки во многих местах увенчались успехом, кое-где были заняты первые вражеские траншеи, захвачены пленные. Удалось установить, что первые траншеи противника защищались обычно небольшими подразделениями, было вскрыто истинное начертание переднего края обороны врага, уточнены сведения о системе его огневых точек. Командование гитлеровской 2-й танковой армии бросило в контратаки свои ближайшие тактические резервы; дело доходило до рукопашных схваток. Теперь Баграмян мог не сомневаться, что ввязавшийся в бой противник уже не отведет свои войска из первой полосы обороны и, следовательно, снаряды нашей артиллерии не будут истрачены зря.

В 3.20 утра 12 июля на Западном фронте воздух и земля тяжело вздрогнули от внезапного грохота: советская артиллерия, «бог войны», начала сокрушительную артподготовку. Никогда еще до этого наступление наших войск не начиналось со столь хорошо подготовленного и

Отличные боевые качества продемонстрировала в Курской битве советская военная техника. Бомбардировщик Пе-2.

мощного артиллерийского огня. Но противнику следовало привыкать к этому крайне удручающему обстоятельству; отныне и впредь наступать станет Красная Армия, и начинать свое наступление она всегда будет с подобной артподготовки, с той только разницей, что ее ударная мощь будет неуклонно возрастать: 200, 250, 300 стволов на километр фронта, как на 1-м Белорусском фронте в апреле 1945 года!

Очевидец артподготовки в 11-й гвардейской армии военный корреспондент Е. Воробьев писал: «Только в самые первые мгновения можно было различить звуки отдельных выстрелов, затем все слилось в осадистый гул. Голоса полковых пушек, дивизионной артиллерии потонули в этом гуле, и лишь солидные басы сверхбольших калибров, тяжеловесные реплики гаубиц из Резерва Главного Командования угадывались во всеобщем грохоте. То не был один какой-то гром, то было их напластование, столпотворение шумов, способное оглушить все живое. Звуки выстрелов слились с неумолчным эхом... Горизонт на юге исчез за дымом и землей. Земля взметнулась вверх и осталась висеть черной массой вопреки

всем законам тяготения... Потом орудийный гул внезапно смолк, и землетрясение прекратилось. Всем показалось, что они оглохли, — такой непривычной, почти сверхъестественной была тишина.

А затем, после этой тишины, канонада вторично потрясла небо и землю. К гулу орудий присоединился яростный рев «катюш». Стало слышно, как в ближней роще механики-водители заводят свои танки, готовые к броску»³.

Генерал Баграмян на наблюдательном пункте следил за началом боя. Это было нелегко: всю долину реки застлало дымом. Но в армии имелось более пятисот переносных радиостанций, и многие из них находились в подразделениях передовых эшелонов, поэтому четкое управление войсками было обеспечено. Командарм, получая доклады с мест, хорошо представлял ход боя и мог воздействовать на него.

Вот в 6 часов 5 минут в ста метрах от переднего края обороны врага вновь взметнулась полоса земли и дыма — это рубеж огневого вала, под его защитой пехота начала атаку... Вот она, сопровождаемая танками, ворвалась в расположение врага... В половине девятого утра поступают сообщения о том, что захвачена первая позиция главной полосы обороны.

Баграмян вводит в дело передовые отряды танковых бригад. С пехотинцами на борту танки устремляются вперед, артиллерия вновь повысила голос: дальнобойные орудия поражают теперь цели в глубине вражеской обороны, расчищая дорогу танкам.

Части 211-й и 293-й немецких пехотных дивизий поначалу оказывали слабое, разрозненное сопротивление, но со второй половины дня оно резко возросло: фашистское командование ввело в бой резервы, появились вражеские танки. Нашим войскам пришлось отразить семь сильных контратак гитлеровских войск. Баграмян своевременно ввел в сражение вторые эшелоны стрелковых корпусов и танковый корпус; к исходу первого дня наступления нашим войскам удалось прорвать первую полосу обороны врага, продвинувшись на 8—10 километров.

В этот день бессмертный подвиг совершил пулеметчик 40-го гвардейского полка 11-й гвардейской дивизии рядовой С. А. Кукунин. За деревню Старица (сколько их с таким названием в России?) шел очень упорный бой, Кукунин пулеметным огнем расчищал путь пехоте, вместе с товарищами отбил две контратаки врага. Когда же

батальон перешел в решительную атаку, Кукунин был в передовой цепи. Огонь вражеского пулемета заставил цепь залечь. С гранатой в руках советский пулеметчик пошел на дзот врага, бросил в него гранату. Но амбразура дзота продолжала извергать смерть для товарищей Кукунина, и тогда он бросился вперед и заслонил ее своим телом... Сергей Александрович Кукунин посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Ночь 13 июля ушла на подготовку прорыва второй полосы обороны. Над позициями врага рокотали ночные бомбардировщики По-2. На дорогах, пользуясь темнотой, тянулась к фронту артиллерия, везли боеприпасы, продовольствие, горючее: до утра в войска необходимо было доставить все необходимое.

С рассветом бой вспыхнул с новой силой. Враг отвечал контратаками. Активнее стала действовать его авиация (в первый день она была подавлена нашими летчиками). Советские войска маневрировали, обходя узлы обороны противника, но темп прорыва явно замедлился, и в 14.30 Баграмян решил ввести в сражение 1-й танковый корпус.

Ввод танковых соединений в прорыв всегда сложное дело. Нельзя промедлить, ведь враг может закрепиться и встретить танки хорошо организованным огнем. Но нельзя и спешить: если артиллерия и пехота не прочистили дорогу танкам, они опять понесут ненужные потери...

В этой операции танки были использованы умело. К исходу второго дня тактическая зона обороны врага была прорвана, наши войска продвинулись на глубину до 25 километров. Это был немалый успех.

Труднее развивалось наступление в полосе Брянского фронта. О начале наступления мы имеем свидетельство авторитетного участника событий, маршала артиллерии Н. Н. Воронова, находившегося на Брянском фронте в качестве представителя Ставки: «Командование, штабы и войска были готовы к наступлению. Мы сверили часы и стали ждать начала артиллерийской подготовки. Во круг воцарилась особенная, торжественная тишина.

В небо взлетели ракеты. Через мгновение кругом все загрохотало. В расположении противника взвивались ввысь столбы пыли и дыма от разрывов наших снарядов и мин. На этом фоне были видны огневые вспышки мощных разрывов реактивных снарядов... Время шло быстро... Я следил в стереотрубу за продвижением передовых подразделений, временами волнуясь за тех, кто

очень близко находился от разрывов нашей артиллерии. Войска продвигались вперед. Противник на переднем крае и в глубине до 2—3 километров был подавлен и сопротивлялся слабо»⁴.

Но вскоре враг оправился и начал жестоко контратаковать. Со второй половины дня фашистская авиация стала непрерывно атаковать наши войска с воздуха. В первый день наступления войска 3-й и 63-й армий не смогли прорвать главную полосу обороны врага и вели бои в ее глубине, уничтожая многочисленные опорные пункты противника. Лишь к исходу следующего дня, когда в сражение был введен танковый корпус, тактическая зона обороны врага была прорвана: на направлении главного удара советские войска продвинулись на 15 километров и расширили прорыв до 25 километров по фронту.

Еще сложнее развивалось наступление в полосе 61-й армии, наступавшей на Болхов — важный узел вражеской обороны, который противник защищал с особенной ожесточенностью.

В боях за Болхов отличился лейтенант Алексей Попугаев — комсорг батальона 32-го гвардейского стрелкового полка 12-й гвардейской дивизии. Командир батальона, видя, что под массированным огнем залегла первая рота, послал Алексея вперед. Перебежками добрался комсорг до передовых рядов. Не шевелясь, вжавшись в землю, лежали бойцы, а огонь противника, казалось, все крепчал. Но поднялся во весь рост комсорг:

— Вперед, гвардейцы, вперед — за Родину!

И, не оглядываясь, бросился к траншеям противника. Хорошо знали его бойцы батальона, а потому, как будто поднятые волной, кинулись за Алексеем и ворвались на вражеские позиции, захватили их...

И в дальнейших боях всегда был впереди Алексей Попугаев, вплоть до Днепра, когда уже на правом берегу великой реки снова поднял в решительную атаку бойцов. Поднял — и был сражен автоматной очередью...

Удары войск Западного и Брянского фронтов 12 и 13 июля потрясли всю оборону противника на орловском плацдарме. В боевом отчете 9-й и 2-й танковой немецких армий за 13 июля сообщалось: «Уже в этот день по масштабу наступления против 2-й танковой армии можно было заключить, что противник поставил своей целью полностью овладеть орловским плацдармом... На

«За Родину!»

широком участке восточного фронта в течение 48 часов произошли коренные изменения. Центр тяжести боевых операций переместился в район 2-й танковой армии. Здесь кризис продолжал развиваться с невероятной быстротой»⁵.

Это наконец осознали и в Берлине. 13 июля Клюге и Манштейн были вызваны в ставку вермахта. Совещание началось с заявления Гитлера о том, что положение в Сицилии стало очень серьезным, итальянские войска вообще не желают воевать. Поскольку следующим шагом англо-американских войск могла быть высадка в самой Италии, командование вермахта оказалось перед необходимостью взять часть сил с Восточного фронта. Это ставило вопрос о возможности продолжения операции «Цитадель», и Гитлер желал знать мнение командующих группами армий.

— Девятая армия не может продвигаться дальше. — категорически заявил Клюге, — она потеряла уже слишком много солдат. Кроме того, мой фюрер, я вынужден отобрать у Моделя подвижные соединения, чтобы ликвидировать глубокие прорывы, достигнутые противником со вчерашнего дня уже в трех местах фронта 2-й танковой армии. Наступление 9-й армии не может продолжаться и не может быть потом возобновлено! — Клюге был настроен решительно.

Другого мнения, и, как мы видим ныне, совершенно безосновательно, придерживался Манштейн:

— Поскольку речь идет о группе армий «Юг», я должен заявить, что сражение вошло в решающую стадию. После успешного отражения атак противника, бросившего в последние дни в бой почти все свои оперативные резервы, победа уже близка. Остановить сейчас битву, вероятно, означало бы упустить победу!

Манштейн знал, что Гитлер с крайней неохотой пойдет на прекращение операции «Цитадель», которой он так долго ждал и на которую возлагал так много надежд. Командующий группой армий «Юг» развил перед фюрером совершенно фантастические, как мы знаем теперь, ни в коей мере не основанные на реальной оценке создавшегося положения планы дальнейших действий своих войск:

— Разбив противостоящего нам противника, — вещал Манштейн, — группа, как мы уже докладывали вчера в ОКХ, вновь будет наступать на север, перейдет Псел восточнее Обояни двумя танковыми корпусами и

потом, повернув на запад, заставит силы противника, находящиеся в западной части Курской дуги, принять бой с перевернутым фронтом... Если же после преодоления кризиса на Орловской дуге 9-я армия не сможет возобновить наступление, мы попытаемся по меньшей мере разбить действующие сейчас против нас силы противника так, чтобы мы могли легко вздохнуть...

Увы, ни Клюге не удалось «преодолеть кризис», ни Манштейну «легко вздохнуть» — инициатива находилась в руках советского командования, оно теперь было хозяином положения.

Так как один из командующих группами армий категорически отрицал возможность возобновления атаки на Курской дуге, Гитлеру ничего не оставалось, как думать о наиболее безболезненном прекращении операции. Он, по заверению Манштейна, все же согласился с тем, что группа «Юг» должна попытаться разбить действующие на ее фронте части противника и создать тем самым возможность снятия сил с фронта «Цитадель». Приказа о прекращении операции фашистский диктатор не отдал, надеясь, видимо, на успех Манштейна⁶.

13 и 14 июля фашистские танки сделали еще одну попытку прорваться к Прохоровке, но особых успехов не достигли. Однако 16 июля командование Воронежского фронта сочло необходимым перейти к обороне. В распоряжении, сделанном Ватутиным утром этого дня, значилось: «Упорной обороной войска фронта нанесли противнику большие потери в личном составе и материальной части, его план по захвату Обояни и Курска сорван. Однако противник еще не отказался от наступательных целей и стремится ежедневным наступлением главными силами обойти Обоянь с востока, а также расширить захваченный плацдарм.

С целью окончательного истощения сил наступающего противника армиям Воронежского фронта перейти к упорной обороне на занимаемых рубежах с задачей не допустить прорыва противником нашей обороны...»⁷

Но обороняться войскам Воронежского фронта больше не пришлось. В ходе боев 5—16 июля враг вклинился в оборону наших войск на глубину до 35 километров, образовал выступ с длиной дуги в 90 километров и... исчерпал свои наступательные возможности. Обороняться ему на этом выступе было рискованно: советские войска имели благоприятные условия для нанесения контрударов. Поэтому вражеское командование решило вы-

вести главные силы из возникшего «мешка», и 18 июля отход начался.

Может быть, Манштейн и попытался бы еще раз атаковать, по крайней мере в своих воспоминаниях он утверждал, что и в тот момент его не покидало оптимистическое настроение. Но общее положение на советско-германском фронте было таково, что гитлеровскому военному руководству уже не приходилось и мыслить о наступлении.

Войска Западного и Брянского фронтов расширяли наступление на орловский плацдарм противника. Гитлер отстранил от командования 2-й танковой армией генерала Р. Шмидта и подчинил ее «льву обороны» В. Моделю, уже знакомому нам. Тот постарался сделать все, чтобы сорвать наступление Красной Армии. В обращении к войскам Модель писал: «Все, что можно было ввести в наступление, противник бросил на наш фронт... Мы стоим перед сражениями, которые могут решить все. Я надеюсь, что каждый из вас сознает значение этого огромного сражения, которое является решающим для обеспечения жизненного пространства Германии».

В обращении Моделя бросается в глаза тезис о том, что фашистские солдаты на Орловщине, в глубине России, якобы обеспечивали «жизненное пространство» («Lebensraum») Германии. Об этом поговорим чуть ниже, здесь же скажем, что гитлеровское командование любой ценой хотело удержать орловский плацдарм и приняло срочные меры по усилению 2-й танковой армии: в середине и во второй половине июля в ее состав прибыло с других участков фронта 17 дивизий. Этим в основном и объясняется то упорство, которое орловская группировка оказала наступательным действиям наших войск. И все-таки даже такие крупные подкрепления не могли решительно изменить критическое положение противника.

Наиболее успешно наступала 11-я гвардейская армия И. Х. Баграмяна; естественно, что против нее-то и бросались прибывающие резервы. На исходе второго дня наступления на левом фланге прорвавшихся войск Баграмяна появилась танковая и моторизованная дивизии противника, а на правом — до двух пехотных дивизий. В таких условиях бросать оставшиеся резервы вслед за выдвинувшимся 5-м танковым корпусом было рискованно, и командующий армией приказал войскам

закрепляться на достигнутых рубежах, а 70-ю танковую бригаду отвел назад.

Двадцать лет спустя Баграмян писал: «Сейчас военные историки обвиняют меня в излишней осторожности, что не нужно, мол, было отводить танковую бригаду. А как бы поступили они, если бы в то время им доложили, что в тыл танковому корпусу выдвигаются крупные танковые и моторизованные силы противника?! Было бессмысленно оставлять бригаду в отрыве, пока не определились силы, стянутые противником на наши фланги, и исход боя по отражению его контрударов»⁸.

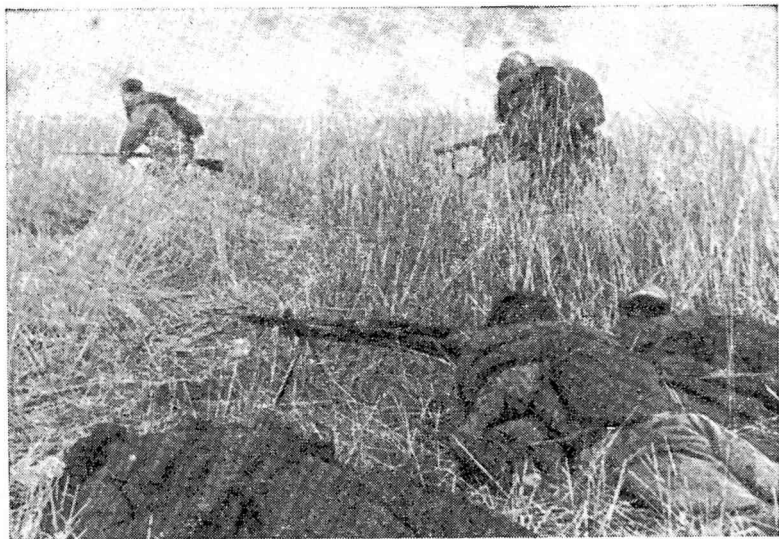
К сказанному можно добавить, что действия одной-двух танковых бригад мало что значили в огромном сражении, развернувшемся на орловском плацдарме, здесь требовались иные резервы. Ставка Верховного Главнокомандования хорошо понимала это и выделяла сражавшимся фронтам крупные подкрепления. 12 июля левое крыло Западного фронта было усилено 11-й армией генерала И. И. Федюнинского, а 18 июля — 4-й танковой армией генерала В. М. Баданова и 2-м гвардейским кавалерийским корпусом генерала В. В. Крюкова.

Но ввод в сражение стратегических резервов был связан с немалыми трудностями. Они дислоцировались на значительном удалении от линии фронта, и их продвижение сильно затруднялось бездорожьем, последовавшим в результате длительных дождей. Обстановка же требовала прибытия новых сил как можно быстрее.

Исключительно упорные бои шли в полосе 61, 3 и 63-й армий Брянского фронта. Противник контратаковал беспрерывно; по многу раз одни и те же населенные пункты и высоты переходили из рук в руки.

Но с 15 июля в сражение вступила новая сила, что еще более осложнило положение орловской группировки врага: в этот день после короткой артиллерийской и авиационной подготовки в направлении на северо-запад, на Кромы, силами своего правого крыла (48, 13, 70 и 2-я танковая армии) перешел в контрнаступление Центральный фронт. Как, видимо, помнит читатель, все эти армии, несколько дней назад остановившие натиск врага на северном фланге Курской дуги, были ослаблены.

Рокоссовский позднее писал, что решение перейти в наступление немедленно, почти без паузы, было поспешным и не вызывалось сложившейся обстановкой. Вышло так, что на важнейших направлениях войска наступали

Только вперед!

без тщательной подготовки и потому не достигли стремительного продвижения; противник вместо окружения и разгрома лишь выталкивался из орловского выступа⁹.

Подобное же суждение высказывал и Г. К. Жуков: «Центральный фронт свое контрнаступление начал там, где закончился его контрудар, и двигался широким фронтом, в лоб основной группировке противника. Главный удар Центрального фронта нужно было бы сместить несколько западнее в обход Кром.

К сожалению, этого не было сделано. Помешала торопливость. Тогда мы все считали, что надо скорее бить противника, пока он еще не осел в обороне. Но это было ошибочное рассуждение»¹⁰.

Войскам Центрального фронта пришлось преодолевать упорное сопротивление гитлеровцев, в буквальном смысле прогрызать одну позицию за другой. Враг применял подвижную оборону: пока одни части оборонялись, другие занимали новый рубеж в тылу. Поскольку танки у гитлеровцев еще имелись, они часто контратаковали.

Генерал Н. П. Пухов, командующий 13-й армией, сыгравшей столь видную роль в отражении натиска врага, вспоминал об этих днях: «Везде были видны следы недавней битвы. Снаряды, мины и бомбы вспахали все пространство. Повсюду глубокие воронки, клочья колючей проволоки, срубленные и сломанные деревья. Тысячи ног втоптали в землю посевы и траву. На месте сожженных отступавшими гитлеровцами деревень торчали только печные трубы».

Развалины и пожарища встречал на освобожденной земле советский солдат. «То наступая, то обороняясь, неутомимо преодолевал он громадные пространства, сокрушая все препятствия своим мужеством и трудолюбием, — писал Н. П. Пухов. — Тысячи раз глядел он в глаза смерти. Отдыхал только в госпитале, получив ранение, а выздоровев, снова шел на фронт, отыскивал родную часть и опять брался за оружие.

Днем и ночью, в зной и стужу шагал этот скромный безвестный герой с винтовкой или автоматом, пулеметом или бронебойным ружьем, такими же безотказными, как и он сам. С ним всегда была и неразлучная лопата, которой перекопаны горы земли.

Шел наш солдат всегда подтянутым, бодрым и веселым, с прибаутками, с песней»¹¹.

К 17 июля Центральный фронт оттеснил гитлеров-

ские войска на позиции, которые они занимали до начала битвы. После этого наступать стало еще труднее, так как теперь приходилось прорывать заранее подготовленную долговременную полосу обороны противника. Однако переход в контрнаступление Центрального фронта имел все же немаловажное значение для хода битвы на орловском плацдарме: враг не мог теперь снимать войска с этого участка и маневрировать ими.

Наиболее успешно продолжала наступать 11-я гвардейская армия Западного фронта: за неделю боев, к 19 июля, она продвинулась на 70 километров. Медленнее продвигались 3-я и 63-я армии Брянского фронта: к 16 июля они вклинились в оборону противника на 17—22 километра, вышли к ее промежуточному рубежу по реке Олешня, но с ходу прорвать его не смогли. Для этого требовались дополнительные силы.

Удивительнее всего, что, несмотря на столь мощное наступление советских войск на орловском плацдарме, командование вермахта все еще было не в силах признаться перед самим собой в провале операции «Цитадель». Тому есть документальные подтверждения. 17 июля, когда на южном фланге Курской дуги уже совершался отход войск Манштейна, в «Дневнике боевых действий верховного командования вермахта» появляется запись: «На передовой линии оперативной группы «Кемпф» и 4-й танковой армии не произошло никаких изменений». На следующий день — другая запись: «Наша ударная группировка под Белгородом была вновь перегруппирована». И лишь 19 июля наряду со лживой отметкой о том, что «в районе Харькова — Орла передний край обороны всюду удерживался», появляется стыдливое признание: «Из-за сильного наступления противника дальнейшее проведение «Цитадели» не представляется возможным. Наше наступление прекращается, чтобы создать резервы за счет сокращения линии фронта»¹².

Если поверить этой записи, гитлеровцы прекратили наступление не потому, что были отбиты с огромным уроном, а по собственной воле, и они, видите ли, не отступали под натиском советских войск, а «сокращали» фронт! Впрочем, суть дела от этого не менялась, фронт вермахта на орловском плацдарме трещал, и даже мобилизация всех сил не помогала.

19—20 июля близ Вероны в Италии состоялась встреча Гитлера и Муссолини. Главной темой их бесед было положение в Сицилии. Англо-американские войска

захватывали там один город за другим, и Муссолини, моля о помощи, просил прислать побольше солдат, танков и самолетов. Но Гитлер отказал союзнику в этом, так как кризис на Восточном фронте пожирал все силы и средства. Стремясь убедить дуче, что главное — стабилизировать положение на советско-германском фронте, Гитлер говорил:

— Если мы потеряем Северную Норвегию, через которую идут транспорты с железной рудой из Швеции, Северную Финляндию с ее никелевыми рудниками, Кривой Рог с его железорудными залежами, Балканы с их медными, хромовыми и молибденовыми месторождениями, то тогда для стран оси с ведением войны должно быть покончено. Но если эти области будут сохранены, то войну можно будет продолжать неограниченно.

Вряд ли Гитлер убедил Муссолини: своя рубашка всегда ближе к телу. Во время совещания главнокомандующий вооруженными силами Италии маршал В. Амброзио спросил начальника штаба немецкого верховного командования Кейтеля:

— Что, собственно, происходит на русском фронте?

Кейтель оказался в затруднении, он не мог признать, что наступление провалилось, и ответил:

— Наша доблестная армия успешно изматывает русских.

На это итальянец резонно заметил:

— Это не активная программа, а отказ от инициативы в операциях. В сущности, страны оси осаждены, они в замкнувшемся кольце; необходимо из него выбраться. Какие перспективы вы имеете, чтобы сделать это?

Что мог ответить Кейтель? Да ничего, ибо отныне, после провала «Цитадели», все надежды на благополучный для нацистов исход войны основывались на соображениях и расчетах, которые ни один реально мыслящий политик никогда не принял бы во внимание. Но нацистские главари жили в нереальном, вымышленном ими самими мире, где по мере ухудшения положения Германии в ход шли самые фантастические суждения и дикие расчеты.

Гитлеровское командование было крайне озабочено положением своей орловской группировки. В тот же день, 20 июля, Цейтцлер сообщал в штаб группы армий «Центр»: «Фюрер приказывает, чтобы в ночь с 20 на 21.7 ни в коем случае не последовал отход войск на фронте 9-й армии и 2-й танковой армии. Относительно дальней-

шего ведения боевых действий на орловской дуге фюрер примет свое решение 21.7. Фюрер приказывает далее предпринять все возможное, чтобы закрыть брешь северо-восточнее Брянска и отбросить противника на север»¹³.

Однако «отбрасывать противника» фашистские войска на Курской дуге были уже не в состоянии: инициатива полностью находилась в руках советских войск. Нашему командованию, для того чтобы развить успех, следовало как можно быстрее ввести в дело стратегические резервы. Таковые у него имелись, и в значительном количестве, но ввод их в сражение, как уже подчеркивалось, был сопряжен с большими трудностями. Находясь на значительном расстоянии от фронта, задерживаясь из-за бездорожья, резервные соединения при передвижении растягивались, артиллерия и боеприпасы отставали. Введение же свежих сил в бой требовалось немедленно, без задержки, и резервы приходилось использовать по частям, не дожидаясь полного сосредоточения, не соблюдая сроков, необходимых для подготовки к наступлению. Так произошло с 11-й армией генерала И. И. Федюнинского.

Армию, находившуюся в резерве Ставки, сформировали в апреле — мае. Состояние дивизий было удовлетворительным: они были укомплектованы личным составом и вооружением полностью. Правда, не хватало автотранспорта, а армии предстояло по получении боевого приказа совершить марш к фронту на расстояние в 160 километров.

К тому моменту, когда генерал Федюнинский, только что назначенный командующим, прибыл в 11-ю армию, ее соединения пешим порядком двигались к фронту: уже имелся приказ командующего Западным фронтом ввести армию в действие 20 июля на стыке между 50-й и 11-й гвардейскими армиями. Время для этого отводилось весьма ограниченное.

К назначенному сроку в район сосредоточения успели прибыть лишь четыре дивизии из восьми, часть артиллерии отстала, боеприпасами же войска были обеспечены лишь на первые дни сражения. Генерал Федюнинский доложил об этом командованию фронтом, но получил распоряжение наступать немедленно. 20 июля 135-я и 369-я стрелковые дивизии были введены в бой. Командарм-11 писал позднее: «Отсутствие тщательной подготовки сразу же сказалось. Пехота была утомлена

длительным маршем по размытым дождями дорогам. Для рекогносцировки и уточнения вопросов взаимодействия командиры имели слишком мало времени. Сведения о противнике были скудными и неточными. Артиллерия и тылы отстали. Бой принял затяжной характер»¹⁴.

За неделю наступления дивизии армии смогли продвинуться лишь на 12—15 километров. Задерживались с прибытием на фронт и другие резервы Ставки, что позволяло противнику укрепить оборону в полосе наступления левого крыла Западного фронта и замедлить продвижение наших войск.

Следует сказать, что недостатки в подготовке наступления сразу же были отмечены советским командованием. Маршал артиллерии Н. Н. Воронов, находившийся здесь в качестве представителя Ставки, доносил 27 июля Верховному Главнокомандующему: «Крупные оперативные резервы, назначенные для ввода в прорыв, должны ближе подтягиваться к участкам будущего прорыва, с тем чтобы своевременно могли быть введены в дело, чтобы противник не успел опомниться, подтянуть свои оперативные воздушные и наземные резервы. Нужно прямо сказать, что... Западный фронт... поздно получил 11-ю армию и последующие резервы».

Ставка Советского Верховного Главнокомандования, руководя сражением на орловском плацдарме, сочла необходимым 17 июля усилить войска Брянского фронта 3-й гвардейской танковой армией П. С. Рыбалко. В разговоре с командующим фронтом М. М. Поповым Верховный Главнокомандующий рекомендовал ввести армию в дело как можно быстрее, но в то же время предостерегал:

— Танки можно погубить, если двинуть прямо на Орел. В уличные бои в таком крупном городе танковую армию втягивать не надо. После того как будет обеспечено продвижение главных сил фронта, лучше направить ее на Кромы в интересах левого соседа...

К моменту ввода в сражение 3-я гвардейская танковая армия имела в своем составе около 40 тысяч человек, 730 танков и САУ, более 700 орудий и минометов. Командовал армией опытный военачальник — генерал-лейтенант Павел Семенович Рыбалко.

Умело и скрытно совершив 150-километровый марш и сосредоточившись в тылах Брянского фронта, армия в 10 часов 40 минут 19 июля четырьмя колоннами пошла

вперед. По оборудованным саперами бродам танки преодолели реку Олешня и атаковали врага; к исходу дня они продвинулись на глубину в 10—12 километров, прорвав тем самым тыловой оборонительный рубеж противника. Это немедленно привело к перелому в обстановке. В ночь на 20 июля наши войска освободили Мценск, старинный русский город, упоминавшийся в летописи еще в 1147 году.

Спустя полмесяца английский корреспондент Александр Верт побывал в Мценске: «Чертополох стоял в рост человека. Густые заросли чертополоха и другой сорной травы образовывали полосу шириной примерно в три километра... Руины на холме были развалинами Мценска. Две старухи и четыре кошки — вот все живые существа, которых советские солдаты нашли там, когда немцы отошли 20 июля. Прежде чем уйти, фашисты взорвали или сожгли все...

Сквозь заросли сорняков мы подъехали к Мценску. Нет, одно маленькое кирпичное строение каким-то образом уцелело. «Пункт питания, — гласило объявление. — Здесь вы можете получить дневную норму питания: завтрак, обед, ужин». Рядом другое объявление: «Враг разрушил и ограбил этот город, угнал в неволю его жителей. Они взывают к отмщению»¹⁵.

Да, вид разрушенных и обезлюдивших городов и сел Орловщины взывал к мести. Но советским солдатам предстояло увидеть на освобожденной земле зрелища и пострашнее...

Действия 3-й гвардейской танковой армии сразу после ввода ее в сражение ознаменовались крупным успехом. Представитель Ставки маршал артиллерии Воронов докладывал тогда же Верховному Главнокомандующему, что ввод танковой армии в прорыв был обеспечен мощной обработкой бомбардировочной и штурмовой авиации, а также сильной артиллерийской и минометной подготовкой и оказался своевременным и достаточно организованным.

В ночь на 21 июля танкисты Рыбалко вышли на восточный берег Оки. Части 3-й общевойсковой армии генерала А. В. Горбатова, пользуясь успехом танкистов, сумели в нескольких местах форсировать реку, но сделать это на широком фронте им не удалось. Борьба на берегах реки приобрела крайне ожесточенный характер. Гитлеровские войска всемерно стремились задержаться на последнем рубеже перед Орлом.

Не боем единым жив солдат.

Советское командование наращивало удары; битва разворачивалась, захватывая все новые участки советско-германского фронта, так что в скором времени упорные бои развернулись почти по всему фронту. 17 июля в Донбассе началось наступление Юго-Западного и Южного фронтов. Войскам Юго-Западного фронта предстояло форсировать Северский Донец, захватить плацдармы и с них развернуть дальнейшее продвижение. Войска Южного фронта стояли перед необходимостью прорвать мощную оборонительную полосу, устроенную врагом по реке Миус.

Это был удар на участке, вызывавшем особое внимание фашистского командования; Гитлер крайне опасался потери богатого природными месторождениями Донецкого бассейна, требовал от своих генералов защищать его до последней возможности и был готов перебрасывать сюда резервы даже с тех участков фронта, где положение фашистских войск также было не слишком-то утешительным.

8-й гвардейской армии Юго-Западного фронта, той самой армии, которая устояла перед натиском врага на прибрежных волжских утесах в Сталинграде, предстояло начать наступление с решения нелегкой задачи: под огнем противника форсировать Северский Донец. Командующий армией В. И. Чуйков описывал переправу так: «На правом, южном, берегу поднялись черные столбы земли и пыли, поползли клубы черного, копотного дыма... Из зарослей, из прибрежных лесов по-пластунски или бегом, пригибаясь к земле, спускались к воде передовые батальоны пехоты. Под дымовой защитой отчалили одна за другой весельные лодки... Первые лодки причалили к противоположному берегу. Гвардейцы коротким броском достигли первого ряда траншей, завязался жестокий рукопашный бой. Артиллерия перенесла огонь в глубину обороны противника, а от нашего берега отчаливала новая партия весельных лодок.

К 8 часам утра наши батальоны захватили первую и вторую траншеи, закрепились там. Под их прикрытием мы подвели к берегу понтонные парки и приступили к наводке переправы для артиллерии и танков»¹⁶.

Бои на Северском Донце были очень напряженными; в ходе их войска Юго-Западного фронта захватили плацдарм протяженностью около 30 и глубиной 10—12 километров. Войска Южного фронта закрепились на западном берегу реки Миус. Большого достичь не удалось, но

своими действиями войска этих фронтов не дали возможности противнику перебросить силы в район Белгорода и Орла. Напротив, в Донбасс из-под Харькова было переброшено пять танковых дивизий; они-то и остановили наступление наших войск.

Между тем на южном фланге Курской дуги наши войска к 23 июля, ломая сопротивление врага, по всему фронту вышли на рубеж, который они занимали до 5 июля. Оборонительная операция Воронежского фронта успешно завершилась. А за день до этого, 22 июля, на севере начали активные боевые действия войска Ленинградского и Волховского фронтов...

В этих боях слаженно взаимодействовали все рода войск. Атаки танков и пехоты поддерживали артиллерия и авиация. В конце июля газета 70-й армии опубликовала письмо старшего сержанта Елочкина, сержанта Квитко, рядовых Запорожца и Хоменко, в котором они благодарили за помощь летчиков-штурмовиков. «Наше подразделение наступало, — писали пехотинцы. — Бойцы по пятам преследовали гитлеровцев. Чтобы спасти положение, фашисты бросили в контратаку 18 танков. Но здесь появились наши соколы-штурмовики. Эх, и задали они фрицам жару! 8 танков подожгли, а остальные обратились в бегство. Контратака врага была сорвана. Назавтра наши летчики снова целый день бомбили боевые порядки немцев. Мы видели все это. Прекрасно работали наши соколы! Большое спасибо вам, товарищи летчики, за помощь. Вы с воздуха, а мы с земли будем крушить фашистов, накрепко завяжем орловский мешок. С братским приветом»¹⁷.

25 июля в газетах был опубликован приказ Верховного Главнокомандующего, в котором торжественно сообщалось стране, что «23 июля, успешными действиями наших войск окончательно ликвидировано июльское немецкое наступление из районов южнее Орла и севернее Белгорода в сторону Курска».

В приказе кратко рассказывалось о ходе боев, их итогах и подчеркивалось: «Таким образом немецкий план летнего наступления нужно считать полностью провалившимся».

Тем самым разоблачена легенда о том, что немцы летом в наступлении всегда сдерживают успехи, а советские войска вынуждены будто бы находиться в отступлении».

Теперь, в конце июля, немецко-фашистские войска, еще две недели назад наступавшие столь грозно и со столь решительными целями, испытывали все нарастающее давление наших войск, причем на важнейших стратегических направлениях. Поскольку резервов у немецкого командования было очень мало, положение войск вермахта становилось все более сложным.

Гитлеровцы надеялись, что наступательные действия наших войск вот-вот выдохнутся. Но советское командование думало не о прекращении наступления, а о всемерном его расширении и имело к тому необходимые ресурсы. Фашистское командование не знало, что предпринять. К тому же 25 июля из Италии пришло сообщение о свержении Муссолини. С неизбежностью следовало ожидать, что новое правительство маршала Бадольо не замедлит начать переговоры с союзниками о капитуляции. Чтобы избежать полного краха в Италии, требовались крупные силы, лучше всего танковые дивизии. А где их взять? Вот об этом-то и шла речь на совещании Гитлера с командующим группой армий «Центр» Клюге на следующий день, 26 июля.

Рассказав фельдмаршалу о событиях в Италии, Гитлер сообщил, что его решение о вмешательстве в итальянские дела будет определяться наличием достаточных сил:

— Я смогу действовать лишь в том случае, если переброшу дополнительно соединения с Востока на Запад... Теперь доложите мне, какая у вас обстановка. Дело в том, что я не могу снять соединения с фронта произвольно. Я должен выбрать политически надежные соединения. В первую очередь это три танковые дивизии СС, которые я смогу взять только из группы армий «Юг». Это значит, что вы должны будете вместо них использовать другие соединения. Но эти соединения можно будет высвободить только после того, как мы поставим крест на всем этом большом деле, оставим всю дугу (Гитлер имел в виду Орловско-Курский выступ фронта. — В. К.), а также, возможно, произведем дополнительно небольшое сокращение фронта...

Гитлер не жалел красок для изображения ситуации на фронте: «Создалось отчаянное положение», «Нам сейчас абсолютно необходимо принять срочные контрмеры», «Мы здесь не являемся господами своих собственных решений», «Это очень тяжелые решения, вызванные тем, что мы подошли к кризисной точке», «Ничего дру-

году нам не остается». Трудно представить, что еще две недели назад он был столь преисполнен самоуверенности и самодовольства.

Клюге не возражал: с орловского плацдарма надо отступать. Но требование Гитлера отдать дивизию его никак не устраивало:

— Мой фюрер! Я обращаю внимание на то, что в данный момент я не могу снять с фронта ни одного соединения. Это совершенно исключено в настоящий момент!

— Но это необходимо сделать, — настаивал Гитлер.

— Мы сможем высвободить немного войск только после занятия позиции «Хаген»...

Но позиция «Хаген» восточнее Брянска не была готова, и Клюге намеревался отойти к ней лишь к началу сентября.

— Так долго мы определенно не сможем ждать, — возражал Гитлер, — силы должны быть высвобождены раньше, иначе это все не поможет.

— Тогда Заукель не сможет вывезти всех своих рабочих.

— Это должно быть сделано! Ведь Заукель так быстро проводит эвакуацию.

— Но, мой фюрер, у него же такая масса людей! Он забьет мне мосты в тылу через Десну...

— Я, — отвечал фюрер, — немедленно бы погнал людей в тыл и приказал бы прежде всего строить позиции здесь!

— Это мы уже пробовали. Но сейчас все они на уборке урожая... Они убегают ночами со строительства целыми толпами, чтобы скосить свою рожь...

Надо объяснить читателю, что Фриц Заукель — «генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы» — был главным фашистским чиновником, организовывавшим массовый вывоз советского населения на каторжные работы в Германию. Методы работы Заукеля и его помощников в вермахте практически не отличались от методов работорговцев в Африке в XVII—XVIII веках. Жизнь сотен тысяч и миллионов советских граждан ничего не значила для гитлеровцев. Наиболее рельефно отношение их к жителям оккупированных районов высказано в одной из речей Гимmlера, произнесенной 4 октября 1943 года в Познани перед эсэсовцами: «Пребывают ли другие народы в благоденствии или же они подымают от голода, интересуют меня лишь постоль-

ку, поскольку мы нуждаемся в них как рабах для нашей культуры, в остальном это меня не интересует. Погибнут ли от изнурения при строительстве противотанкового рва 10 000 русских баб или нет, интересует меня лишь постольку, поскольку будет готов противотанковый ров для Германии...»

Смеем уверить читателя: в этих словах нет и тени преувеличения...

Гитлер немедленно спросил Ключе:

— Что вы делаете со скошенной рожью? Ее поджигают?

— Конечно, мы должны это делать. Допустим, нам следует ее сжигать. Но есть ли у нас для этого время? Мы должны уничтожать и ее, и прежде всего имеющийся в нашем распоряжении дорогой скот...

Как видим, Ключе извиняется перед фюрером: «У меня нет возможности все уничтожить». Отступая, войска вермахта стремились оставить после себя пустыню; на этот счет существовали специальные и совершенно недвусмысленные приказы. Тем не менее после войны гитлеровские генералы станут отрицать это, а ныне во многих западногерманских книгах солдаты и генералы вермахта изображаются не иначе как «рыцари без страха и упрека».

Ключе продолжал:

— А здесь, в тылу, у меня повсюду партизаны, которые все еще не только не разбиты, но все более усиливаются. К тому же их активность возросла в связи с выброской большого числа парашютистов. А 400 этих проклятых диверсий на железной дороге!..

В этом случае Ключе говорил совершенную правду: война с захватчиками шла не только на фронте, но и в их тылу; советские партизаны с каждым месяцем становились все более грозным соперником. Подчиненный Ключе начальник тылового района группы армий «Центр» генерал Шенкендорф еще в мае докладывал начальству, что 59 охранных и полицейских батальонов, имевшихся в его распоряжении, явно не хватает для охраны дорог и военных объектов. Только в июле партизаны совершили на железных дорогах врага более 1200 диверсий. Партизаны координировали свои атаки с действиями наших войск на фронте и, когда Красная Армия перешла в наступление, активизировали свои действия. Недаром партизан тогда любовно называли: «наш второй фронт».

Завершилось совещание Гитлера и Клюге следующим диалогом:

— Выходит, я должен высвободить войска и в то же время обеспечивать охрану ими дорог, по которым идут все перевозки, — жаловался Клюге. — Войска уничтожаются у Брянских лесов, наводненных партизанскими бандами, которые очень быстро восстанавливаются.

— Что же, я должен принимать тяжелые решения, очень тяжелые решения, — сетовал Гитлер.

— Я охотно верю, — в этом Клюге готов был согласиться.

— Но ничего другого нам не остается...¹⁸.

Однако наскрести резервов на востоке Гитлеру так и не удалось: Красная Армия наступала и снять с фронта что-либо было просто невозможно. За июль с советско-германского фронта не была выведена ни одна дивизия; в августе отсюда вывезли одну танковую дивизию, а уже в сентябре пришлось привезти 9 пехотных и 4 резервных дивизии. Пополнения шли на советско-германский фронт непрерывно и в возрастающих размерах: в июле 117 тысяч человек, в августе 123 тысячи, в сентябре почти 165 тысяч...

Западный, Брянский и Центральный фронты наращивали силу ударов по отходящим войскам противника. 25 июля в полосе 11-й гвардейской армии сосредоточились 2-й гвардейский кавалерийский корпус и 4-я танковая армия, которым до этого пришлось совершить большой марш. В состав танковой армии входил 30-й танковый добровольческий корпус, о котором надо сказать несколько слов, поскольку история его создания служит ярким примером сплоченности советского фронта и тыла.

В феврале 1943 года трудящиеся Урала выдвинули предложение создать добровольческий танковый корпус. Свердловский, Челябинский и Пермский обкомы ВКП(б) в письме в ГКО и ЦК партии сообщали: «Все для корпуса будет сделано в сверхурочные часы и на личные средства трудящихся... Мы берем на себя обязательство отобрать в корпус беззаветно преданных Родине людей Урала — коммунистов, комсомольцев, беспартийных большевиков». Инициатива уральцев была одобрена, быстро собрали немалую сумму — более 70 миллионов рублей, на заводах сверхурочно выплавляли сталь для танков, для вооружения. 100 тысяч советских патриотов подали в военкоматы заявления о желании сражаться в рядах корпуса. 30-й танковый был создан, прошел подго-

товку и был передан в состав 4-й танковой армии. Славный путь предстояло пройти ему по дорогам Отечественной войны. Теперь же корпусу под командованием генерал-лейтенанта Г. С. Родина надо было пройти крещение боем, и оно оказалось суровым.

Формирование 4-й танковой армии закончилось только 16 июля, а 19-го она убыла на фронт. На месте сосредоточения для подготовки операции армии был предоставлен один неполный день, и фактически она вступала в сражение с ходу. Встретив хорошо организованную противотанковую оборону, ее соединения были вынуждены сражаться на крайне пересеченной местности, изобиловавшей водными преградами. Армия несла большие потери и за 9 дней наступления смогла вклиниться в оборону противника только на 25—30 километров.

После войны авторитетные военные специалисты подробно рассмотрели недостатки использования танковых войск в ходе Орловской операции. Вот что писал маршал бронетанковых войск А. Х. Бабаджанян: «2-я танковая армия генерала С. И. Богданова, 3-я гвардейская танковая армия генерала П. С. Рыбалко и 4-я танковая армия генерала В. М. Баданова сыграли важную роль в ликвидации орловского плацдарма противника. Однако формы применения этих армий и методы их действий едва ли можно признать удачными с оперативной точки зрения. Все три танковые армии были применены, образно говоря, в качестве «бронированного молота» с задачей взлома и дробления заранее подготовленной обороны противника. При этом, если 4-я танковая армия наступала в одном направлении, то 2-я и 3-я гвардейская танковые армии выполняли свою задачу, нанося последовательные удары по обороне противника на ряде направлений. В связи с этим им пришлось совершить в ходе операции несколько перегруппировок вдоль фронта.

Каждая из этих танковых армий имела в своем составе около 800 боевых машин. Ввод в сражение такой массы танков мог бы обеспечить достижение решительных результатов, если бы не было допущено поспешности в использовании бронетанковых войск»¹⁹.

Под натиском советских войск гитлеровцы отступали. Свой отход противник прикрывал сильными арьергардами, которые оборонялись, опираясь на подготовленные промежуточные рубежи. От советских солдат и офицеров требовалось немало усилий, чтобы сбить врага с этих позиций. Бои носили предельно ожесточенный и крово-

пролитный характер. Приносившие противнику потери в людях и технике, они подтачивали силы вермахта, создавали условия для стремительного наступления Красной Армии на Левобережной Украине в августе и сентябре 1943 года.

Возможно, читатель обратил внимание, что вместо привычного для первых лет войны словосочетания «бойцы и командиры» только что было употреблено «солдаты и офицеры». Это не случайно, так как именно с конца июля 1943 года словосочетание «солдаты и офицеры» получает законные права и широкое распространение.

В «Правде» 28 июля был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке присвоения воинских званий военнослужащим Красной Армии» и статья «Советские офицеры», в которой разъяснялось, почему отныне командиры Красной Армии будут называться офицерами: «Наша страна высоко поднимает роль и достоинство советского офицера — плоть от плоти своего народа. Офицерские звания носят воины, посвятившие свою жизнь благородному делу защиты своей Отчизны на ратном поле. Офицер — одно из самых почетных званий в нашей стране и решающая фигура в нынешних и предстоящих боях с ненавистными гитлеровскими разбойниками».

В статье подчеркивалась преемственность лучших воинских традиций нашего народа: «Красная Армия — законный наследник исконной русской воинской славы и доблести. Советский офицер должен воспитывать бойцов своего подразделения в духе великих военных традиций нашей Родины. Словом и делом и прежде всего своим собственным примером и поведением на поле боя он должен прививать бойцам чувство горячей любви к родной земле, которую они защищают, безграничное мужество, сознание незыблемости боевого приказа, высокое понятие о воинском долге...»

Данная мера была естественным продолжением линии Коммунистической партии на дальнейшее укрепление единоначалия в армии. Можно напомнить читателю, что еще 9 октября 1942 года был издан Указ об отмене института военных комиссаров и введении единоначалия в Вооруженных Силах СССР, а 6 января 1943 года последовал Указ о новых знаках различия — погонах для личного состава Красной Армии. Все эти меры поднимали авторитет командиров, повышали дисциплину и организованность в войсках.

Орел. Цветы освободителям.

В начале августа бои развернулись на подступах к Орлу. С трех сторон наши войска настойчиво рвались к городу, и лишь крайним напряжением сил гитлеровцам удавалось удерживать коммуникации к западу от Орла. Командованию группы армий «Центр» теперь уже не приходилось думать о методическом, заранее запланированном и педантично исполняемом отходе. 31 июля Клюге писал о положении орловской группировки своих войск: «Штаб группы армий ясно представляет себе, что прежние намерения, при отходе нанести противнику возможно больше ударов, теперь невыполнимы, принимая во внимание снизившуюся боеспособность и переутомление войск. Теперь дело в том, чтобы поскорее оставить орловскую дугу. Темп отхода, однако, нельзя ускорять сверх установленного главным образом потому, что в противном случае войска будут вынуждены занимать совершенно неподготовленные позиции»²⁰.

Гитлеровцы понесли немалые потери от героических действий советских партизан. По разработанному Центральным штабом партизанского движения плану в ночь на 3 августа советские партизаны одновременно на огромном пространстве (по фронту около 1000 километ-

ров и в глубину до 750 километров) начали операцию по массовому выводу из строя железных дорог; она получила наименование «рельсовой войны». Результатом ее проведения была дезорганизация перевозок противника в столь критический для него момент. 4 августа в «Дневнике боевых действий ОКВ» была сделана запись: «Движение по железным дорогам на Востоке часто прекращается из-за подрывов рельсов (в районе группы армий «Центр» 3.8 произошло 75 больших аварий и 1800 взрывов). Движение поездов в районе группы армий «Центр» с 4.8 прекращено на 48 часов».

С 3 августа бои шли на непосредственных подступах к Орлу. Невооруженным глазом теперь видны были пожары в городе: фашисты старались уничтожить все, что возможно. В этот день Военный совет Брянского фронта выпустил воззвание к воинам: «Бойцы и командиры! На ваших глазах гитлеровские бандиты уничтожают город Орел. Вы находитесь в 6—10 километрах от него. 2—3 часа быстрого наступления не только предохранят вас от лишних потерь, но и не позволят врагу окончательно разрушить родной город. Вперед! На скорейшее его освобождение!»

Орел и дороги, ведущие на запад, были забиты колоннами отступающих гитлеровцев, и на дорогах, и у переправ через Оку образовались пробки. Советская авиация бомбила скопления вражеских войск и техники, что еще более усиливало панику среди отступающих.

В ночь на 5 августа бои шли уже в самом городе. На рассвете Орел был полностью освобожден. В этот же день войска Степного фронта очистили от врага Белгород.

5 августа Василий Гроссман побывал в Орле: «Солнце взшло над городом. Среди дыма еще не погасших пожаров, среди неосевшей пыли, поднятой высоко в небо взрывами, по мостовым, покрытым битым кирпичом и осколками стекла, шли наши войска.

Шли люди в пыльных сапогах, в выгоревших гимнастерках, с лицами, темными от злого августовского солнца, люди, которые много недель, в зной, в проливные дожди, сквозь огонь и смерть, шаг за шагом прорывая проволоку, разрушая траншеи, неотступно и неуклонно шли к Орлу с севера и востока, с юга и с юго-востока... Сурово выглядел этот первый парад в дыму пожарищ, в пыли взрывов, в высоком тумане, застилавшем небо над разрушенными кварталами города.

Первый салют Великой Отечественной.

И сотни людей выходили из подворотен, выползали из подвалов, бежали навстречу идущим под Красным знаменем командирам и красноармейцам»²¹.

Вечером 5 августа генералов Антонова и Штеменко вызвали в Ставку. В кабинете находились и другие военачальники. Верховный Главнокомандующий был в очень хорошем настроении и сразу же обратился к прибывшим генералам:

— Знаете ли вы военную историю? — Вопрос был неожиданным, и генералы не успели ответить, так как Сталин продолжал: — Если бы вы ее читали, то знали бы, что издавна, когда войска одерживали победы, то в честь полководцев гудели все колокола. И нам неплохо бы отмечать победы не только поздравительными приказами. Мы решили, — он кивнул головой на сидевших за столом членов Ставки, — давать в честь отличившихся войск и командиров, их возглавляющих, артиллерийские салюты. И учинять какую-то иллюминацию.

В полночь Москва двенадцатью артиллерийскими залпами из 120 орудий салютовала освободителям Орла

и Белгорода. Отмечать подобным образом новые победы с той поры стало традицией, а для советских людей в 1943 году первый салют был предвестником грядущей Великой Победы. Александр Твардовский писал тогда:

И голос праздничных орудий
В сердцах взволнованных людей
Был отголоском грозных будней,
Был громом ваших батарей.
И каждый дом и переулок,
И каждым камнем вся Москва
Распознавала в этих гулах —
ОРЕЛ и БЕЛГОРОД — слова.

Освобождение Харькова

23 июля 1943 года войска Воронежского и Степного фронтов (армии последнего были введены в сражение 18 июля) на плечах уступавшего противника подошли к рубежу, с которого 5 июля гитлеровцы начали наступление. Ставка Верховного Главнокомандования предполагала, что оба фронта немедленно начнут прорыв обороны врага. Но обнаружилось, что это невозможно; операция предстояла сложная, и подсчеты показывали: фронтам надо предоставить на подготовку минимум восемь суток. Г. К. Жуков вспоминал, что Верховный Главнокомандующий пошел на это «скрепя сердце», после длительных обсуждений: «Мне и А. М. Василевскому стоило большого труда доказать ему необходимость не спешить с началом действий и начинать операцию только тогда, когда она будет всесторонне подготовлена и материально обеспечена. С нашими соображениями Верховный Главнокомандующий согласился»¹.

Такой же точки зрения придерживались и командующие фронтами. Командующий Степным фронтом И. С. Конев писал позднее, что пауза в боевых действиях была действительно необходима. Во-первых, обстановка представлялась еще недостаточно ясной, не исключалась возможность того, что противник, опираясь на подготовленные рубежи обороны, усилит свою группировку за счет переброски частей с других участков фронта и нанесет контрудар. Во-вторых, советские войска нуждались в перегруппировке. Надо было подтянуть тылы, а это тоже требовало времени. В-третьих, вызывала

опасение задержка в развитии наступления войск Юго-Западного фронта в районе Изюма и Южного фронта на реке Миус. И наконец, в-четвертых, Воронежский фронт на отдельных участках все еще вел оборонительные бои. Начинать наступление на Харьков с ходу в сложившейся оперативно-стратегической обстановке не представлялось возможным².

Отброшенная на исходные рубежи вражеская группировка к началу августа была значительно ослаблена как кровопролитными боями, так и изъятием из нее части войск для переброски в Донбасс и на орловский плацдарм. На белгородско-харьковском направлении в начале августа противник имел 18 дивизий, в том числе 4 танковые. Всего в них насчитывалось до 300 тысяч человек, более 3 тысяч орудий и минометов, около 600 танков и 1000 самолетов. Близкого и мощного наступления на этом направлении враг не ожидал и, во всяком случае, рассчитывал отсидеться в обороне; им был создан здесь сильный семиполосный оборонительный рубеж глубиной до 90 километров.

Силы Воронежского и Степного фронтов значительно превосходили вражеские: после перегруппировки и доукомплектования в них насчитывалось 980,5 тысячи человек, более 12 тысяч орудий и минометов, 2400 танков и САУ, 1300 самолетов.

Располагая такими силами, советское командование имело возможность наносить мощные удары и именно там, где ему это представлялось выгодным. По свидетельству С. М. Штеменко, у командования Воронежского фронта, а также в Генштабе возникала соблазнительная мысль о попытке окружения вражеской группировки, оборонявшейся у Белгорода и Харькова. Такой замысел казался осуществимым, но появлялись аргументы, отрицавшие его целесообразность: окружение и последующая ликвидация белгородско-харьковской группировки противника надолго приковали бы к себе большое количество советских войск, не дали бы развивать наступление к Днепру и тем самым предоставили бы неприятелю время для организации вдоль этой реки сильной обороны.

Верховный Главнокомандующий в тот момент, как свидетельствует Г. К. Жуков, скептически относился к планам окружения крупных группировок фашистских войск, памятуя, видимо, что ликвидация сталинградской группировки потребовала более двух месяцев. Несколь-

ко ранее, когда ему предлагали, усилив войска Западного фронта, окружить группировку фашистов под Орлом, он отвечал:

— Наша задача скорее изгнать немцев с нашей территории, а окружать их мы будем, когда они станут послабее...

Впрочем, ждать такого времени оставалось недолго: шел август 1943 года, и в следующем, 1944 году советские войска осуществят блестящие операции по окружению врага, в том числе окружат и уничтожат в Белоруссии всю группу армий «Центр»!

1 августа Г. К. Жуков, обсудив незадолго до этого план предстоящего наступления с А. М. Василевским, прилетел в Москву. Здесь, в Ставке, план был согласован и получил название «Полководец Румянцев». Предполагалось нанести фронтальный удар смежными флангами Воронежского и Степного фронтов из района северо-западнее Белгорода в общем направлении на Богодухов, с тем чтобы рассечь белгородско-харьковскую группировку врага на две части, а затем охватить и уничтожить силы противника в районе Харькова. Планировалось, что глубина операции достигнет 120 километров, длительность — 10—12 суток. Главный удар должен был наноситься не по слабому месту обороны противника, а по его наиболее сильной группировке, находившейся севернее Белгорода. В случае удачи перед советскими войсками открывался путь к Днепру, а над тылом и коммуникациями врага в Донбассе нависла опасность.

Для выполнения этой задачи на ключевых направлениях было сконцентрировано как можно больше сил и средств. Так, на Воронежском фронте в полосе главного удара на километр фронта приходилось до 70 танков и САУ, до 216 орудий и минометов!

Операция «Полководец Румянцев» имела ту особенность, что не существовало единого письменного или графического документа с ее планом. На этот счет С. М. Штеменко вспоминал: «Его не было. Ставка и Генеральный штаб подразумевали под этим условным наименованием не документ, а совместные действия войск Воронежского, Степного и отчасти Юго-Западного фронтов в августе 1943 года, объединенные общей целью и единым руководством»³.

В ночь на 3 августа советские войска скрытно вышли в исходное положение. Близилося утро. Одна за

Долетался.

другой гасли звезды. Было тепло; длительные проливные дожди кончились дня за три до этого, дороги уже подсохли...

Когда часовая стрелка добежала до цифры 5, грохот небывалой канонады потряс утреннюю тишину. Вновь, как и во время предыдущих артподготовок, над гитлеровскими позициями встала сплошная пелена дыма и огня. Одновременно на бомбежку вражеских войск устремилась советская авиация. Дважды Герой Советского Союза А. В. Ворожейкин участвовал в этой бомбардировке: «Видимость отличная. Под крылом плывут ровные квадраты курской земли, редкие селения, жиденькие рощи. Издали на фоне залитой солнцем степи передний край выделяется черно-серой полосой дыма, похожей на большой земляной вал. Наша артиллерия и минометы подавляют оборону врага...

В небе на разных высотах идут несколько десятков Пе-2, эшелонами надвигаются Ил-2, свободно режутся в высоте истребители... Видно, как бомбы и снаряды накрывают какие-то укрепления и склады противника. От взрывной волны вздрагивают самолеты. Бушующий вал дыма и огня ширится к югу. Штурмовики, встав в круг и еще больше снизившись, поливают фашистов ог-

нем из пушек и пулеметов. В воздухе пока никакой вражеской авиации. Наши истребители тоже пошли на штурмовку...»⁴

А. В. Ворожейкин сообщает, что в этот день только раз видел вражеские истребители. Таков был итог сражений в воздухе над Курской дугой — господство над полем битвы захватила наша авиация, захватила, чтобы больше до конца войны не отдавать его врагу.

На земле дело тоже шло успешно для советских войск. Артиллерийская и авиационная подготовка была проведена блестяще и дала прекрасные результаты. Враг, не ожидавший такого мощного удара, был подавлен, воля его к сопротивлению подорвана. До восьми часов продолжалась подготовка, затем танки прорыва и пехота рванулись вперед.

Н. К. Попель, член военного совета 1-й танковой армии, наблюдавшей начало наступления, писал: «Вероятно, только танкист, да к тому же начавший воевать летом 1941 года, поймет чувства, охватившие в эту минуту меня, Катукова, Гетмана. Мы стояли, выпрямившись, в окопе и смотрели, жадно смотрели на обгонявшие одна другую «тридцатьчетверки», на эскадрильи молниеподобных штурмовиков, на величественно распластавших в небе крылья бомбардировщиков»⁵.

Чувства этих людей можно понять: вот уже третий год сражались они с захватчиками, пережили немало утрат и потерь, всего несколько недель назад перенесли страшное напряжение, отражая яростный штурм врага, и вот теперь наблюдали за тем, как мощно начинали наступление наши войска. Воистину праздник пришел и на нашу улицу!

Поначалу сопротивление врага было неорганизованным: слишком сильный удар пришлось выдержать его передовым частям. Очень быстро наши войска овладели первой, второй, третьей траншеей... Уже в первой половине дня на направлении главного удара они вклинились в оборону противника на 5—6 километров, и тогда Ватугин ввел в дело свою главную ударную силу: 1-ю и 5-ю гвардейскую танковые армии.

За время, прошедшее с момента окончания оборонительных боев, обе армии пополнились людьми и техникой. К началу контрнаступления 1-я танковая армия имела в строю 549 танков (412 — Т-34, 108 — Т-70 и 29 — Т-60), а 5-я гвардейская насчитывала 445 танков различных марок и 64 бронемашин.

Все идет по плану. Командующий Степным фронтом И. С. Конев (с п р а в а) и начальник штаба М. В. Захаров.

Мощный бронированный кулак обрушился на позиции врага. Обе танковые армии, введенные в прорыв на узком участке фронта шириной не более 5 километров, за день наступления продвинулись на 30 километров. Это был немалый успех, и его следовало развивать.

Более сложно складывалось наступление Степного фронта: его командование не располагало такими мощными средствами прорыва, которые имелись на Воронежском фронте. Тем не менее 1-й механизированный корпус уже 3 августа углубился в оборону противника на 15 километров.

На следующий день бои шли по всей полосе наступления фронтов, и главные группировки советских войск успешно развивали удар; 1-я и 5-я гвардейская танковые армии продвинулись с боями уже на 50 километров. С утра 5 августа войска Степного фронта ворвались на северную окраину Белгорода. Город был превращен врагом в мощный оборонительный узел: одних противотанковых рвов на окраинах его было отрыто более 10 километров. Бой шел за каждый квартал, за каждый дом. О степени его ожесточенности можно судить по

тому, что на улицах города только убитыми враг оставил более 3 тысяч солдат и офицеров.

Белгород, старинный русский город, был полностью разрушен захватчиками: из 3420 жилых домов не уцелел ни один. Жителей на момент освобождения в городе оставалось только 150 человек!

Выше уже упоминалось о разрушении фашистскими войсками древних русских городов Мценска, Орла, теперь вот Белгорода. Поскольку это было отнюдь не случайностью, имеет смысл рассказать о разрушении городов подробнее.

Советскому читателю хорошо известны общие намерения гитлеровцев при вторжении в СССР: они хотели, разбив Красную Армию, уничтожить наше социалистическое государство. Дальнейшие цели нацистов излагаются обыкновенно в самых общих чертах: захватить, ограбить, поработить, истребить. Иногда даже проскальзывает совершенно ошибочное утверждение: нацисты-де желали восстановить в нашей стране власть дореволюционных помещиков. На самом же деле их планы были и страшнее и фантастичнее.

Войну на Востоке фашисты вели под лозунгом овладения «жизненным пространством» («Lebensraum»), которого якобы остро не хватало германскому народу. Захваченные территории — вплоть до Урала — враг намеревался использовать в качестве колоний, в значительной степени онемечив их, по возможности быстрее. В одной из своих уже упоминавшихся «застольных бесед» в 1942 году фюрер выразил пожелание, чтобы на Востоке в течение ближайших 10 лет были созданы поселения из 10 миллионов немцев.

Гиммлер, которому предстояло руководить выполнением этого пожелания, не замедлил озаботиться составлением плана (так называемый «Генеральный план «Ост»»), в котором самым изуверским способом решались проблемы «колонизации Востока». Уже в июле 1941 года Гиммлер представил фашистскому диктатору эскизы автострад, новых поселений немецких колонистов и т. п. Предполагалось, что ядром немецкого поселения будет большое поместье, вокруг которого расположится примерно 40 усадеб поменьше. В окружении Гиммлера, да и вообще среди эсэсовцев, все уже видели себя господами огромных поместий на Востоке, пребывающими в довольстве и роскоши.

В фашистской печати совершенно открыто обсужда-

У родного очага.

лись планы колонизации, велась бешеная идеологическая обработка немецкого населения, особенно молодежи; одурманенным нацистскими догмами людям вдальблывалось в голову, что теперь, после завоевания огромных земель на Востоке, каждый немец, если только он верный последователь фюрера, может стать владельцем поместья в богатой и пока еще малоосвоенной земле — владельцем, на которого будут работать «неполноценные» рабы — славяне.

С лета 1941 года в нацистской пропаганде широко развернулась кампания, объектом которой стал «унтерменш» — недочеловек, обитатель Востока. Нацистские

заправили всерьез считали себя высшими существами на земле, а остальные, негерманские, народы — низшими, неизмеримо отставшими от немцев. В 1942 году гитлеровцы были настолько уверены в своем могуществе, что принялись на практике организовывать поселения на оккупированной земле; в 1942—1943 годах такие поселения создавались ими на Украине — в Винницкой области, в Прибалтике, в Крыму.

Судьба весьма многочисленного коренного населения разрешалась новоявленными колонизаторами до невероятности просто: всех жителей, которые казались нацистам лишними, следовало выселить (в Сибирь, к примеру) или уничтожить, желательнее последнее, чтобы в будущем не было лишних хлопот. В свете этих намерений и надо рассматривать тот ужасающий террор, который организовали захватчики повсеместно на оккупированной земле: это был лишь первый этап в запланированном ими процессе «колонизации Востока».

Одним из пунктов программы тотального истребления населения на Востоке было уничтожение городов. Они как национальные, хозяйственные, культурные, революционные и политические центры русского, украинского, белорусского народов представляли, с точки зрения нацистов, реальную угрозу их господству на Востоке. Кроме того, обитателей этих городов надо было кормить, а хлеб, мясо, молоко, яйца были так нужны рейху, его вермахту, «расе господ» в целом! И советские города были обречены на вымирание...

Высказывания Гитлера о необходимости уничтожения Москвы и Ленинграда известны. Города эти фашисты предполагали уничтожить авиационной бомбардировкой и артиллерийским обстрелом, а население их умертвить голодом. Ни в Москву, ни в Ленинград нацистов не впустили советские солдаты. Но страшна была судьба тех городов нашей страны, которые оказались во власти гитлеровцев.

В Киеве за годы оккупации гитлеровцы уничтожили свыше 195 тысяч советских граждан, и 6 ноября 1943 года советских воинов-освободителей встречало около 180 тысяч киевлян, то есть пятая часть довоенного населения. В Харькове за годы оккупации погибло около 112 тысяч жителей. В Новгороде до оккупации проживало свыше 40 тысяч человек. 20 января 1944 года освободителей встречали только 53 человека (10 мужчин,

35 женщин и 8 детей), а пригодными для жилья в этом городе, одном из древнейших в Европе, оставалось только 40 домов! В Луге до оккупации было 28 тысяч жителей, после нее — 4800; в Старой Руссе, городе с 37-тысячным населением, в марте 1944 года жителей не было вообще!..

Можно не сомневаться, что, будь у нацистов время, они без всяких колебаний полностью осуществили бы свои планы «освоения» «восточной территории». Такой возможности у фашистских варваров не оказалось: в ожесточенной, кровопролитной борьбе советский народ, его вооруженные силы наголову разбили гитлеровский вермахт, уничтожили «тысячелетний рейх» и тем самым спасли народы Европы от уготовленной им нацистами судьбы.

В начале августа 1943 года сражение продолжало разрастаться, и ход его, несомненно, грозил противнику катастрофическими последствиями. Фельдмаршал Манштейн еще совсем недавно, 13 июля, утверждавший в ставке Гитлера, что противостоящие его группе армий советские войска не способны к наступлению, теперь был вынужден спешно изыскивать меры, чтобы хоть как-то замедлить это наступление. В «Волчье логово» летели панические донесения о том, что «русские имеют колоссальное превосходство». В самом спешном порядке с юга на харьковско-белгородское направление возвращались танковые дивизии, переброшенные Манштейном для парирования наступательных действий Юго-Западного фронта.

Тем временем 5 августа в наступление перешли 27-я и 40-я армии Воронежского фронта; в первый же день они продвинулись в глубь обороны врага от 8 до 20 километров. К 6 августа в полосе наступления Воронежского и Степного фронтов оставались только отдельные, разрозненные узлы обороны врага. 1-я танковая и передовые части 6-й гвардейской армии за пять дней наступления продвинулись более чем на 100 километров и к вечеру 7 августа овладели Богодуховом.

Маршал А. Х. Бабаджян вспоминал: «Одним из первых ворвался в город на своем танке младший лейтенант И. М. Ивченко, коренной житель Богодухова. Здесь, в городе, в оккупации оставались его мать, сестра, жена с маленьким сынишкой. Из распахнутого люка танка он пристально вглядывался в улицы родного города, торопил водителя: «Скорей!» — а тот и так гнал

машину на полной скорости. Вот и дом, вот они родные — жена, мальчуган...

Население Богодухова встречает освободителей цветами, хлебом-солью. У многих на лицах слезы. В центре города жительница Мария Бачинская у своих ворот накрыла большой стол, устала его нехитрым угощением: квасом, молоком, фруктами — всем, что имела.

Какие-то люди, изможденные, в рваной одежде, просят танкистов проводить их к самому главному начальнику. Они окружают нас, обнимают, целуют. Оказывается, танкисты подоспели очень вовремя — немцы собирались расстрелять их, подозревая, что они поддерживали связь с партизанами»⁶.

В этот же день был освобожден Грайворон. Между гитлеровской 4-й танковой армией и оперативной группой «Кемпф» образовался разрыв в 55 километров. Успех был несомненным, но Ставка отчетливо ощущала некоторые недостатки, обнаружившиеся в ходе наступления. В ночь на 7 августа командующему Воронежским фронтом было послано указание: «Из положения войск 5-й гв. армии Жадова видно, что ударная группировка армии расплылась и дивизии армии действуют в расходящихся направлениях. Товарищ Иванов* приказал вести ударную группировку армии Жадова компактно, не расплывая ее усилий в нескольких направлениях. В равной степени это относится и к 1-й танковой армии Катукова».

В последующие дни события на этом участке советско-германского фронта приобретали все более угрожающий для противника характер. В «Дневнике боевых действий ОКВ» за 7 августа было записано: «В районе западнее Белгорода после ураганного артиллерийского огня противник продолжал свои атаки, используя пехоту и танки. Бои продолжаются. В течение всего дня 4-я танковая армия вела тяжелые оборонительные бои против мощных танковых атак противника». На следующий день появляется еще более выразительная запись: «В районе Харькова противник при поддержке мощных танковых соединений значительно увеличил свой прорыв, и его передовой отряд находится в 40 км северо-западнее Харькова»⁷.

Противник прилагал все силы, чтобы остановить продвижение наших войск и удержать Харьков. Он цеп-

* Так тогда именовался И. В. Сталин.

Наступление продолжается.

лялся за каждый клочок советской земли, ожесточенно контратаковал. Несмотря на то что оперативные возможности войск Степного фронта были меньшими, чем у Воронежского (Степной фронт не имел танковых армий), войска Конева неуклонно продвигались вперед. Один за другим они прорвали 7 (семь!) оборонительных рубежей на северных подступах к Харькову и к вечеру 11 августа вышли к внешнему харьковскому оборонительному обводу, проходившему в 8—14 километрах от окраин города.

Армии Воронежского фронта тем временем продолжали развивать наступление в юго-западном и западном направлениях, стремясь перерезать сообщение харьковской группировки врага с тылом. 8 и 9 августа танкисты Катуква вышли на реку Мерчик, а затем форсировали ее.

В этот момент характер сражения в полосе Воронежского фронта становится еще напряженнее: навстречу 1-й и 5-й гвардейской танковым армиям выдвигались фашистские танковые дивизии. Ставка Верховного Главнокомандования из данных разведки знала о переброске противником этих дивизий и была обеспокоена складывающимся положением. В ночь на 10 августа представителю Ставки Г. К. Жукову было передано указание: «Ставка Верховного Главнокомандования считает необходимым изолировать Харьков путем скорейшего перехвата основных железнодорожных и шоссейных путей сообщения в направлениях на Полтаву, Красноград, Лозовую и тем самым ускорить освобождение Харькова.

Для этой цели 1-й танковой армией Катуква перерезать основные пути в районе Ковяги, Валки, а 5-й гв. танковой армией Ротмистрова, обойдя Харьков с юго-запада, перерезать пути в районе Мерефа»⁸.

Обе танковые армии начали выполнять это распоряжение, и уже с утра 11 августа танкисты Катуква ворвались в Высокополье и на станцию Ковяги, перерезав тем самым железную дорогу Харьков — Полтава. Но в тот же день фашистские войска нанесли по соединениям 1-й танковой и левому флангу 6-й гвардейской армии мощный контрудар на богодуховском направлении. Однако с сосредоточением сил на ахтырском направлении противник запоздал и потому одновременно двустороннего удара в тыл ударной группировки Воронежского фронта у него не получилось.

В минуту затишья.

Полной внезапности гитлеровскому командованию достичь не удалось. «Вместе с тем, — констатируется в капитальном советском исследовании по истории Курской битвы, — следует отметить, что командование Воронежского фронта все же недоценило надвигавшейся угрозы и не приняло всех необходимых мер по укреплению успеха наступления и прочному обеспечению флангов ударной группировки фронта»⁹.

В ходе предшествовавших боев 1-я и 5-я гвардейская танковые армии были значительно ослаблены. В первой из них было лишь 134 танка, во второй — 155. Это позволило противнику добиться на направлении контрудара превосходства в танках в соотношении 1,3:1; к тому же в составе фашистских дивизий имелось значительное число тяжелых танков. Но наши войска сохраняли перевес в живой силе и артиллерии.

Стремясь отрезать и разгромить 1-ю танковую армию, овладеть железной дорогой Харьков — Полтава, гитлеровцы 12 августа ввели в бой до 400 танков. Советские войска сражались упорно: за день боев противник продвинулся только на 3—4 километра, неся тяжелые потери.

Несли потери и наши войска. В боевых порядках 1-й и 5-й гвардейской танковых армий, на которые обрушился удар гитлеровцев, было мало артиллерии крупного калибра, которая могла бы поражать танки врага с больших расстояний. «Тигры» пользовались этим и, подойдя к переднему краю обороны на 2,5—3 километра, били прямой наводкой по танкам и противотанковым орудиям, оставаясь в то же время вне пределов досягаемости наших орудий, имевших меньшую дальность прямого выстрела.

Столь же напряженно шло сражение и в последующие дни. Ватутин стал перебрасывать на угрожаемое направление резервы, концентрировать здесь артиллерию. Упорнейшая схватка продолжалась несколько дней.

К исходу 15 августа Жуков в донесении в Ставку так оценивал положение: «Как я уже доносил, противник за последние дни значительно усилил сопротивление нашим наступающим частям. Против армий Николаева и Степина* на сегодняшний день действуют в первой линии 10 танковых дивизий и 12 пехотных дивизий.

* Псевдонимы Н. Ф. Ватутина и И. С. Конева.

Все эти части подтверждены большим количеством пленных. Почти против всех армий Николаева и Степина, кроме усилившегося огневого сопротивления, за последние два дня противник проводит по 5—6 контратак пехоты с танками...

Сегодня 15.8 противник нанес удар по Чистякову*. В контрударе участвовали танковые дивизии «Рейх» и «Мертвая голова» при поддержке авиации, сделавшей по двум дивизиям Чистякова около 600 самолето-ударов»¹⁰.

Жуков докладывал далее, что остальные армии Воронежского и Степного фронтов продвинулись вперед незначительно, на 2—3 километра, что командармы просят предоставить на перегруппировку два-три дня, что он согласился на один день, но считает необходимым предоставить войскам на подготовку «нового прорыва» двое суток.

Гитлеровцам удалось вновь овладеть железной дорогой Харьков—Полтава; но за неделю боев 11—17 августа они продвинулись на север всего лишь на 20 километров. Таким образом, отрезать и разгромить наши танковые армии противнику не удалось; первый контрудар Манштейна был сорван.

Войска Степного фронта в это время вели очень тяжелые бои за овладение Харьковом. Местность вокруг города была сильно укреплена, существовали внешний и внутренний оборонительные обводы. Каменные здания в городе были превращены в долговременные оборонительные точки, улицы перекрыты баррикадами. Впервые за годы Великой Отечественной войны советские войска сталкивались с такой мощной обороной, созданной вокруг большого города и в нем самом, а, как известно, уличные бои имеют свои особенности. Сражение за Харьков растянулось на двенадцать суток.

Проиллюстрируем ожесточенность боев всего лишь одним примером. Группа воинов — 16 человек — во главе со старшим лейтенантом В. П. Петрищевым 15 августа штурмом захватила сильно укрепленную врагом высоту 201.7 у села Полевого. Во время штурма пулеметчик В. Е. Бреусов, выдвинувшись со своим «максимом» вперед, сумел уничтожить несколько огневых гнезд вражеских автоматчиков и тем способствовал взятию высоты.

* Командующий 6-й гвардейской армией.

В обход противника.

Едва 16 советских воинов закрепились на высоте, как гитлеровцы при поддержке тяжелых танков и танков-огнеметов пошли в контратаку, будучи отбиты — начали вторую, затем третью... Пулеметчик Бреусов обнаружил редкое самообладание: при приближении танков он укрывался с «максимом» в окопе, пропускал танки, а затем возобновлял смертельный для вражеских автоматчиков огонь.

Все меньше оставалось защитников высоты: семь человек, четверо — и среди них Бреусов. «Максим» теперь молчал — кончились патроны. Во время четвертой и пятой атак гитлеровцев Петрищев вызвал на себя огонь нашей артиллерии. Подоспела помощь, и высота осталась за нами.

Четверо смельчаков — старший лейтенант В. П. Петрищев, младший лейтенант В. В. Женченко, старший сержант Г. П. Поликанов и сержант В. Е. Бреусов за этот бой были удостоены звания Героя Советского Союза.

К 17 августа советские войска пробились к внутреннему оборонительному обводу и дрались теперь на окраинах Харькова. Но до взятия города было еще далеко, и враг отбивался ожесточенно.

Желание гитлеровцев сохранить в своих руках Харьков тем понятнее, что к этому времени им приходилось отбивать наступление наших войск на протяжении всего советско-германского фронта. Группа армий «Север» была скована действиями Волховского и Ленинградского фронтов. Группа армий «Центр» вынуждена была отступать под ударами Калининского и Западного, Брянского и Центрального фронтов. Северо-Кавказский фронт принудил врага отступать на Кубани. И наконец, 16 августа перешла в наступление главная группировка Юго-Западного фронта, а 18 августа мощный удар нанес Южный фронт.

Ставка Верховного Главнокомандования предполагала, что войска Юго-Западного фронта, прорвав оборону врага, выйдут к Запорожью и отрежут донбасской группировке противника пути отхода на запад. Войска Южного фронта должны были, сокрушив оборону врага по реке Миус, разгромить группировку вермахта в районах Таганрога, Артемовска, Горловки.

Для операции были выделены крупные силы: войска обоих фронтов насчитывали свыше 1 миллиона человек, около 21 тысячи орудий и минометов, 1257 танков и

САУ. С воздуха их прикрывали около 1400 боевых самолетов¹¹. Координировал действия фронтов представитель Ставки Верховного Главнокомандования А. М. Василевский.

На Юго-Западном фронте, ближайшем соседе войск, освобождавших Харьков, с самого начала наступления бои приняли напряженный, кровопролитный характер. Фашистское командование во что бы то ни стало желало удержаться в Донбассе, превратив его в мощный оборонительный район.

Кейтель докладывал тогда: «Оставление Донбасса и Центральной Украины повлечет за собой утрату важнейших аэродромов, большие потери в продуктах питания, угле, энергетических ресурсах, сырье»¹². Поэтому противник упорно сопротивлялся продвижению войск Юго-Западного фронта, непрерывно контратаковал крупными силами танков и пехоты. Но все же 18 августа после чрезвычайно ожесточенных боев советские войска овладели городом Змиев, что резко ухудшило положение харьковской группировки врага.

Войска Южного фронта (5-я ударная армия В. Д. Цветаева и 2-я гвардейская армия Г. Ф. Захарова) в первый же день наступления вклинились в оборону врага на 10 километров, и все попытки противника ликвидировать прорыв оказались тщетными. Вскоре 6-я немецкая армия была рассечена на две части, и это было тем более опасным для противника, что с севера над флангом и тылом его донбасской группировки нависли войска Степного фронта.

Потерпев к 17 августа неудачу на богодуховском направлении, фашистское командование тут же предприняло еще одну попытку остановить продвижение наших войск и сохранить за собой Харьков. В районе Ахтырки им было сконцентрировано значительное число бронированных соединений и частей: моторизованная дивизия «Великая Германия», 10-я моторизованная, 7-я танковая дивизии, части 11-й и 19-й танковых дивизий, 51-й и 52-й отдельные батальоны, состоявшие из «тигров». К югу от Ахтырки сосредоточилась танковая дивизия «Мертвая голова». Эти соединения были элитой фашистских танковых сил.

В состав группировки гитлеровцев в этом районе вошло до 400 танков, более 16 тысяч солдат и офицеров, свыше 260 орудий и минометов. Для сравнения укажем,

что в первый день сражения атакам врага с нашей стороны противостояли 8500 человек и 30 танков; с других участков для отражения удара противника можно было привлечь до 100 танков и около 700 орудий и минометов.

В девять часов утра 18 августа по растянутым и потому редким боевым порядкам 166-й стрелковой дивизии нанесли удар танки и мотопехота врага. Воины этой дивизии сражались до последнего. Но силы были неравны, и к исходу дня танки противника смогли продвинуться в юго-восточном направлении до 24 километров. Однако максимальная ширина этого клина у основания составляла всего 7 километров, что делало положение прорвавшегося врага весьма рискованным. Уже на следующий день продвижение вражеских танков было остановлено, прорыв к Богодухову не удался.

Тем временем к району сражения подошли основные силы 4-й гвардейской армии, выделенной Ставкой для усиления Воронежского фронта, а с северо-запада над тылом вклинившейся вражеской группировки все более нависали войска 47-й и 40-й наших армий. 19 августа они перерезали дорогу Ахтырка — Лебедин. Немецко-фашистское командование было вынуждено бросить часть своих сил навстречу наступающим советским войскам и тем существенно ослабить контратакующую группировку.

Возможности для развития наступления у врага были исчерпаны. 20 августа Г. К. Жуков в донесении в Ставку так характеризовал его действия: «В районе Ахтырка, Каплуновка противник применяет следующую тактику оборонительных действий: свои танки он рассредоточил за пехотой и за противотанковой артиллерией и упрятал их в необстреливаемых местах. Против наших наступающих частей... противник действует артиллерийским, минометным огнем, авиацией и контратаками пехоты с группами танков по 20—30 штук. Он, видимо, хочет сберечь свои танки и выбить наши танки, а затем, ослабив нас, попытаться перейти в наступление. Учитывая характер действий противника, я дал указания Ватутину и командармам бить врага, не отрывая своих танков от артиллерии и пехоты, бить главным образом авиацией, артиллерией и всей системой пехотного и противотанкового оружия»¹³.

Сражение продолжалось и в этот день, и в следующий. Результатом его был провал контрудара про-

тивника на ахтырском направлении. В то же время возможности для выхода войск Воронежского фронта в тыл харьковской группировки врага ухудшились. Участник событий, маршал бронетанковых войск А. Х. Бабджанян после войны отмечал, что исход встречных сражений наших танковых армий 11—21 августа в районах Богодухова и Ахтырки с танковой группировкой Манштейна «был не совсем удачным». Причину этого маршал видит в том, что танковая группировка наших войск в момент начала сражения была разбросана и сражалась на широком фронте. Командованию Воронежского фронта не удалось достаточно полно разгадать намерения врага и предупредить его. В результате получилось так, что советские танковые соединения вступили в схватку с контратакующим врагом разновременно, в невыгодной группировке, без достаточной поддержки артиллерии, авиации и пехоты. В итоге ахтырскую группировку врага быстро разгромить не удалось¹⁴.

Необходимо подчеркнуть, что Ставка Верховного Главнокомандования уже в ходе сражения определила ошибки в действиях командования Воронежского фронта и тогда же указала на них. В воспоминаниях С. М. Штеменко воспроизводится весьма характерный эпизод, происшедший в ночь на 22 августа после доклада Верховному Главнокомандующему об обстановке на фронте:

«— Садитесь и пишите директиву Ватутину, — приказал мне Сталин. — Копию пошлете товарищу Жукову.

Сам он тоже вооружился красным карандашом и, прохаживаясь вдоль стола, продиктовал первую фразу:

— «События последних дней показали, что вы не учли опыта прошлого и продолжаете повторять старые ошибки как при планировании, так и при проведении операций».

За этим последовала пауза — Сталин собирался с мыслями. Потом, как говорится, на одном дыхании, был продиктован целый абзац:

— «Стремление к наступлению всюду и к овладению возможно большей территорией без закрепления успеха и прочного обеспечения флангов ударных группировок является наступлением огульного характера. Такое наступление приводит к распылению сил и средств и дает возможность противнику наносить удары

во фланг и тыл нашим далеко продвинувшимся вперед и не обеспеченным с флангов группировкам».

Верховный на минуту остановился, из-за моего плеча прочитал написанное. В конце фразы добавил собственноручно: «и бить их по частям». Затем диктовка продолжалась...

— «Я еще раз вынужден указать вам на недопустимые ошибки, неоднократно повторяемые вами при проведении операций, и требую, чтобы задача ликвидации ахтырской группировки противника, как наиболее важная задача, была выполнена в ближайшие дни»¹⁵.

Справедливости ради надо сказать, что к моменту отправления этой директивы положение под Ахтыркой стало улучшаться. 21—25 августа после ожесточенных боев группировка гитлеровцев в районе Ахтырки потерпела поражение, и город был освобожден от захватчиков.

Неблагоприятное для врага положение складывалось и южнее Харькова: здесь войска Юго-Западного фронта прорвали оборону врага по Северскому Донцу. Все это создавало благоприятные предпосылки для взятия Харькова.

Вернер Кемпф, командующий группировкой, защищавшей Харьков, не жалел своих солдат, выполняя указание Гитлера удержать город. Противник цеплялся за каждую позицию, за каждый укрепленный пункт. Наши войска начали обтекать город с северо-запада. Над группировкой Кемпфа нависла реальная опасность окружения. Единственным шансом на спасение для гитлеровцев было немедленное и поспешное отступление на юг. Но, покидая город, гитлеровцы не были бы самими собой, если бы не попытались уничтожить все, что возможно.

«Первые пожарища вспыхнули на Холодной горе, — сообщает Ю. Жуков. — Высокие черные столбы дыма поднялись к небу, потом как-то странно осели и окутали непроницаемой пеленой весь этот район с его церквями и многоэтажными зданиями. Почти одновременно запылал район железнодорожного узла. Зловещие белые клубы встали над ним: видимо, там горели какие-то склады. Пламя очень быстро распространялось вдоль улицы Свердлова и Ключковских улиц. Дым поднимался стеной уже над центром города»¹⁶.

Во второй половине дня 22 августа немецко-фашист-

ское командование вынуждено было начать отход из Харькова. Чтобы не дать врагу спокойно отойти, командующий Степным фронтом И. С. Конев приказал начать ночной штурм города. Бой продолжался всю ночь, и к утру противник, оставляя на улицах Харькова тысячи трупов, стал поспешно отступать.

«К рассвету грохот канонады утих, — пишет Ю. Жуков. — К городу потянулись колонны пехоты, артиллерии. С грохотом пошли тягачи, танки. Незабываемый, волнующий час освобождения!

Мы въехали в город ранним утром... Навстречу из всех переулков бежали дети с букетами астр. С треском летели на асфальт обломки немецких указателей. На каждом перекрестке стояли толпы людей. Десятки добровольцев — проводников указывали путь, советовали, как объехать минированные немцами участки, и говорили, говорили без конца, торопясь рассказать всем о наболевшем.

Город все еще горел...»¹⁷

К 12 часам дня 23 августа Харьков был полностью очищен от немецко-фашистских войск. В соответствующем приказе Верховного Главнокомандующего сообщалось: «Сегодня, 23 августа, войска Степного фронта при активном содействии с флангов войск Воронежского и Юго-Западного фронтов в результате ожесточен-

После битвы Заслуженная награда.

ных боев сломили сопротивление противника и штурмом взяли город Харьков.

Таким образом, вторая столица Украины — наш родной Харьков освобожден от гнета немецко-фашистских мерзавцев»¹⁸.

Вечером Москва салютовала освободителям Харькова 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

* * *

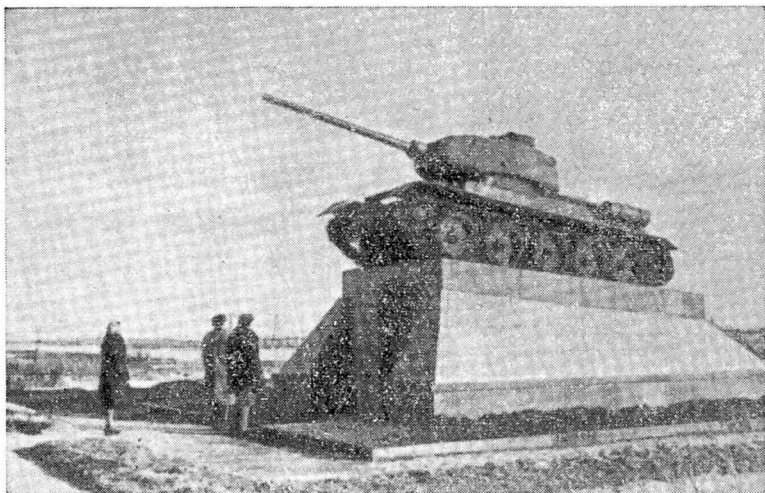
Принято считать, что со взятием Харькова битва на Курской дуге завершилась. Если принять эту дату, то по продолжительности (около 50 дней) сражение было не столь уж длительным, Сталинградское сражение, к примеру, продолжалось гораздо дольше. Но по размаху, ожесточенности и особенно по результатам Курская битва встала в ряд крупнейших во второй мировой войне: за сравнительно короткий срок на относительно небольшой территории в сражение с обеих сторон было вовлечено более 4 миллионов человек, свыше 69 тысяч орудий и минометов, более 13 тысяч танков и самоходных орудий, около 12 тысяч боевых самолетов.

— Все, что могли, бросили руководители фашистской Германии в огонь Курской битвы; со стороны вермахта в ней участвовало более 100 дивизий, то есть 43 процента всех дивизий, находившихся на советско-германском фронте. Но итог сражения был плачевным для гитлеровцев: Красная Армия разгромила 30 дивизий, вермахт потерял около полумиллиона солдат и офицеров, полторы тысячи танков, три тысячи орудий и более 3,7 тысячи самолетов.

В ходе колоссального сражения потерпела неудачу последняя попытка фашистского командования вновь овладеть стратегической инициативой, утраченной под Сталинградом, и решить исход войны в свою пользу. Престижу вермахта был нанесен непоправимый удар. Рухнул широко распространенный геббельсовской пропагандой миф о том, что советские войска могут якобы наступать только зимой.

Существенным образом ухудшилось состояние танковых войск фашистов: из 20 танковых и моторизованных дивизий противника, принимавших участие в сражении, семь были разгромлены, а остальные понесли столь значительные потери, что возместить этот урон фашистское руководство было просто не в состоянии. Гудериан признавался: «В результате провала наступления «Цитадель» мы потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с таким большим трудом, из-за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя. Их своевременное восстановление для ведения оборонительных действий на восточном фронте, а также для организации обороны на Западе, на случай десанта, который союзники грозились высадить следующей весной, было поставлено под вопрос... и уже больше на восточном фронте не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику...»

Да, инициатива теперь целиком находилась в руках советского командования. Вермахт был вынужден отступать практически по всему фронту, на Украине же наступление Красной Армии со дня на день приобретало все большую стремительность. Не пройдет и месяца со дня освобождения Харькова, и в начале 20-х чисел сентября 1943 года советские войска на огромном протяжении выйдут к Днепру и захватят на правом берегу многочисленные плацдармы; 6 ноября будет освобожден Киев, затем последуют новые мощные удары, и всю

«Никто не забыт и ничто не забыто».

зиму 1943/44 года вермахт, неся тяжелые потери, будет откатываться к границам нашей Родины...

Отныне наступать будет только Красная Армия.

Битва под Курском стала новым этапом в развитии советского военного искусства и оказала существенное влияние на последующий характер вооруженной борьбы Красной Армии с гитлеровскими войсками. Заблаговременное раскрытие замысла противника, правильный выбор направления главного удара, искусное сосредоточение основных сил на решающих направлениях, умелый и гибкий маневр силами, применение танковых войск для стремительного развития операций на большую глубину — все эти и многие другие вопросы стратегии и оперативного искусства решались в ходе Курской битвы исключительно эффективно.

Наш народ и его Вооруженные Силы в сражении на Курской дуге одержали не только военную, но и крупную морально-политическую победу. Самоотверженное служение Родине, способность преодолевать тяжелейшие испытания, готовность к подвигу, проявленные советскими воинами, были залогом этой победы. Немеркнущая слава овеяла знамена, под которыми сражались наши войска,

В сражении на Курской дуге массовый героизм, можно сказать, был нормой поведения советских бойцов и командиров, и это нашло отражение в обилии и разнообразии наград, полученных ими. Многие части и соединения были награждены орденами, 132 соединения и части получили гвардейское звание, 26 соединений и частей удостоились почетных наименований Орловских, Белгородских, Харьковских и Карачевских. Свыше 100 тысяч бойцов и командиров получили ордена и медали, а более 180 из них было присвоено звание Героя Советского Союза.

Много славных дат сохранила нам история нашего Отечества: 5 апреля 1242 года — день Ледового побоища; 8 сентября 1380 года — день Куликовской битвы; 27 июня 1709 года — Полтавская баталия; 26 августа 1812 года — Бородино...

В годы Великой Отечественной войны в этот изумительный ряд встали 5 декабря 1941 года — день контрнаступления под Москвой, 19 ноября 1942 года — начало контрнаступления под Сталинградом...

Среди этого созвездия негасимой славой сияет дата начала сражения, ознаменовавшего завершение коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Дата эта:

5 ИЮЛЯ 1943 ГОДА.

ПРИМЕЧАНИЯ

МЕЖДУ ВЕЛИЧАЙШИМИ СРАЖЕНИЯМИ

После Сталинграда

1. Цит. по: Мельников Д., Черная Л. Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1981, с. 379.
2. Там же, с. 380.
3. Цит. по: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. I, М., 1973, с. 16.
4. См. там же, т. 2, с. 369—373.
5. Василевский А. М. Дело всей жизни. Изд. 3-е. М., 1978, с. 294.
6. Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1951, с. 94.
7. Цит. по: Исраэлян В. Л., Кутаков Л. Н. Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История его возникновения и краха. М., 1967, с. 269.
8. Манштейн Э. Утерянные победы. Пер. с нем. М., 1959, с. 475.
9. См.: Проэктор Д. М. Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во второй мировой войне 1939—1945. Изд. 2-е. М., 1972, с. 523.
10. Дашичев В. И. Указ. соч., т. 2, с. 399.
11. Там же, с. 410—411.
12. Цит. по: История второй мировой войны 1939—1945. В 12-ти т. Т. 7. М., 1976, с. 127.

В Ставке Верховного Главнокомандования

1. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 4-е изд. Т. 2. М., 1979, с. 123—124.
2. Там же, с. 126—129.
3. Проэктор Д. М. Указ. соч., с. 510.
4. Жуков Г. К. Указ. соч., т. 1, с. 309.
5. Там же, с. 307.

Баланс сил — в нашу пользу!

1. Дашичев В. И. Указ. соч., т. 2, с. 417.
2. Гудерман Г. Воспоминания солдата. М., 1954, с. 270.
3. См.: «Военно-исторический журнал», 1969, № 9, с. 70—74.

4. Яковлев А. С. Цель жизни. (Записки авиаконструктора). Изд. 3-е. М., 1972, с. 349—351.

5. История второй мировой войны, т. 7, с. 114.

«Неудачи не должно быть!» — утверждал Гитлер

1. Подробнее об Р. Гелсне см.: Герэн А. Серый генерал. М., 1971.

2. Цит. по: Проэктор Д. М. Указ. соч., с. 532.

3. Меллентин Ф. Танковые сражения 1939—1945 гг. Боевое применение танков во второй мировой войне. М., 1957, с. 248.

4. Цит. по: Соловьев Б. Г. Вермахт на пути к гибели. Крушение планов немецко-фашистского командования летом и осенью 1943 г. М., 1973, с. 88.

5. Гудериан Г. Указ. соч., с. 301.

6. Цит. по: Проэктор Д. М. Указ. соч., с. 534.

7. Дашичев В. И. Указ. соч., т. 2, с. 421.

«Враг не должен пройти!»

1. Василевский А. М. Указ. соч., с. 116.

2. Жуков Г. К. Указ. соч., т. 1, с. 305.

3. Там же, с. 43.

4. Баграмян И. Х. Так шли мы к победе. М., 1977, с. 189—190.

5. Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. М., 1981, с. 217.

6. Подробнее о Н. Кузнецове см.: Лукин А. А., Гладков Т. К. Николай Кузнецов. М., 1971.

7. Штеменко С. М. Указ. соч., кн. 1, с. 225.

8. Жуков Г. К. Указ. соч., т. 2, с. 137.

9. Там же, с. 138—140.

10. Курская битва. П. р. И. В. Паротькина. М., 1970, с. 325—326.

11. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1976, с. 97.

12. Там же, с. 108.

13. Там же, с. 115.

14. Там же, т. 2, с. 58.

15. Там же, с. 70.

16. Там же, т. 1, с. 166—167.

Накануне

1. Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Курская битва. М., 1970, с. 62.

2. Чистяков И. М. Служим Отчизне. М., 1975, с. 141.

3. См.: «Вопросы истории», 1969, № 12, с. 130—131.

4. Москаленко К. С. На юго-западном направлении. Изд. 2-е, кн. 2. М., 1973, с. 6.

5. Василевский А. М. Указ. соч., с. 311.

6. Там же, с. 312.

7. Дашичев В. И. Указ. соч., т. 2, с. 422.

КРАХ «ЦИТАДЕЛИ»

К северу от Курска

1. Цит. по: Кардашов В. И. Рокоссовский. 3-е изд. М., 1980, с. 266.
2. Манштейн Э. Указ. соч., с. 436—437.
3. Жуков Г. К. Указ. соч., т. 2, с. 148—149.
4. Провал операции «Цитадель». (Разгром немецко-фашистских полчищ в битве на Курской дуге). М., 1965, с. 81.
5. Carell P. Verbrante Erde. Schlacht zwischen Wolga und Weichsel. Frankfurt am Main, 1967, S. 33.
6. Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч., с. 117.
7. Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1980, с. 212—213.
8. См.: Соловьев Б. Г. Указ. соч., с. 188.
9. Цит. по: «Красная звезда», 1943, 8 июля.
10. Курская битва. Воспоминания, статьи. Изд. 2-е. Воронеж, 1973, с. 246.
11. Рокоссовский К. К. Указ. соч., с. 215.
12. Цит. по: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч., с. 128.
13. Цит. по: Соловьев Б. Г. Указ. соч., с. 114.

На южном фланге дуги

1. Василевский А. М. Указ. соч., с. 204.
2. «Военно-исторический журнал», 1981, № 12, с. 78.
3. Цит. по: Курская битва. П. р. И. В. Паротыкина, с. 106.
4. Чистяков И. М. Указ. соч., с. 145.
5. Жуков Ю. Укрощение «тигров». М., 1961, с. 7.
6. Бабаджанян А. Х., Попель Н. К., Шалин М. А., Кравченко И. М. Люки открыли в Берлине. Боевой путь 1-й гвардейской танковой армии. М., 1973, с. 28—30.
7. Там же, с. 32.
8. Кожедуб И. Н. Верность Отчизне. М., 1971, с. 241—242.
9. Бабаджанян А. Х., Попель Н. К. и др. Указ. соч., с. 34.
10. Катухов М. Е. На острие главного удара. Изд. 2-е. М., 1976, с. 171.
11. Жуков Ю. Указ. соч., с. 28—29.
12. Цит. по: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч., с. 155—156.
13. Цит. по: Соловьев Б. Г. Указ. соч., с. 111.

Танковое сражение под Прохоровкой

1. Ротмистров П. А. Танковое сражение под Прохоровкой. М., 1960, с. 24.
2. Там же, с. 66.
3. Василевский А. М. Указ. соч., с. 314—315.

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ

Орловская операция

1. Цит. по: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч., с. 199.
2. Цит. по: Баграмян И. Х. Указ. соч., с. 201.
3. На огненной дуге. Воспоминания и очерки о Курской битве. М., 1963, с. 217—218.
4. Воронов Н. Н. На службе военной. М., 1963, с. 375—376.
5. Цит. по: История второй мировой войны, т. 7, с. 160.
6. См.: Манштейн Э. Указ. соч., с. 447—448.
7. Цит. по: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч., с. 176.
8. «Военно-исторический журнал», 1963, № 7, с. 92.
9. См.: Рокоссовский К. К. Указ. соч., с. 217—218.
10. Жуков Г. К. Указ. соч., т. 2, с. 167—168.
11. Пухов Н. П. Годы испытаний. М., 1959, с. 39—40.
12. Цит. по: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч., с. 228.
13. Цит. по: История второй мировой войны, т. 7, с. 162—163.
14. Федюнинский И. И. Поднятые по тревоге. Изд. 2-е. М., 1964, с. 151.
15. Верт А. Россия в войне 1941—1945. М., 1967, с. 495—496.
16. Чуйков В. И. Гвардейцы Сталинграда идут на запад. М., 1972, с. 61.
17. См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч., с. 246.
18. См.: Дашичев В. И. Указ. соч., т. 2, с. 423—427.
19. Курская битва. П. р. И. В. Паротькина, с. 199.
20. Цит. по: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч., с. 259.
21. На огненной дуге, с. 132—133.

Освобождение Харькова

1. Жуков Г. К. Указ. соч., т. 2, с. 157.
2. См.: «Военно-исторический журнал», 1963, № 8, с. 53—54.
3. Штеменко С. М. Указ. соч., кн. 1, с. 239—240.
4. Ворожейкин А. В. Над Курской дугой. М., 1962, с. 144—145.
5. Попель Н. К. Танки повернули на запад. М., 1960, с. 157.
6. Бабаджанян А. Х. Дороги победы. М., 1972, с. 118.
7. Цит. по: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч., с. 312.
8. Штеменко С. М. Указ. соч., кн. 1, с. 242.
9. Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч., с. 318—319.
10. Там же, с. 323—324.
11. История второй мировой войны, т. 7, с. 194.
12. Цит. по: Василевский А. М. Указ. соч., с. 328.
13. Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч., с. 341.
14. Курская битва. П. р. И. В. Паротькина, с. 200—201.
15. Штеменко С. М. Указ. соч., кн. 1, с. 243—244.
16. Жуков Ю. Указ. соч., с. 265—266.
17. Там же, с. 266—267.
18. История второй мировой войны, т. 7, с. 177.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУ ВЕЛИЧАЙШИМИ СРАЖЕНИЯМИ

После Сталинграда	4
В Ставке Верховного Главнокомандования	18
Баланс сил — в нашу пользу!	26
«Неудачи не должно быть!» — утверждал Гитлер	40
«Враг не должен пройти!»	59
Накануне	76

КРАХ «ЦИТАДЕЛИ»

К северу от Курска	89
На южном фланге дуги	118
Танковое сражение под Прохоровкой	142

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ

Орловская операция	156
Освобождение Харькова	191
Примечания	219